

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4
2021

ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. Робинсон (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Л.В. Луховицкий,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),
В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.Н. Саенко, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: *И.Е. Адельгейм* (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринев, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), *Е.Б. Лопатина,*
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Флоря Б. Н.</i> (Москва). Гетман и старшина в Левобережном гетманстве в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672)	5
<i>Кочегаров К. А.</i> (Москва). Польный гетман Григорий Огинский, литовские республиканцы и Россия в первые месяцы после Полтавской победы	12
<i>Прудовский П. И.</i> (Москва). Судьба польско-литовских пленных по Андрусовскому перемирию 1667 г. и миграции населения между Россией и Речью Посполитой.....	29
<i>Накишова М. Т.</i> (Екатеринбург). К истории Почепского дела князя А. Д. Меншикова	40
<i>Оксенюк А. А., Хутарев-Гарнишевский В. В.</i> (Москва). К происхождению запорожского кошевого атамана Петра Калнышевского и семьи Калусовских	60
<i>Пак Н. В.</i> (Санкт-Петербург). Еще раз к вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина	79
<i>Виноградова Л. Н.</i> (Москва). Русская народная демонология и ее региональные особенности. Часть 2. Поверья о черте. Демонологизация умерших. Люди со сверхъестественными способностями	102

СООБЩЕНИЯ

<i>Ростовцева Ю. А.</i> (Москва). Мотивы странничества в житиях Христа ради юродивых (Прокл Устюжский, Исидор Твердислов, Василий Блаженный)	117
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Хаванова О. В.</i> J. M. Bak, G. Pálffy. Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D.....	127
<i>Гусев Н. С.</i> Ю. Константинова. Българите в османския Солун	130
<i>Черчук О. И.</i> Отечественная богемистика в новом тысячелетии: Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой	134
<i>Марич Б., Керкез Др.</i> Наш језик. У част професора Срега Танасића.....	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Станчев М. Г., Страшнюк С. Ю., Шкабура Я. И.</i> Международная научная конференция «Балканы в международных отношениях от Поздней античности до эпохи глобализации» (Христовские чтения)	142
---	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Полонский Д. Г.</i> К юбилею Анатолия Аркадьевича Турилова	147
---	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Сазонова Л. И.</i> Памяти Ханса Роте (1928–2021)	150
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

JULY •

AUGUST •

THE EDITORIAL BOARD:

M.A. Robinson (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova, G.K. Venediktov, M. Gardzaniti (Italy), A.A. Gippius, N.S. Gusev,
M. Zelenka (Czech Republic), V.I. Kosik, M.V. Leskinen, L.V. Lukhovitski, G.F. Matveev,
L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov, V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin,
R. Preshlenova (Bulgaria), M.N. Saenko, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova.

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova* (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); *M.M. Valentsova* (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Contents

ARTICLES

<i>Floria B. N.</i> (Moscow). Hetman and Starshina in the Left-bank Hetmanate during the rule of Demian Mnohohrishny (1669–1672)	5
<i>Kochegarov K. A.</i> (Moscow). The field hetman Hrehory Ogiński, the Lithuanian republicans and Russia in the first months after the battle of Poltava	12
<i>Prudovsky P. I.</i> (Moscow). Polish-Lithuanian prisoners of war after the Truce of Andrusovo and the migrations between Russia and the Commonwealth	29
<i>Nakishova M. T.</i> (Ekaterinburg). Some information to the history of the Pochev case of prince A. D. Menshikov	40
<i>Oksenyuk A. A., Hutarew-Garnishevsky W. W.</i> (Moscow). To the origin of the Zaporozhian Sich kish otaman Petro Kalnyshevskii and Kalusowski family	60
<i>Pak N. V.</i> (St. Petersburg). Once again to the question of the editions of the Life of Antonius the Roman	79
<i>Vinogradova L. N.</i> (Moscow). Russian Folk Demonology and its regional features. Part 2. Beliefs about the devil. Demonologization of dead people. People with supernatural abilities	102

ESSAYS

<i>Rostovtseva Yu. A.</i> (Moscow). Motives of wandering in the Lives of Christ for the sake of the fools (Prokopy Ustyuzhsky, Isidor Tverdislov, Basil the Blessed)	117
--	-----

REVIEWS

<i>Khavanova O. V.</i> J. M. Bak, G. Pálffy. Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D.	127
<i>Gusev N. S.</i> Iu. Konstantinova. Bulgarians in Ottoman Thessaloniki	130
<i>Cherchuk O. I.</i> Czech Linguistics in Russia in the new Millennium: Collection of articles dedicated to the memory of the honoured professor of the Lomonosov State University Alexandra Grigoryevna Shirokova	134
<i>Maric B., Kerkez Dr.</i> Our language. In honor of Sreto Tanasic	137

SCHOLARLY LIFE

<i>Stanchev M. G., Strashniuk S. Yu., Shkabura Ya. I.</i> International Scientific Conference «The Balkans in International Relations: from Late Antiquity to the Age of Globalization» (X Drinov Readings) ...	142
---	-----

JUBILEES

<i>Polonski D. G.</i> For the anniversary of Anatoly Arkadyevich Turilov	147
--	-----

OBITUARIES

<i>Sazonova L. I.</i> An Obituary for Hans Rothe (1928–2021)	150
--	-----

DOI: 10.31857/S0869544X0015910-4

Оригинальная статья /
Original Article

Гетман и старшина в Левобережном гетманстве в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672)

© 2021 г. Б.Н. Флоря

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

zhurslav@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция отношений гетмана и старшины на Левобережной Украине на рубеже 60–70-х годов XVII в. от тесного сотрудничества к острому конфликту и объясняются причины этого.

Ключевые слова: гетман, старшина, казачество, Запорожье, Левобережное гетманство, Россия.

Ссылка для цитирования: Флоря Б.Н. Гетман и старшина в Левобережном гетманстве в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672) // Славяноведение. 2021. № 4. С. 5–11. DOI: 10.31857/S0869544X0015910-4

Hetman and Starshina in the Left-bank Hetmanate during the rule of Demian Mnohohrshny

© 2021 B.N. Floria

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

zhurslav@mail.ru

Abstract. The article deals with the evolution of the relations between hetman and starshina in the Left-Bank Ukraine at the turn of 1660–1670 from close collaboration till sharp conflict and explains the reason of it.

Keywords: hetman, starshina, cossacks, Zaporizhia, Left-bank Hetmanate, Russia.

For citation: Floria B.N. Hetman and Starshina in the Left-bank Hetmanate during the rule of Demian Mnohohrshny // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 4. P. 5–11. DOI: 10.31857/S0869544X0015910-4

Политические образования, возникшие в результате массовых народных восстаний, обладают специфическими закономерностями развития. С одной стороны, формирующаяся новая социальная элита для подчинения населения нуждается в объединении своих действий. С другой стороны, при решении вопроса о судьбе таким путем завоеванных благ интересы разных частей такой элиты могут сталкиваться и подчас весьма резко. В зависимости от конкретных условий на первый план могла выступать то одна, то другая сторона. Как представляется, такие закономерности достаточно четко прослеживаются на эволюции отношений гетманской власти и старшины в Левобережном гетманстве в годы правления Демьяна Многогрешного. Правда, следует при этом учитывать, что Левобережное гетманство не было самостоятельным политическим образованием и возможное разрешение конфликтных ситуаций зависело в конечном итоге от русского правительства.

В литературе по истории Украины второй половины XVII в., начиная с ярких характеристик в «Руине» Н.И. Костомарова, постоянно говорится о конфликте гетмана Многогрешного со старшиной, который завершился его отстранением от власти. Остается, однако, неясным, всегда ли отношения гетмана и старшины носили такой характер, когда конфликт начался, как протекал и чем был обусловлен его печальный для гетмана исход. Выяснению этих вопросов посвящена данная статья.

Переходя к главной теме исследования, следует сразу отметить, что свидетельства источников о первых годах правления гетмана Демьяна Многогрешного никаких сведений о такого рода конфликтах не содержат. В 1669 — начале 1670 г. имел место другой конфликт — между гетманом и старшиной северной части Левобережья и южными полками Левобережья, исторически связанными с Запорожьем и не желавшими подчиняться власти гетмана Многогрешного. В этой борьбе наблюдалось полное единство действий старшины и гетмана, отстаивавших их общие интересы. С помощью русской власти им удалось овладеть ситуацией. После подчинения в начале 1670 г. южных полков там на постах военачальников появились новые люди (как, например, новый полтавский полковник Ф. Жученко или миргородский полковник М. Кияшко), которые нашли общий язык с полковниками северной части Левобережья (подробнее об этом см. [3]) и можно было говорить о формировании общей социальной элиты гетманства.

Однако и после присоединения южных полков, сведений о каких-либо столкновениях гетмана и старшины не обнаруживается. Важно отметить, что состав старшинской рады оставался стабильным. В решениях рады января и мая 1671 г. участвовал один и тот же круг лиц¹. Как представляется, эта стабильность отношений была связана с тем, что перед старшиной и гетманом в 1670 г. стояли общие трудности, вызывавшие серьезное беспокойство.

Несмотря на подчинение южных полков, сохранялись опасения (имевшие, как показал последующий ход событий, реальные основания), что могут последовать выступления местного населения вместе с запорожцами против существующего общественного порядка. В апреле 1670 г. гетмана беспокоило положение в полтавском полку, откуда «частые мене откуда злые опасы доходят», и он просил прислать в Батурин стрелецкий гарнизон, чтобы стрельцы «всегда вместе при мне

¹ Ср. перечни членов рады в январе и в мае 1671 г. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА)). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 9. Л. 332–334об.; 861об.–862).

в городе были»². Этого ему удалось добиться в начале сентября 1670 г.³ В апреле того же года на раде гетман говорил, что его «во всех городех казаки мало любят», но он все равно «своевольников будет усмирять покаместа его мочи будет»⁴.

И гетмана, и левобережную старшину серьезно беспокоило то, что у казаков по обеим сторонам Днепра все большую популярность приобретал лозунг со- зыва «чернеческой рады» на Запорожье, где был бы избран новый гетман для Украины⁵. В июле 1670 г. послы гетмана просили Алексея Михайловича, чтобы он «черневой рады учинити не велел, чтоб меж ими не учинилось междоусобия и кровопролитья»⁶. Власти гетманства в 1670 г. неоднократно запрещали поездки его жителей на Запорожье и на Дон⁷.

Одновременно беспокойство гетмана и старшины вызывало охватившее соседние с гетманством территории восстание Разина. Здесь опасались соединения участников восстания, запорожцев и местного населения (об участии «черкас» в походе Разина на Волгу см. [1. С. 320–321, 325, 357]). Но уже в сентябре 1670 г. из гетманства были посланы войска на помощь русской армии в борьбе с восставшими на Слободской Украине [1. С. 329–330]⁸. 18 октября гетман с беспокойством писал о действиях запорожцев, которые «сих людей возбуждают и наговаривают, как они извыкли не к добру, но к злу всенародно приводити»⁹. В ноябре, видимо, обеспокоенный тревожными слухами гетман двинулся с войском на юг, к Гадячу «изменников без пощади карати горлом»¹⁰. Для поддержания порядка были приняты суровые меры: «крест целовали, где в котором полку объявитца какое засмушенье, и тех, де, казнить смертью»¹¹.

Такое общее напряжение содействовало, как представляется, консолидации правящей элиты. Показательно в этом плане то, что не произошло никаких осложнений в правящей среде, когда на рубеже 1679–1671 гг. гетман Многогрешный тяжело заболел и не смог выполнять свои обязанности. Созванная старшинская рада уже 1 января 1671 г. избрала на время болезни Многогрешного наказным гетманом его брата Василия, и надежный информатор московских властей нежинский протопоп Симеон Адамович никаких разногласий в связи этим не отметил (см. об этом [4. С. 732, 733, 735])¹².

Иначе, однако, обстояло дело в отношениях между казацкой верхушкой и населением. В самой столице гетманства — Батурине — старшина договаривалась с начальником стрелецкого гарнизона М.И. Колупаевым, как действовать, если случится «какая шатость и бунт»¹³. Старшинская рада, избравшая Василия Многогрешного, одновременно приняла решение «легкомысленных

² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 569.

³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (АЮЗР). СПб., 1877. Т. 9. № 63. Стб. 263.

⁴ АЮЗР. Т. 9. № 45. Стб. 187.

⁵ См. об этом РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 567–567об.

⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 673, 675.

⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 758, 758об., 795об.–796; АЮЗР. Т. 9. № 69. Стб. 282–284.

⁸ АЮЗР. Т. 9. № 57. Стб. 268–286. 187.

⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 172.

¹⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 210–210об.

¹¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 795об.–796.

¹² См. также отчет русского посланца К. Бухвостова и отписки М.И. Колупаева — РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 234, 238; 319–321об.

¹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 241об.

и шатосных людей укреплять и от всякого дурна унимать всем заодно»¹⁴. Правда, вопреки опасениям волнения в Батурине не произошло, но «от многих легковесных людей, от сотников и от казаков в Полтавском и в Нежинском, и в Гадятском, и в Миргородских полках и в Ромне почала быть шатость и непослушание». Волнения охватили всю южную часть гетманства, и для их умирения туда в начале января спешно выехали «полковники и старшина». Спустя некоторое время в Батурин были привезены из разных полков арестованные сотники и казаки и «посажены за караул»¹⁵. На соседних территориях еще продолжалось восстание Разина, и царский посланец К. Бухвостов должен был доставить в Москву «воровских людей» и «Стенькины листы», захваченные на Левобережье¹⁶. Восстание Разина потерпело поражение, а волнения января 1671 г. стали последней для гетманства Многогрешного массовой вспышкой народного недовольства в Левобережном гетманстве.

Правда, еще в предложениях гетмана съезду старейшин, собравшихся в Батурине в начале мая 1671 г., порицались те, кто «самого ради своевольства» уходят на Низ и оттуда, «возбуждая раскола, самим себе обрав старейшего, в города посылают»¹⁷, но к лету 1671 г. власть чувствовала уже себя настолько уверенно, что когда на Левобережье пришли поселиться с Дона «воровские казаки», то гетман разрешил им «в Полтаве и Полтавском уезде отвести дворы и поить их и кормить»¹⁸.

В этих условиях, когда сопротивление населения правящей казацкой верхушке было подавлено, в отношениях между отдельными ее частями возникли сложности.

Определенной гранью в истории отношений старшинской верхушки и гетмана стал уже упоминавшийся выше съезд старшины в Батурине. Съезду гетман предлагал принять решение о том, чтобы все полковники обзавелись дворами в Батурине и чтобы исправно снабжались «охочие конные и пешие», так как для отпора неприятелю недостаточно усилий одного «городового войска»¹⁹. «Охотное войско» — зародыш регулярной армии — подчинялось прямой власти гетмана, и улучшение его положения означало одновременно и усиление власти гетмана. Реакция на это предложение была достаточно сдержанной — «не отговариваем»²⁰, а вопрос об устройстве для старшины дворов в Батурине был обойден молчанием. Гетман, однако, стал на этом настаивать. 21 июля в Москву поступила отписка М.И. Колупаева, главы стрелецкого гарнизона Батурина, в которой сообщалось, что в Батурине большое строительство и гетман «начальным лутчим людям велит строить дворы при себе»²¹. На этой почве возникла напряженность в отношениях между гетманом и полковниками, о чем гетман нашел нужным сообщить посланцу царя А. Танееву в августе 1671 г. Он рассказал, что, когда полковникам было предложено устроить дворы в Батурине, ряд полковников отказался это делать и гетман «тех сажал в тюрьму и престащивал смертью, а иных переменял»²². Причины конфликта остаются неясными, но очевидно, что устройство дворов в Батурине

¹⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 238. По сообщением М.И. Колупаева следовало «дурное место сечь мечом и огнем» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 321об.).

¹⁵ См. об этом в донесениях К. Бухвостова — РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 240–241.

¹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 218об., 230.

¹⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 855.

¹⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 13. Л. 264об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 854–855об.

²⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 859об.

²¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 13. Л. 262об.—263.

²² РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. № 19. Л. 7об.

отвечало интересам гетмана, а не полковников, и их сопротивление Многогрешный преодолевал суровыми мерами. Рассказывая об этом посланцу царя, гетман явно не ожидал отрицательной реакции из Москвы на свои действия. И в этом он не ошибся. Русское правительство не стало выступать в качестве посредника между гетманом и пострадавшей старшиной.

Тогда же летом 1671 г. начались не только наказания, но и перемены в самом составе правящей верхушки. Как сообщал М.И. Колупаев, уже в июле лишились должностей черниговский и лубенский полковники, а их заменили брат гетмана Василий и его зять, «да и в иных, де, полках полковников переменить хочет»²³. И перемены такие последовали. Так, в октябре 1671 г. вместо много лет служившего нежинского полковника Ф. Уманца в грамоте фигурирует нежинский полковник М. Гвинтовка, ближайший соратник Многогрешного²⁴. Весной 1672 г. в числе обвинений по адресу низложенного и арестованного гетмана указывалось, что гетман устранил с должностей «старых» полковников — черниговского, нежинского, миргородского, лубенского, переяславского, стародубского, гадяцкого, прилуцкого, заменяя их своими родственниками и людьми, от него зависящими²⁵. Таким образом, к весне 1672 г. произошла тотальная чистка рядов правящей верхушки.

Как все это происходило, позволяют судить свидетельства источников об устранении от должности одного из наиболее авторитетных представителей левобережной старшины — переяславского полковника Дм. Райчи. Когда гетман, объявив полковника в тайных контактах с запорожцами, вызвал его в Батурин, он не приехал, и гетман стал готовиться к походу против него²⁶. Когда стало известно, что Дм. Райча «заперся в Барышовке»²⁷ и хочет дать отпор войскам гетмана, гетман обратился за помощью к русским воеводам в Нежине и Киеве, и нежинский воевода дал ему отряд из 200 стрельцов [2. С. 10]²⁸. Гетман обратился и к царю с просьбой дать указания командующему войсками Белгородского разряда Г.Г. Ромодановскому оказать ему в случае необходимости военную помощь²⁹. Соответствующие указания были посланы и Г.Г. Ромодановскому, и киевскому воеводе Г.А. Козловскому, который не решался помогать гетману без царского «указа»³⁰. На этом примере видно, что царь и его советники не только не противодействовали гетману, но готовы были ему помочь в укреплении его власти.

До войны дело не дошло, так как население Барышовки отказало Дм. Райче в поддержке и он вынужден был капитулировать. Свидетельства источников показывают, что дело не ограничилось удалением Дм. Райчи с его должности. Прислав на его место в Переяслав своего бунчужного Строевского, гетман приказал «оковать» сотников полка, а состоявший при Дм. Райче особый военный отряд — «кумпанию» из казаков — он «велел по полкам разобрать на варту»³¹. Таким образом, с территории полка убирался не только полковник, но и все люди, на которых опиралась его власть. Тем самым должна была усиливаться зависимость новых полковников от гетмана.

²³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 13. Л. 263.

²⁴ АЮЗР. Т. 9. № 119. Стб. 579.

²⁵ АЮЗР. Т. 9. № 147. Стб. 688–689.

²⁶ См. об этом в грамоте гетмана царю от 12 октября — РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 19. Л. 165–166.

²⁷ АЮЗР. Т. 9. № 147. Стб. 792.

²⁸ АЮЗР. Т. 9. № 116. Стб. 574; № 119. Стб. 557.

²⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 19. Л. 167.

³⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 19. Л. 171 и сл.

³¹ АЮЗР. Т. 9. № 169. Стб. 579.

Все эти перемены вели к установлению нового типа отношений между гетманом и старшиной. Если еще в мае 1671 г. гетман обращался со своими предложениями к полковникам и просил их «совета»³², то уже в августе Многогрешный говорил А. Танееву, что, опираясь на поддержку царя, он «генеральную старшину и полковники и все посольство [...] держит их в крепости и под великим страхом, как гетманской чин обдержит»³³. Складывался порядок, при котором за проступки даже не их, а их подчиненных полковников могли ждать суровые наказания. В грамоте от января 1672 г. гетман сообщал в Москву, что, когда вопреки установленному им запрету «из Полтавского да из Гадяцкого полков многие казаки пошли в Запорожье», он «велел полковников Полтавского и Гадяцкого привести в Батурины скованных»³⁴.

Все это, несомненно, создавало немалую напряженность в отношениях между гетманом и отстраняемым им от власти правящим слоем. М.И. Колупаев писал царю, что он «ото всех начальных людей остерегательство имеет»³⁵. Гетман явно отдавал себе в этом отчет. В грамоте от 19 января 1672 г. он выражал опасения, что после его смерти «пожитки все разнесут, а жену и детей и сродников нищими учинят», и просил царя позаботиться о его семье³⁶.

Важно, однако, констатировать, что в течение сравнительно короткого времени гетману удалось сильно укрепить свою власть, не сталкиваясь с серьезным сопротивлением. Связано это не в последнюю очередь с тем, что гетман мог опираться на поддержку русской власти, видевшей в нем надежного и полезного партнера. Гетман тем самым мог рассчитывать на поддержку и стрелецкого гарнизона в Батурине, и воевод в городах Левобережья, и войск Белгородского разряда. В таких условиях недовольная старшина не могла открыто выступать против него. Положение изменилось, когда гетман в марте 1672 г. выразил недовольство русской политикой и желание такой политике противодействовать. После этого он был отстранен от власти благодаря взаимодействию недовольной старшины и начальника стрелецкого гарнизона Батурина³⁷.

Одним из результатов переворота стало, как известно, возвращение целого ряда полковников на прежние должности и расширение по «Конотопским статьям» 1672 г. правомочий старшины в ее отношениях с гетманом, в чем нельзя не видеть реакцию на политику Многогрешного.

Одной из важных причин падения Многогрешного стало отсутствие у него прочной опоры в правящем слое общества Левобережья (он, по-видимому, серьезно и не пытался ее создать), поэтому осложнение отношений с Москвой быстро привело к его падению. Вместе с тем полученные им результаты наглядно показали, какого серьезного усиления своей власти на Левобережье может добиться гетман, поддерживающий лояльные отношения с Москвой. И то, и другое должны были принять во внимание преемники Многогрешного.

³² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 856об.

³³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. № 19. Л. 7–7об.

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 19. Л. 55.

³⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 13. Л. 263.

³⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 19. Л. 48–48об.

³⁷ Организация и проведение переворота подробно описаны в материалах, изданных Н.И. Костомаровым в девятом томе «Актів по історії Южної і Західної Росії», а затем ярко и образно изложены Н.И. Костомаровым на страницах «Руины». Вслед за этим его характеристики повторяли последующие исследователи, не уделяя внимания предшествовавшим событиям.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АЮЗР. Т. 9. СПб., 1877. № 45.
АЮЗР. Т. 9. № 57.
АЮЗР. Т. 9. № 63.
АЮЗР. Т. 9. № 69.
АЮЗР. Т. 9. № 116.
АЮЗР. Т. 9. № 119.
АЮЗР. Т. 9. № 147.
АЮЗР. Т. 9. № 169.
РГАДА. Ф. 229. (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 5.
РГАДА. Ф. 229. (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 9.
РГАДА. Ф. 229. (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 13.
РГАДА. Ф. 229. (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 19.
РГАДА. Ф. 229. (Малороссийский приказ). Оп. 3. № 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стецюк К.І.* Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках XVII ст. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР. 1960. 367 с.
2. *Стороженко А.* Родион Григорьевич Дмитрашко, полковник переяславский // Киевская старина. 1893. № 4. С. 1–28.
3. *Флоря Б.Н.* Вопрос о присоединении полков южного Левобережья Украины к Левобережному гетманству и России в 1669–1670 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2020. № 4. С. 60–72.
4. *Эйнгорн В.О.* Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Ч. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1899. XIV + 1104 стр.

REFERENCES

1. Eingorn V.O. *Ocherki iz istorii Malorossii v XVII veke. Ch. 1. O snosheniiakh malorossiiskogo dukhovenstva s moskovskim pravitel'stvom v tsarstvovanije Alekseia Mikhailovicha.* Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1899, XIV + 1104 p. (In Russ.)
2. Floria B.N. *Vopros o prisoiedinenii polkov iuzhnogo Levoberezh'a Ukrainy k Levoberezhnomu getmanstvu i Rossii v 1669–1670 gg. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki,* Moscow, 2020, № 4, pp. 60–72 (In Russ.).
3. Stets'uk K.I. *Narodnu rukhi na Livoberezhnij i Slobidskij Ukrainie v 50–70-kh rokakh XVII st.* Kyiv, Ukrainian Academy of Sciences Publ., 1960. 367 p. (In Ukr.).
4. Storozhenko A. *Rodion Grigor'evich Dmitrashko — polkovnik pereiaslavskij.* Ki'evskaia starina, 1893, № 4, pp. 1–28 (In Russ.).

Информация об авторе

Борис Николаевич Флоря,
доктор исторических наук, член-корр. РАН,
зав. отделом истории средних веков
Института славяноведения РАН.
Москва, Российская Федерация
<https://ORCID.org/0000-0003-0779-2488>
zhurslav@mail.ru

Information about author:

Boris N. Florija,
doctor of history, Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences,
head of department of history of Middle ages
of the Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
<https://ORCID.org/0000-0003-0779-2488>
zhurslav@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 4, с. 12–28

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 12–28

DOI: 10.31857/S0869544X0015960-9

Оригинальная статья /
Original Article

Польный гетман Григорий Огинский, литовские республиканцы и Россия в первые месяцы после Полтавской победы¹

© 2021 г. К.А. Кочегаров

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отношения польного гетмана литовского и жмудского старосты Г. Огинского и литовских республиканцев с царем Петром I в первые месяцы после Полтавской битвы, когда роль и влияние России в польско-литовских делах резко возросли. В этот период Огинский, с одной стороны, пытался добиться выплаты своим отрядам обещанных царских субсидий и не допустить царской амнистии на мягких условиях своему противнику в Литве бобруйскому старосте Я.К. Сапеге, а с другой — получить при поддержке России булаву великого гетмана литовского. Одним из следствий этого стало обострение отношений Огинского с коронным гетманом Сенявским, недовольным излишней лояльностью жмудского старосты к русскому правительству. Предпринятые Огинским хлопоты при царском дворе имели неоднозначные результаты. Так и не получив царских субсидий и не дождавшись вожделенной булавы, Огинский умер в октябре 1709 г. Литовским великим гетманом стал Людвик Потей, сблизившийся с Россией ради получения великого гетманства. В целом, отношения Огинского и Петра I стали одним из первых примеров стремления польско-литовских магнатов установить прочные связи с Россией ради укрепления своего политического положения в Речи Посполитой.

Ключевые слова: Григорий Огинский, Петр I, литовские республиканцы, Ян Казимеж Сапега, Адам Сенявский, Людвик Потей, Полтавская битва, Великое княжество Литовское, Россия.

Ссылка для цитирования: Кочегаров К.А. Польный гетман Григорий Огинский, литовские республиканцы и Россия в первые месяцы после Полтавской победы // Славяноведение. 2021. № 4. С. 12–28. DOI: 10.31857/S0869544X0015960-9.

The field hetman Hrehory Ogiński, the Lithuanian republicans and Russia in the first months after the battle of Poltava

© 2021 г. К.А. Кочегаров

Institute of Slavic studies RAN
(Moscow, Russian Federation)

kirill-kochegarow@yandex.ru

¹ Статья является продолжением исследования, опубликованного в № 2 журнала «Славяноведение» за 2021 г., с. 56–79.

Abstract. The paper deals with relationships between the field hetman of the Grand Duchy of Lithuania Hrehory Ogiński, the Lithuanian republicans and tsar Peter I in the first months after the battle of Poltava, when the role and influence of Russia over the Polish-Lithuanian Commonwealth was rapidly increasing. In this time Ogiński, on the one hand tried to receive tsar's subsidies for his military units and to block tsar's amnesty on soft conditions for starosta of Bobrujsk, Jan Kazimierz Sapieha and on the other hand tried to obtain the «great mace» of the Lithuanian hetman, with support of Peter I. It caused hostility of the Crown hetman Adam Sieniawski, who disapproved such loyalty of the field hetman to Russian government. All these Ogiński's efforts appeared to be rather vain. He died eventually in October of 1709. Ogiński didn't obtain the great hetman's mace he had wished to have so passionately; his troops weren't paid by tsar's money. Ludwik Pociej became a great hetman, who established close ties with Russia to get a mace. In general, however, the Ogiński's pattern of political activity was one of the first such cases in the Polish-Lithuanian history of the Early Modern Times, when local magnates looked for closer ties with tsar's court to strengthen their positions within the Commonwealth.

Keywords: Hrehory Ogiński, Peter I, Lithuanian republicans, Jan Kazimierz Sapieha, Adam Sieniawski, Ludwik Pociej, the battle of Poltava, the Grand Duchy of Lithuania.

Reference for citation: Kochegarov K.A. The field hetman Hrehory Ogiński, the Lithuanian republicans and Russia in the first months after the battle of Poltava // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 4. P. 12–28. DOI: 10.31857/S0869544X0015960-9.

*«...był człowiek chciwy próżności, głosi życie jego,
owo zgółta dobrze go każdy nazwać mógł Kurionem Litwy»².
Януш Вишневецкий о Григории Огинском.*

Полтавская победа стала определенным водоразделом в отношениях России с Сандомирской конфедерацией. С одной стороны, она обусловила скорую победу сандомирян в противостоянии с прошведской Варшавской конфедерацией и Станиславом Лещинским, с другой сделала реальной перспективу усиления российского влияния в Польше, в том числе в сфере взаимоотношений королевского двора (король Август II вернулся в страну вскоре после Полтавы) и самих сандомирских конфедератов, что не могло восприниматься ими безусловно положительно.

В ходе начавшегося кризиса и распада лагеря сторонников Лещинского для польного литовского гетмана и жмудского старосты Г. Огинского одной из основных задач стало недопущение объявления царской амнистии Сапегам на мягких условиях, что могло ослабить его собственное положение. На этой почве усилились разногласия Огинского с А. Сенявским, который искал компромисса с Сапегами. Жмудский староста, соответственно, пытался ослабить позиции коронного гетмана и лидера Сандомирской конфедерации при царском дворе.

Поздравляя русского царя 25 (14) июля 1709 г. с победой под Полтавой, Огинский в тоже время напомнил, что обещанных в мае на войско Речи

² «Był on człowiekiem sуетnym i тщеславным, поэтому каждый может назвать его Курионом Литвы» (Wiśniowiecki J.A. Iłias Polski (1700–1710) / wyd. P. Romaniuk, J. Burdowicz-Nowicki. Warszawa, 2018. S. 264). Гай Скрибоний Курион младший (ок. 84–49 г. до н.э.) – римский трибун, талантливый оратор, военачальник. Был сторонником Помпея, но потом тайно перешел в круг сторонников Цезаря. В ходе сражения с нумидийцами у р. Баграда (Сев. Африка), попав со своими отрядами в окружение, отказался спастись бегством; погиб, бросившись в гущу боя.

Посполитой (которое страдает от отсутствия хиберны³, обмундирования и нормального расквартирования) денег «nie widać lubo już następuje sierpień» («не видно, хотя уже наступает август») и просил выслать средства с царским комиссаром, треть из которых должна была быть отдана его литовским отрядам и «дивизии» Л. Потоя, а две трети коронным войскам. Стремясь развеять сомнения царского правительства касательно боеспособности его войск, Огинский всячески доказывал полезность своих соединений, особенно в прошедшей зимне-весенней кампании, уверял, что если Петр I сам прибудет в Литву, чего якобы «усиленно желают» верная Августу II шляхта и военные, численность отрядов Огинского немедленно возрастет даже по сравнению с нынешним количеством, когда жмудский староста активно пытался вербовать в свои ряды новых людей. «Możesz wcarska mść poufale wierzać jako własnym swoim państwowym, tym, co się ze mną zaciągną» («Можешь, ваше царское величество, совершенно верить, также как в войска из своего народа, в те, что со мною будут»), — уверял гетман.

Жмудский староста вновь просил об освобождении из-под ареста А.Ф. Гейна и М. Княжевича, а также об обмене части захваченных шведских пленных на дочерей Огинского, офицеров и солдат его войска, которые «jęczą dotąd w Sztokholmie» («стонут до сих пор в Стокгольме»). Это дополнительно бы повысило авторитет жмудского старосты в Литве, в том числе и среди его противников, полагал Огинский. Из письма же следует, что к Огинскому до сих пор не вернулся Т. Ленкевич. Обеспокоенный староста жмудский выслал вслед за ним одного за другим посланцев Черского и Ясинского, последний из которых и привез указанное письмо⁴.

Теофил Ленкевич, отпущенный из царского лагеря в мае, вновь был послан Огинским к царским «министрам» (Г.И. Головкину и П.П. Шафирову) вместе с посольством Речи Посполитой, добивавшимся освобождения из русского плена ряда польских и литовских шляхтичей и иных лиц⁵. Ленкевич подал «пункты», переведенные 8 (19) июня (перевод не найден). В них Огинский уже традиционно просил об указе, чтобы третья часть царских субсидий была отдана литовскому войску, чтобы русскому генерал-фельдмаршалу Г. Гольцу было дано распоряжение срочно выступить на шведского генерала Э. Крассау и Станислава Лещинского, чтобы самому жмудскому старосте было предоставлено пять «регimentов» русского войска либо 4 тыс. драгун для марша в Литву. Наконец жмудский староста просил о царской «ласке» (пенсии) для своего двоюродного брата, витебского каштеляна Марциана Михала Огинского, мозырского старосты М. Халецкого, которые, якобы, пожертвовав всем достоянием, служат союзным интересам вместе с ним, а также об отправке Гейна на суд к Гольцу и освобождении Грабовского, который отослан в Санкт-Петербург (за последнего он уже хлопотал ранее).

Стоит отметить, что Ленкевич подал также приватное прошение с просьбой об освобождении от почтовой, подводной, провиантской и других повинностей литовских имений М. Халецкого (Хальч, Кузьминичи, Жлобин, Мозырь, Опекичи, Кошчицы, Якимовичи), некоего Рудомины, старосты радуньского (Камень), а также его собственных маетностей (Прудок, Захожаны, Секирица)

³ Хиберна (hiberna) — жалованье, платившееся кавалеристам на зимних квартирах.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 14. Л. 66–67об.; перевод со значительными сокращениями см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. 9. Вып. 2 / ред. Б.Б. Кафенгауз. С. 1061–1062.

⁵ См. подробнее: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 45. Л. 1–2.

и имений родственника Александра Ленкевича, стольника ковенского (Хомички, Моисеевка, Кочище)⁶.

В июне-июле отношения между Огинским и Сенявским еще больше обострились. Я. Вишневецкий отметил в хронике, что Сенявский весной пытался добиться примирения Огинского и бобруйского старосты Я.К. Сапеги, и жмудский староста якобы даже уже готов был к переговорам, однако его отговорили приближенные и родственники («domowi»). Огинский не принял посредничество Сенявского, при том, что супруга коронного гетмана, Эльжбета Сенявская, уже дала слово Сапеге, что сохранит при нем булаву польного гетмана, если он признает Огинского великим гетманом. Сам Огинский при этом начал переговоры с братьями М.С. и Я. Вишневецкими, предлагая Михалу Сервацию булаву польного гетмана при условии, что ему достанется большая булава (об этом он в общих чертах информировал царя). Некое предварительное соглашение было достигнуто: оба должны были именоваться великими гетманами до решения сейма. Сапега, в свою очередь, сначала вроде удовлетворился предложением Сенявской, однако затем, по уговору литовского подканцлера С.А. Щуки (действовавшего по поручению Лещинского), так открыл военные действия против жмудского старосты, разбив того под Ляховцами. Это вызывало ярость Огинского по отношению к Сенявскому, которого он считал подстрекателем указанного похода. Более того, как отметил Я. Вишневецкий, Сенявский в апреле дал знать Сапеге о направлении движения отрядов Огинского, однако тот «instynktem jakimsi, czyli to zrozumiał, odmienił gościniec» («каким-то инстинктом видимо почуял это и изменил дорогу»), поменявшись маршрутами с Гольцом, что спасло его от очередного разгрома (под Ледуховым). В результате Огинский «jawnie i Sapiehów, i Sieniawskiego publicznie lajał» («явно и Сапег, и Сенявского публично лаял») [6. S. 8]⁷.

В дело опять вступила Сенявская, которая в письме Петру I от 3 июля (22 июня) обещала примирить своего мужа с Огинским ради союзнических интересов, несмотря на то, что последний «ciudowne gzeszy gobi» («дивные дела чинит»), которые ему не следует спускать. Сразу следом Сенявская написала, что русской стороне не стоит принимать в свое войско тех офицеров, которые разгневают гетмана и тем, как представляется, намекала царю, что не следует прислушиваться к партикулярным жалобам Огинского на признанного лидера конфедерации Сенявского. Пани Эльжбета подчеркнула, что не в интересах царя, чтобы пара коней, впряженных в один воз, начала кусать друг друга и сломала его, не доставив груз в пункт назначения⁸.

Основным ядром раздора между Сенявским и Огинским стало взаимодействие с корпусом Гольца. Каждый стремился оказать на русского генерала влияние, что вело к негативным последствиям для действий союзных войск в целом. Как уже отмечалось, жмудский староста открыто возбуждал в Гольце недоверие к коронным гетманам, которое, как можно предположить, дало определенные плоды. Еще в мае русский генерал остановил свои войска под предлогом

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 44. Л. 1–2 об.

⁷ Wiśniowiecki J.A. S. 243–246, 250. Публичные оскорбления Огинского в адрес Сенявского имели большой резонанс, коронный гетман письменно жаловался А.И. Дашкову, «что староста жmoidской говорил на него». 6 (17) мая резидент сообщил в царскую ставку: «Я егда усмотрю час к тому свободной, буду о том говорить» с Огинским (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 27. Л. 148об.).

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 7. Л. 68об.–69об.; сокращенный перевод с ошибочной датировкой 1 июля см. (исключена в том числе сентенция о двух конях): ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 564–565.

отсутствия провианта и соответствующего царского указа, не желая двигаться дальше на запад против Лещинского и Крассау [4. S. 79–80]⁹. В начале июня Гольц в письме царю оправдывал медлительность тем, что Сенявский запрещает собирать провиант, утверждая, что коронный гетман «царского величества [...] спомочные войска недопущением провианта ищет разорити (ибо такой сильной сукурс ему никогда люб не был)»¹⁰. 6 июля (25 июня) 1709 г. Сенявский направил Петру I обширное письмо, почти целиком посвященное критике Гольца. Русский генерал якобы намеренно замедлял движение своего корпуса, подвергая опасности отряды З. Рыбинского и Л. Потей, которые шли на соединение с Сенявским и которым Крассау, стоящий под Шучином (недалеко от Гродно), мог перерезать дорогу. Сенявский предлагал Гольцу атаковать шведов, пока к ним не подошло ожидаемое подкрепление из шести региментов пехоты (7 тыс. человек), однако тот не только не поддержал этот план под предлогом отсутствия достаточного количества провианта, но и отказался высылать разведки на разведку. Сенявский настаивал, что для Гольца заготовлено достаточно продовольствия, однако тот собирает его сверх нормы «nie bez krzywdy ludzkiej» («не без обид людям») и еще дополнительно требует выделения ему зимних квартир и «консистенций» (содержания на будущую зиму). Сенявский довольно резко заявил царю, что он, конечно, нуждался и совершенно сознательно просил себе русской помощи, без которой сдерживать неприятеля и защищать союзнические интересы было бы тяжело, однако оказалось, что ему еще трудней выносить «фантазии» Гольца, которого невозможно переубедить никакими рациональными аргументами. Сенявский подчеркнул, что сохранение верности России стоило ему расстроенного здоровья и разорения имений жены в Краковском и Сандомирском воеводствах, и потому просил Петра I дать Гольцу распоряжение взаимодействовать с ним и прислушиваться к его «здравым советам» касательно организации маршей и маршрутов, как человека, «lepiej krajów tych świadomego» («знающего лучше эти края»), а также освободить имения его друзей и союзников от содержания русского корпуса¹¹.

Огинский, в свою очередь, рассчитывал на русскую помощь в разгроме Сапеги, внушая Гольцу, что Сенявский этого делать не хочет. Я. Вишневецкий отмечал, что жмудский староста «Gołcza do siebie przyłubił i udał Sieniawskiego, jakoby sale był Sapiehów przyjaciel» («добился расположения Гольца и внушил ему, что Сенявский был совершенный приятель Сапегам»), и далее: «Ogiński co mógł, to na Sieniawskiego gadał, nawet i porędlowie, a Gołcz pod [Uchnowem] sały czas strawił» («Огинский как мог Сенявского очернял, в весьма резких выражениях, и Гольц под Ухновым все время простоял») ¹². В письме Петру I от 11 (22) июня Гольц подтвердил, впрочем, что намеревается двинуться в Сандомирское воеводство, чтобы освободить его от сил Крассау, однако сделал важную для Огинского оговорку: марш должен был быть направлен «немного в сторону» к Западному Бугу, чтобы создать угрозу и Сапеге, добившись его отхода в Литву ¹³. 15 (26) июля Гольц сообщил, что Потей и Рыбинский соединились в Щебжешине с Сенявским, который отказался атаковать Сапегу, действуя таким образом вопреки намерениям жмудского старосты. Сам

⁹ Ю.А. Геровский отметил, что по мнению Сенявского, на позицию Гольца повлияли также Вишневецкие, искавшие в указанное время примирения с русской стороной.

¹⁰ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 953–955.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 7. 73–74 об.

¹² *Wiśniowiecki J.A.* S. 251.

¹³ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 957.

Сенявский в письме царю в то же время опроверг это заявление, подтвердив отправку войск Потей против Сапеги¹⁴. Последнее решение означало достижение сторонами хрупкого компромисса, когда в середине июля на совете коронных и литовских военачальников с участием Гольца было все же решено, что Г. Огинский и Л. Потей с приданным им «деташаментом» от коронных войск двинутся в Литву на войска Я.К. Сапеги¹⁵. К этому времени относится любопытное свидетельство Е. Козиньского, клиента Радзивиллов, который сообщил, что при Огинском, после весенней кампании и понесенного поражения, находится не более 500 чел., в связи с чем ему очень важно сохранить взаимодействие с русскими войсками, которые обычно двигаются позади его отряда. Это не мешало жмудскому старосте вести себя кичливо, подобно «страшному богатырю», «по-богатырски» усаживаясь на коня в белом жупане, белом же головном уборе и сером контуше по колено¹⁶.

Между тем Э. Сенявская то ли предвидела, то ли знала о намерении Огинского выслать к царскому двору обширную жалобу на ее мужа и, как было показано выше, старалась заранее сгладить впечатление от нее на царя и его приближенных. Жмудский староста действительно направил в ставку Петра I «Punkta sekretne przed najasniejszym carem jmścią przed xięcem jmścią Mężykiem, przed Ichmściami Pany ministrami [...] dane» («Секретные пункты для наияснейшего царя, перед князем Меншиковым и перед господами министрами [...] изложенные»; приложены к письму от 25 (14) июля).

Сенявский, по словам Огинского, не только не прекратил сношений с «противной» стороной и тайные консультации с французской дипломатией, но и перешел к скрытым действиям в поддержку шведов, позволив Крассау и Станиславу Лещинскому набрать рекрутов для пополнения своих отрядов. Показательно выделив войско для борьбы с Я.К. Сапегой, белзский воевода якобы уже приказал отозвать его, фактически дав возможность подъездам противника нападать на отряды Огинского и прикомандированных к нему казаков.

Другие обвинения были более серьезными. Огинский упрекал Сенявского в двурушничестве, а именно в информировании Сапеги в марте о планах жмудского старосты и русского генерала Н. Ифланта, принятых при участии коронного гетмана. Именно Сенявский якобы предложил Огинскому разослать в окрестные места разъезды (что ослабляло костяк сил литовского гетмана), а затем сообщил об этом Сапеге, предложив ему учинить тот неожиданный рейд, который привел к разгрому Огинского под Ляховцами. Огинский выразил недовольство поддержкой царским резидентом при Сенявском, А. Дашковым, коронного гетмана, «a nas szczyrze życziwych przestrzedz nie chce» («а о нас, искренне преданных, не вспоминает»). Не обвиняя Дашкова в намеренном укрывательстве интриг Сенявского, жмудский староста все же поставил вопрос о степени проницательности, и соответственно компетенции резидента, который, как он считал, повторяет свою же ошибку в бытность резидентом при М. Вишневецком. Тогда Дашков не поверил информации о его намерениях переметнуться на сторону шведов и Станислава Лещинского. «Nie jest to minister cara jmści, ale minister samego jm pana wwdy bełzkiego»

¹⁴ ПБІПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1015–1016, 1056.

¹⁵ ПБІПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1017–1018.

¹⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Rps. 7626. K. 116; см. также: [1. С. 75].

(«Не министр он его величества царя, но министр самого господина белзкого воеводы»), — писал Огинский о Дашкове.

Жмудский староста полагал, что Сенявский, координируя действия с Гольцем, после прихода последнего на Правобережье, намеренно подталкивал русского генерала к постоянным переходам «с места на место», чтобы, во-первых, изнурить войско, а во-вторых, не допустить разорения имений сторонников неприятеля и своих клиентов. Сенявский не только отверг предложение Гольца, который был готов самостоятельно действовать против Крассау и Лещинского, идти на войска Я.К. Сапеги, но и пытался убедить генерал-фельдмаршала не трогать последнего и «*rekomendował do respektu carskiego*» («рекомендовал к царской милости»). Огинский, который должен был более всего опасаться перехода Сапеги на российскую сторону при посредничестве Сенявского, без участия его самого, назвал все подобные попытки не иначе как обманом и фикцией. Все это, полагал жмудский староста, было частью «генерального» замысла Сенявского сохранить и укрепить влияние своих союзников — Сапег в Литве и Любомирских в Короне.

Огинский сетовал, что его несогласие с реализацией этих планов Сенявского вызвало острую враждебность белзского воеводы, распорядившегося не давать солдатам и офицерам Огинского квартир и провианта и даже арестовывать их, в результате чего двое офицеров жмудского старосты (Длуский и Жабка) были брошены в тюрьму.

Сенявский, по мнению Огинского, всячески противился возвращению в Польшу короля Августа, давая соответствующие советы его сторонникам, а также намеренно препятствуя установлению прямых коммуникаций сандомирян с королевским двором: «*passu do króla Jmści otworzyć nie chce*» («пути до короля его милости отворить не желает»). Причиной этого было желание коронного гетмана, во-первых, короновать «королевича» (Константина Собеского¹⁷), а во-вторых, сохранить собственное независимое положение, укрепившееся во времена фактического бескорольева, в том числе и за счет принятия на себя части монарших функций, особенно касавшихся сбора налогов, которые Сенявский расходовал на свои личные нужды. Коронный гетман никак не заботился о вспомогательном корпусе Гольца, затягивая военные действия в ожидании прихода саксонских войск, чтобы именно с ними, минимизируя участие русских, идти против шведов в Померанию.

В связи с вышеуказанным Огинский считал, что ему просто необходим отдельный царский «суккурс» в Литве, чтобы «оторвать» войско от Я.К. Сапеги и удержать «*in homagium*» («в послушании») королю Августу воеводства и поветы великого княжества. С другой стороны, необходимо дополнительно усилить корпус Гольца, что дало бы ему возможность «*awansować powoli*» («постепенно продвигаться») в направлении Померании.

Огинский жаловался на разорение своих имений в Литве, опустошение которых неприятелем предопределило невозможность собрать с них доходы в ближайшие три года, испрашивая в связи с этим разрешение получать часть натуральных податей «на жену и детей» с российских земель, расположенных на границе с Литвой, таких как, например, Любеч.

Ясинский, который повез письмо и «пункты» Огинского, должен был в очередной раз настаивать на выплате денег литовскому войску, которое

¹⁷ О планах сандомирских конфедератов короновать К. Собеского см. [5. S. 87].

жмудский староста, по его словам, содержал на собственные средства и на деньги (несколько тыс. рублей), занятые у Гольца. Теперь Огинский уже открыто заявил, что литовскому войску нужно выдать обещанные субсидии немедленно, коронному же только по прибытии в Польшу Августа. Ходатайствуя об освобождении Гейна, Огинский теперь даже в его аресте видел подстрекательство Сенявского, открыто называя белзского воеводу «предателем»¹⁸.

Петр, благодаря Огинского за «приветствование и поздравление» по поводу победы над шведами, пожелал и гетману «единогласно опровергнуть» силы противника в Речи Посполитой. Здесь же царь упомянул указанное выше секретное послание Огинского, на которое гетману должен был дать ответ возвращающийся к нему Ясинский¹⁹. Однако ответ, раскрывающий реакцию русского правительства на откровения жмудского старосты, остается пока неизвестным — в архивных делах его обнаружить не удалось.

Тесное взаимодействие Огинского с Гольцом по-прежнему вызывало недовольство коронных гетманов. В августе польный коронный гетман С. Жевуский язвительно отметил, что жмудский староста больше помогает Гольцу, нежели коронному войску, содействуя русскому военачальнику в сборе провианта в польских воеводствах [8. S. 606]. Один из корреспондентов подканцлера Щуки сообщил ему из лагеря коронного гетмана 15 (4) августа, что рознь между Огинским и Сенявским до сих пор не утихла²⁰.

25 августа (5 сентября) Г.А. Огинский встретил прибывшего в Польшу Петра Великого в трех милях от Люблина²¹. Как написал один из корреспондентов Щуки 16 (5) сентября, Огинский, обоз которого располагался в прилегающем к Люблину местечке Глуск, устроил в связи с приездом царя торжественное построение своих отрядов, которые встретили монарха троекратным залпом. После свидания с Петром I Огинский рассчитывал двинуться в Литву²². Непосредственная коммуникация с царем давала ему возможность более решительно добиваться не только жесткого курса в отношении Сапег, но и закрепления за собой булавы великого гетмана литовского, которая была его возложенной целью все эти годы. Жмудский староста понимал, что после возвращения в Речь Посполитую Августа II раздача вакантных должностей будет обязательно проходить с учетом мнения Петра I, который не допустит передачи их магнатам, неприязненно настроенных к русскому двору. Уже в начале сентября 1709 г. Петр I издал в Люблине универсал к Речи Посполитой, в котором призывал сторонников шведов и Лещинского перейти на сторону Сандомирской конфедерации, в Короне — под команду Сенявского, в Литве — под команду гетмана Огинского²³, показывая тем самым, что жмудский староста остается главным союзником России в Литве.

Однако уже 20 (9) сентября другой корреспондент Щуки доносил, что в страхе ожидает приближающуюся «дивизию» Огинского, которая находится в Любартове (26 км на север от Люблина) и собирается, соединившись с несколькими русскими полками, идти на Брест, чтобы разбить Сапегу, при этом

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 60–61.

¹⁹ ПБПВ. Т. 9 (январь–декабрь 1709). М.; Л., 1950. Вып. 1 / ред. Б.Б. Кафенгауз. С. 294–295.

²⁰ AGAD. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 163a. T. 39. S. 707.

²¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. Вып. 1. М., 2004. С. 167, 320.

²² AGAD. APP. Rps. 163a. T. 39. S. 372.

²³ ПБПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 363.

сам ее предводитель лежит больной в Люблине²⁴, поскольку его «свалила чахотка»²⁵. Резкое ухудшение здоровья было предвестником надвигающейся скорой кончины жмудского старосты. Петр Великий даже распорядился прислать к нему доктора, о повторном приезде которого на несколько дней Огинский просил в одном из писем.

Встреча и переговоры с царем не принесли Огинскому желаемого результата. Войско гетмана так и не получило обещанных субсидий. «*Nadzieje moje i nadzieje wojska życzliwego deklaracją po kolkakrotną stwierdzone dla czego się zawiodły?*» («Почему же обманулись надежды мои и войска дружественного, декларацией несколько раз подтвержденные»), — риторически вопрошал он царя 16 (5) сентября. Особенно чувствительным ударом для жмудского старосты стало то, что деньги были даны коронным войскам Сенявского. «*Nie trzeba większej kary jako ta jest, kiedy wojsko insze odebrało, co służyło według upodobania swego, nigdy nie myśliło o całości interesu i honorze waszej carskiej mści, akkomodację, a życzliwe nic nie bierze. Nigdy się tego nie spodziewał, który moje własne, domu mego speranse położył z bracią i z kolligatami na fundamencie łaski waszej carskiej mści*» («Не надобно большего наказания, нежели то, когда содержание получило другое войско, что служило по своей прихоти и никогда не думало о целостности союзных интересов и чести вашего царского величества, а дружественное вам осталось ни с чем. Никак я не ожидал такого исхода, когда надежды свои, дома своего, друзей и союзников своих отдал я на милость вашего царского величества»), — с горечью писал Огинский. В надежде получить обещанное от лица войска к царю отправился племянник жмудского старосты М. Халецкий²⁶. При этом формирования Сенявского получили царский «миллион» (100 тыс. руб. или 1 млн злотых) еще в июне²⁷. Причины и мотивы, по которым царское правительство решило не выдавать обещанную треть из данной суммы Огинскому, остаются неясными. Возможно сыграла свою роль небольшая численность его войск и их низкая боеспособность.

Другим вопросом, не менее волновавшим Огинского, были начавшиеся еще в августе переговоры с Я.К. Сапегой о переходе на царскую сторону. Жмудскому старосте было чего опасаться, и не зря он не устал трубить, что декларациям Сапег в отношении царского двора нельзя верить. Последний еще 10 августа (30 июля) 1709 г. обратился с соответствующим предложением к одному из русских военачальников, Б.П. Шереметеву. Главным среди условий Сапег было, помимо амнистии, сохранение за ним гетманской булавы. Петр первоначально, не без влияния Сенявского, готов был пойти на это [6. S. 9]²⁸. По другим данным, Я.К. Сапега, узнав об открывшейся последней стадии чахотки у Огинского и надеясь на его скорую смерть, «*nakłonił się ad unione*» («склонился к соглашению») и начал переговоры с князем А.Д. Меншиковым, надеясь получить санкцию русской стороны на обладание великой булавой²⁹. Все это не могло не вызвать тревоги и даже паники у Огинского, который мог лишиться одной из самых своих вождельных целей.

²⁴ AGAD. APP. Rps. 163a. T. 39. S. 649; См. также: AGAD. APP. Rps. 162. T. 2. S. 232.

²⁵ AGAD. APP. Rps. 163a. T. 40. S. 528.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 14. Л. 70.

²⁷ AGAD. APP. Rps. 163a. T. 40. S. 533–537; ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1056.

²⁸ См. также: ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1375–1376.

²⁹ AGAD. APP. Rps. 163a. T. 40. S. 528, 530.

7 сентября (27 августа) Огинский по просьбе царского правительства издал универсал дворянству и жителям Курляндии с призывом поддержать борьбу литовских республиканцев и их русского союзника против шведов так, как они якобы делали это когда-то под водительством славного военачальника начала XVII в. гетмана Я.К. Ходкевича. Огинский призвал оказывать всяческое сопротивление попыткам шведов собирать провиант и денежные подати, обещая скоро выступить в поход для «освобождения» Курляндии³⁰. Через два дня появился аналогичный универсал к литовской шляхте, призывавшей ее братья за оружие против шведов и особенно Я.К. Сапеги (который обвинялся в многочисленных грабежах и насилиях, попрании прав и вольностей Речи Посполитой, присвоении многомиллионных собранных им от имени республики налогов и т.д.), оказывая всяческое содействие союзным войскам Б.П. Шереметева³¹. Возбуждая литовскую шляхту против Сапеги и его отрядов, жмудский староста, несомненно, старался затруднить примирение своего соперника с царским двором.

Особых результатов это, правда, не дало. Уже 22 (11) сентября Огинский сообщил царю о приведенных к нему языках — солдатах сапежинской «дивизии», которые сообщили о данном Сапегой приказе прекратить любые враждебные действия в отношении царских войск. С этим объявлением бобруйский староста послал к царю двух освобожденных им из плена русских драгун. Огинский просил царя не торопиться «прощать» Сапегу, полагая, что объявленное им перемирие может не распространяться на подчиненные жмудскому старосте отряды³². Петр вряд ли внял этим убеждениям, поскольку уже на следующий день после отправки письма Огинского, т.е. 12 (23) сентября, Сапеге была объявлена амнистия. Одним из ее условий была передача войска под команду жмудского старосты³³. Последний, тем не менее продолжал убеждать царя не верить любым клятвам и торжественным обещаниям Сапеги, который забудет о них, как только получит великую булаву, и просил придерживаться данных ему ранее обещаний.

Между тем команду над своим войском хворавший Огинский передал литовскому стражнику К. Заранку, который продолжал следить за передвижением сапежинских «фурвахтов» (дозорных отрядов) и самого бобруйского старосты в районе Бреста и Славатыче. 24 (13) сентября жмудский староста писал Петру I, что готов, в соответствии с его пожеланием, дать своим отрядам приказ двигаться в Литву, однако не имеет вестей от русского бригадира А.Г. Чернцова, который должен был быть прикомандирован к Огинскому. Он просил о направлении ему указа о соединении сил и ускорении марша, особенно в свете только что полученного известия о выступлении Сапеги «kommunikiem» (то есть налегке, без обоза) из Бреста в направлении Люблина³⁴.

Получив информацию о скором прибытии в Польшу короля Августа II, Огинский выслал к нему двоих сыновей, Яна и Казимежа Марциана, а также племянника М. Халецкого и некоего Струтинского как послов от литовского войска под своей командой. Одновременно он просил царя, «abyś we wszelkich domu mego interessach i rekursach u króla jm powagą majestatu swego dopomódz raczył, mając zawsze to w celu, żeby nieprzyjaciel spółny domu mego i majestatu waszej carskiej mści nie brał góry i nie wzmagał się na uraganie nasze»

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 64–66.

³¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 69–72.

³² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 14. Л. 72 (оригинал), 74–75 (сокращенный перевод).

³³ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 1. С. 374–375. Польский текст (копия) см.: AGAD. APP. Rps. 56. K. 774.

³⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 14. Л. 76–77.

(«чтобы во всех интересах и нуждах моего дома у короля, его милости, достоинством и влиянием вашего царского величества изволил содействие оказать, помня о том, чтобы неприятель общий моего дома и вашего царского величества не одержал верх и не усилился на поношение нам»)³⁵. Это коротенькое и последнее письмо монарху от 8 октября (27 сентября) 1709 г. из Люблина явилось своего рода политическим завещанием Огинского: 17 (6) октября, он умер. Спустя три дня, еще не зная, видимо, о его смерти, король Август II издал привилей Огинскому на великое гетманство литовское, который жмудскому старосте не суждено было получить [8. С. 606]³⁶.

Гетманом литовским при царской поддержке стал Людвик Потей [4. С. 91]³⁷. Он не был так активен в корреспонденции с царским двором, как Огинский. За первую половину 1709 г. сохранилось лишь одно его письмо к царским министрам от 12 марта (русский перевод датирован 2 марта) из-под Тарнова. Потей сообщил, что после победы под Конецполем и кампании в Великой Польше он прибыл в лагерь коронного гетмана Сенявского, где получил два письма от Головкина и Шафировва с информацией об успехах царских войск. Он подтвердил свою верность союзу с Россией и благодарил за оказанную ему царскую милость (видимо, имелось в виду жалованье). В отдельной цедуле Потей сообщил о получении в лагере сандомирян писем от князей Вишневецких, которые, «chcą powrócić z swojemi ludźmi, jakoż już kilkanaście chorągwi przysłali, tilko, że się sami obawiają że urazili cara Jeomości» («желая возвратиться с людьми своими к нам и уж несколько хоругви прислали, сами же, опасаясь гневу царского величества, притти не дерзают»). В связи с этим Потей просил царское правительство объявить амнистию князьям Михалу и Янушу Вишневецким и как можно скорее прислать соответствующий манифест Петра I ему или резиденту Дашкову, предупреждая, что о том же к министрам будет писать коронный мечник С. Денгоф³⁸. Царь Петр откликнулся на это приглашение, издав 7 (18) апреля 1709 г. указ об амнистии Вишневецких, который был отправлен А. Дашкову. Указ этот, впрочем, так и не был обнародован, а в дальнейшем, несмотря на посредничество Потей, переговоры между князьями Вишневецкими и царским двором окончились неудачно и не привели к примирению³⁹.

Как уже отмечалось, в апреле 1709 г. царское правительство выплатило Потей пенсию в 5 тыс. руб., а после поражения Сапеги при Ледухове (в мае) Л. Потей и Я.З. Рыбинский преследовали остатки его войск⁴⁰. 23 (12) июля из Шебжешина (Хелмская земля) Потей отправил царю поздравления с победой под Полтавой: «Cały świat teraz na oko obaczyć może, jako ten, który potentes deprimit et superbos detrudit w walecznej ręce waszej carskiej mści, i jego nieokreślonej odwadze pokazał moc swoją, zepchnąwszy na kark hardego nieprzyjaciela z dumnej jego imprezy. Co gdy nas dochodzi, przy rozweselonych sercach Bogu zastempów dziękując, waszej carskiej mści z niewypowiedzianym aplauzem, na które się tylko życzliwi zdobyć możemy, winszujemy tej otrzymanej wiktorei, życząc uprzejmie, aby i ta lubo tak sławna, a prawie nie ograniczona nie

³⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 14. Л. 80. Сообщение об отправке Халецкого как посла от войска вместе со Струтинским содержалось в коротком письме жмудского старосты к министрам с той же датой: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 67.

³⁶ Дата смерти и получения привилея на гетманство указана с ошибкой в месяц (ноябрь).

³⁷ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1260, 1299, 1394.

³⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 16. Л. 1–5.

³⁹ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 1. С. 142–143; ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 803–806, 1323–1324; Wiśniowiecki J.A. S. 248.

⁴⁰ ПБИБВ. Т. 9. Вып. 2. С. 922–923.

była jeszcze, z tym wszystkim terminująca niezamierzonych tryumfów waszej carskiej mści dalszych. Sam czas przemijający i wieki potomne niech nie ograniczają sławę waszej carskiej mści, ale tylko tryumfalne gotując laury najaśnisze waszej carskiej mści koronują skronie»⁴¹ («Весь мир теперь может увидеть собственными глазами, как тот, который сильных уничтожал и превосходящих повергал, оказался в доблестных руках вашего царского величества, неудержимой отваге которого вы противопоставили свою силу, свернув шею гордому неприятелю и погубив его тщеславное предприятие. И когда мы слышим об этом, веселыми сердцами Бога благодарим за заступничество, а ваше царское величество с неописуемым восхищением, которое только можем со всей преданностью выразить, поздравляем с одержанной викторией, желая, чтобы она была не только славной, но и повсеместной, предопределяя будущие бесчисленные триумфы вашего царского величества. Пусть же само время преходящее и будущие века не затмят славы вашего царского величества, но приготовят триумфальные лавры, чтобы короновать виски вашего наияснейшего величества»).

Хотя Огинский в корреспонденции с царским двором подчеркивал, что Потей является его союзником, и даже просил для него, как и для других своих сторонников убежища в России в случае крайней опасности, сам литовский подскарбий еще в первой половине 1708 г. рассорился со жмудским старостой и перешел в подчинение к А. Сенявскому [7. S. 41]. Эта ситуация сохранялась и в описываемое время. Сенявский даже переслал Петру I адресованное ему письмо Л. Потей от 27 (16) июня 1709 г. (из Непорента, недалеко от Варшавы), в котором подскарбий сообщал, что по приказу коронного гетмана, соединившись с Рыбинским, намеревается двинуться на Люблин и подчеркнул, что готов и далее действовать согласно распоряжениям коронного гетмана⁴².

Однако вести о болезни и скорой смерти Огинского заставили Потей искать более тесных контактов с русской стороной в расчете на поддержку в получении гетманской булавы Великого княжества Литовского. Как отметил в хронике Я. Вишневецкий, Потей «począł się wachać i z Pawła odmienił się w Saula, bo jako Ogiński zapadł był na zdrowiu, tak zrozumiawszy, że nie będzie żyć... podeptawszy obowiązki przyjaźni i odebrawszy od cara słowo buławy przyszłej» («начал колебаться и из Павла превратился в Саула, и когда ухудшилось здоровье Огинского, он понял что тот уже не жилец, и растоптавши дружеские узы и получив от царя обещание будущей булавы»), не предупредил необходимым образом М. Вишневецкого, который не только не получил царской амнистии, но и попал в руки русских войск и был арестован [7. S. 41]⁴³. В сентябре 1709 г. Потей вел переговоры о распределении литовских вакантных должностей с Меншиковым, который просил Петра I «дабы изволили вы учинить по их прошению и позволить им подскарбия определить того, кого они назначат»⁴⁴, т.е. Потей, обнадуженный получением гетманства, пытался добиться царской протекции в назначении своего кандидата на должность литовского подскарбия, которую он должен был оставить ради булавы. Я. Вишневецкий и вовсе сообщил, что когда Огинский уже совсем ослаб, царь его войско «pod rządem Pocięja lustrował i niezbyt mu się podobało, że

⁴¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 16. Л. 6–7.

⁴² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 7. Л. 59.

⁴³ *Wiśniowiecki J.A.* S. 263.

⁴⁴ ПБПВ. Т. 9. Вып. 2. С. 1250.

szczupłe» («велел под командой Потеля пересмотреть и не очень был доволен его малочисленностью»)⁴⁵.

Возвращаясь к Огинскому, следует отметить, что отзвуком его взаимоотношений с царским двором уже *post mortem* жмудского старосты стали хлопоты его вдовы Теофилы Огинской о возвращении ее сыну, трискому старосте Казимежу Марциану Огинскому Езеренского староства, которое пытался прибрать к рукам вездесущий Меншиков. Летом 1710 г. Теофила Огинская, заручившись рекомендательным письмом Л. Потеля, отправила сына в Санкт-Петербург вместе с послом маршалком литовским Марцианом Воловичем в Россию «ко услугам» царского величества⁴⁶. Сама Огинская обратилась в декабре 1710 г. к царю и вице-канцлеру П.П. Шафирову с просьбой взять «в опеку и протекцию» ее сына, возвратить ему Езеренское староство, принадлежавшее ранее Г. Огинскому и захваченное ныне А.Д. Меншиковым. Вдова не только просила вернуть имение «сироте», но и оказать ему протекцию при королевском дворе, чтобы Август взял ее сына «na swoją pańską ordynację [...] do usług swoich na miejscu ojca» («для своих господских распоряжений [...] и услуг своих на место отца»)⁴⁷. Вдова польного гетмана заручилась и письмом от короля Августа от 13 (2) декабря 1710 г., который лично просил царя Петра I защитить ее перед финансовыми претензиями Меншикова и вернуть имение. Финансовые обязательства, как выяснилось, возникли в результате займа Огинским 4 тыс. ефимков у волынской шляхты в 1709 г., который был сделан, возможно, в ходе зимне-весенней кампании на Волыни. Чтобы вернуть заем, Огинский одолжил деньги у А.Д. Меншикова под залог Езеренского староства, которое тот передал в управление своего секретаря Ю.-К. Девеца. Деньги так и не были возвращены до смерти Огинского. Вопрос о старостве стал частью официальных переговоров Воловича, в ходе которых К.М. Огинский вручил российской стороне «пункты», составленные его матерью. 6 (17) марта Петр направил фавориту письмо с изложением сути дела и требованием вернуть староство, «дабы их тем удовольствовать, а особливо такого, у кого отец подлинной был верной нам» (курсив мой. — К.К.). В письме царю от 30 мая (10 июня) Меншиков оправдывался, что велел вернуть имение «еще по прежнему вашему указу», а до тех пор удерживал его «токмо для дубового лесу, которой лутчей в одном в том старостве»⁴⁸.

* * *

В 1709 г. отношения, которые столь последовательно выстраивал Г. Огинский с царским двором в течение почти десяти лет, достигли определенного апогея с точки зрения частоты контактов и того значения, которое польный гетман придавал царской протекции и поддержке России. Читая его многочисленные письма Петру I и министрам, полные деклараций о верности российскому престолу (а не только союзу с ним), невольно задаешься вопросом чьим же подданным (не с правовой точки зрения, конечно же, а по сути) в большей степени считал себя жмудский староста — русского царя или польского короля и Речи Посполитой? Несомненно, за всем этим сотрудничеством стояли определенные политические цели самого Огинского, в том числе получение российских субсидий, булавы великого гетмана и конвертации царской

⁴⁵ Wiśniowiecki J.A. S. 264.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 86.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 85–85об., 86–88об.

⁴⁸ ПБПВ. Т. 11. Вып. 1 (январь — 12 июля 1711 года). М., 1962. С. 139, 440–441, 488.

поддержки в политическое влияние внутри страны. При этом царские войска регулярно разоряли имения Огинского, а его жалобы и требования компенсаций или хотя бы прекращения поборов и грабежей ничего не давали. Он интриговал против коронных конфедератов и их лидера Сенявского, проявившего, как отметил Ю.А. Геровский, подлинную силу духа в отстаивании интересов Речи Посполитой в сложные 1707–1709 годы [4. С. 53], в то время как Огинский разоблачал перед Петром I планы коронного гетмана по поиску компромисса со сторонниками Станислава Лещинского и даже обвинял его в предательстве союзных интересов. Именно Огинский военной активностью зимой – весной 1709 г., буквально вытянув из царя русские подкрепления, не допустил закрепления на Волини отрядов противника и побудил кунктатора Сенявского к переброске на восток коронных войск.

Какие же выгоды получил жмудский староста от столь активной деятельности в пользу России, заверяя Петра I, что в его войсках царь может быть уверен так же, как в русских полках? Уже вскоре после Полтавы выяснилось, что, поставив все на одну лошадь, жмудский староста выиграл не так уж и много. Строптивый Сенявский, несмотря на разоблачение жмудским старостой его «предательских» действий и несомненную выгоду от вражды двух гетманов для русского двора, оказался для Петра более ценным союзником, нежели Огинский, который переругался с коронными лидерами Сандомирской конфедерации и которому уже фактически ничего не оставалось делать, как с удвоенной силой держаться царской протекции. В результате Сенявский получил обещанный ранее «царский миллион», а Огинский остался ни с чем, не получив ни денег, ни военной поддержки, о которых он просил до самой смерти. Ему не удалось добиться даже компенсации занятых у Меншикова денег, истраченных на находившиеся в его распоряжении войска, а его вдова и сын впоследствии больше года добивались возвращения старостства, захваченного светлейшим в качестве залога. Думается, что Петр I безусловно добился бы для Огинского столь желаемой им булавы великого гетмана. Однако показательно и то, что наряду с заботой в виде отправки к жмудскому старосте царского врача, русская сторона одновременно стала искать замену лежавшему на смертном одре Огинскому и легко нашла ее в лице другого литовского республиканца — Л. Потяя.

Историк, безусловно, не может и не должен увлекаться кабинетным поиском рациональных объяснений всего и вся, оставляя в поле своих реконструкций пространство для случайного и субъективного. В этом смысле феномен Г. Огинского может быть объяснен особенностями его экспрессивного и деятельного характера⁴⁹, что среди прочего в свое время удостоилось отнюдь не лестного отзыва руководителя русской внешней политики Ф.А. Головина («человек зело безумной и непостоянной») [2. С. 61]. Это осложняло положение Огинского во внутриэлитной борьбе в Речи Посполитой, толкая в объятья русской протекции, тем более что сам он с симпатией отзывался о российских политических порядках [3. С. 313].

Вместе с тем перед лицом объективного усиления роли России в польских делах сама модель политического поведения в отношениях с царским двором, заданная Огинским, несмотря на определенные перехлесты, довольно быстро

⁴⁹ Яркую характеристику личности Г. Огинского дал Я. Вишневецкий, отметивший, что он был «славным воином», не утруждавшим разум науками, человеком склонным к политическим интригам и предпочитавшим действовать, а не рассуждать (*Wiśniowiecki J.A.*, 2018. С. 98–99).

нашла применение в карьерных стратегиях других магнатов, ставших основой различных группировок, иногда обобщенно именуемых «русской» партией в Речи Посполитой.

В приложении публикуется «компут» (реестр) войск Г. Огинского, присланный к царскому двору в подтверждение, видимо, наличия при нем достаточного количества отрядов, достойных царского жалованья. К сожалению, не удалось установить, к какому из посланий жмудского старосты он был приложен⁵⁰. При публикации учтены рекомендации польских археографов [5]. Сокращения, использованные в документе, не раскрываются. Источник публикуется без перевода.

Приложение

(Л. 80) Komput wojska WXLo władzy jw jm pana Hrehorego Ant. Ogińskiego generalnego star. Xęstwa Żmudzkiego, hetmana wojsk WXL.

- 1mo. Chorągiew ussarska jwjm pana podskarbiego WoWXLo.
2. Chorągiew pancerna jwjm pana hetmana WWXLo.
3. Chorągiew petyhorska poruczeństwa jmp Eperiaszego.
4. Chorągiew petyhorska jwjm pana wwdy trockiego.
- Chorągiew petyhorska jwjm pana wwdy bełzkiego⁵¹.
5. Chorągiew petyhorska jwjm pana wwdy witebskiego.
6. Chorągiew petyhorska jwjm pana kasztelana witebskiego.
7. Chorągiew petyhorska ⁵²jwjm pana Wołłowicza marszałka WWXL⁵².
8. Chorągiew pancerna ⁵²jwjm pana Wołłowicza marszałka WWXL⁵².
9. Chorągiew pancerna jwjm pana podskarbiego WoWXLo.
10. Chorągiew pancerna jwjm pana podskarbiego nadw. WXL.
11. Chorągiew pancerna jwielm. jm pana strażnika WWXLo.
13. Chorągiew pancerna wielm. jm pana starosty mozyrskiego.
14. Chorągiew pancerna wielm. jmp starosty stokliskiego.

Chorągwie kozackie do korpusu należące.

1. Pułkownictwa jm pana Malczewskiego.
2. Rotmistrzowstwa jm pana Budnego.
3. Rotm. jm pana Krupińskiego.
4. Rotm. jm pana Giedrojcia.
5. Rotm. jm pana Paszkowskiego.
6. Rotm. jm pana Duktorowicza.

⁵⁰ Известно, что в мае 1708 г. посланцы Г. Огинского, прибывшие к руководителю посольских дел Г.И. Головкину за царскими субсидиями, доставили «комут», в котором «50 хоронгвей написано» (ПБПВ. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2 / ред. А.И. Андреев. С. 789). В публикуемом документе, однако, упоминается значительно меньше хоругвей.

⁵¹ Вписано между строк без порядкового номера.

⁵²⁻⁵² Фраза написана один раз между позициями 7 и 8, к которым от нее наискосок прочерчены короткие указательные линии.

7. Rotm. jm pana Wnorowskiego.

8. Rotm. jmp Wielesiewicza.

9. Chorągwa jm pana Kopcia.

Szwadron to jest dwie chorągwie Jm Pana Bielskiego.

1.

Osobno jeszcze chodzą.

2.

Przednia straż.

1. Chorągiew pułkowa jm pana Dłuskiego.

2. Rotm. jm pana Rykaczewskiego.

3. Jm pana Wolskiego.

4. Jm pana Pielwieckiego.

5. Jm pana Żuka.

6. Jm pana Poniatowskiego.

7. Jm pana Zborowskiego.

1. Chor. pułkowa jmp Kwaśniowskiego.

2. Rotm. jm pana Strzeszkowskiego.

3. Pana Czoharana.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 15. Л. 80. Подлинник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва

AGAD – Archiwum Głównie Akt Dawnych, Warszawa

APP – Archiwum Publiczne Potockich

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова, под общ. ред. А.А. Преображенского. М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. 631 с.
2. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. Т. 7. Вып. 2 / ред. А.И. Андреев. VI + 298 с.; М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 9 (январь–декабрь 1709). Вып. 1 / ред. Б.Б. Кафенгауз. 528 с.; М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 9. Вып. 2 / ред. Б.Б. Кафенгауз. С. 529–1621; М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 11. Вып. 1 (январь – 12 июля 1711 года) / ред. колл. Б.Б. Кафенгауз, А.И. Андреев, Л.А. Никифоров. 608 с.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 7, 14, 15, 16, 27, 44, 45.
4. Archiwum Głównie Akt Dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 162. Т. 2; Rps 163a. Т. 39, 40.
5. Archiwum Głównie Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz.V. Rps. 7626.
6. *Wiśniowiecki J.A. Ilias Polski (1700–1710)* / wyd. P. Romaniuk, J. Burdowicz-Nowicki. Warszawa: Neriton, 2018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Віцько З. Войскі Вялікага княства Літоўскага ў кампаніі 1709 года на Захадзе Украіны // Іван Мазепа і мазепинці: Історія та культура України останньої третини XVII – початку XVIII ст. / ред. кол. Я. Дашкевич, О. Купчинський, І. Скочиляс, А. Фелонюк; упор. І. Скочиляс. Львів: ІУАД; НТШ, 2011. С. 63–76.
2. Королюк В.Д. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 43–67.
3. Burdowicz-Nowicki J. *Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706*. Kraków: Arcana, 2010. 768 s.
4. Gierowski J.A. *W cieniu Ligi Północnej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971. 212 s.
5. Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w. / przedm. K. Lep-szy. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1953. 65 s.
6. Rachuba A. *Sapieha Jan Kazimierz* // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1994. T. 35. Sapieha Jan – Schroeder Eliaz. S. 7–12.
7. Sowa A. *Pociej Ludwik Konstanty* // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1978. T. 27. Pniowski Jan – Potocki Ignacy. S. 38–47.
8. Sowa A., Wasilewski T. *Ogiński Grzegorz (Hrehory) Antoni* // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1978. T. 23. Niemirycz Władysław – Olszak Wacław. S. 603–607.

REFERENCES

1. Burdowicz-Nowicki J. *Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706*. Kraków: Arcana Publ., 2010, 768 p. (In Polish)
2. Gierowski J.A. *W cieniu Ligi Północnej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich Publ., 1971, 212 p. (In Polish)
3. Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w., ed. K. Lep-szy, Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich Publ., 1953, 65 p. (In Polish)
4. Koroliuk V.D. *Svidaniye v Birzhakh i pervyye peregovory o pol'sko-russkom soiuze. Voprosy istorii*. 1948. No 4, pp. 43–67. (In Russ.)
5. Rachuba A. *Sapieha Jan Kazimierz*. Polski słownik biograficzny, vol. 35, Sapieha Jan – Schroeder Eliaz, Warszawa; Kraków; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1994, pp. 7–12. (In Polish)
6. Sowa A. *Pociej Ludwik Konstanty*. Polski słownik biograficzny, vol. 27, Pniowski Jan – Potocki Ignacy, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich Publ.; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1978, pp. 38–47. (In Polish)
7. Sowa A., Wasilewski T. *Ogiński Grzegorz (Hrehory) Antoni*. Polski słownik biograficzny, vol. 23, Niemirycz Władysław – Olszak Wacław, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich Publ.; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1978, p. 603–607. (In Polish)
8. Vits'ko Z. *Vo'ski Vialikaha kniastva Litoŭskaha ŷ kampanyy 1709 hoda na Zakhadze Ukrainy. Ivan Mazepa i mazepyntsi: Istoriia ta kul'tura Ukraïny ostann'oi tretyny XVII – pochatku XVIII st.* / red. kol. Ia. Dashkevych, O. Kupchyns'kyi, I. Skochylias, A. Feloniuk; upor. I. Skochylias. L'viv: IUAD; NTSh, 2011, pp. 63–76. (In Belarussian)

Информация об авторе

Кирилл Александрович Кочегаров,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время,
Институт славяноведения РАН,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9877-7381>
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Kochegarov,
PhD, Senior Research Fellow Department of the
history of Slavic nations of the Central Europe
in the Modern Times. Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9877-7381>
e-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Славяноведение, 2021, № 4, с. 29–39

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 29–39

DOI: 10.31857/S0869544X0015962-1

Оригинальная статья /
Original Article

Судьба польско-литовских пленных по Андрусовскому перемирию 1667 г. и миграции населения между Россией и Речью Посполитой

© 2021 г. П.И. Прудовский

РГАДА (Москва, Российская Федерация)

hypolimnion@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются меры русского правительства по поиску и репатриации жителей Речи Посполитой, попавших в плен в ходе Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. В качестве примера изучен казус пленного литовского шляхтича О. Клечковского, отпущенного на родину из холопства, а затем сумевшего вернуться на царскую службу.

Ключевые слова: Русско-польская война 1654–1667 гг., Андрусовское перемирие, обмен пленных, репатриация, шляхта, А.Л. Ордин-Нащокин, Б.А. Репнин.

Ссылка для цитирования: Прудовский П.И. Судьба польско-литовских пленных по Андрусовскому перемирию 1667 г. и миграции населения между Россией и Речью Посполитой // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 29–39. DOI: 10.31857/S0869544X0015962-1.

Polish-Lithuanian prisoners of war after the Truce of Andrusovo and the migrations between Russia and the Commonwealth

© 2021 г. P.I. Prudovsky

RGADA (Moscow, Russian Federation)

hypolimnion@gmail.com

Abstract. The Truce of Andrusovo stipulated an exchange of prisoners of war. The paper describes the legal framework created by the Russian government to find and repatriate eligible prisoners (clergy, nobility, and military personnel) while enforcing a ban on repatriating captive commoners. Practical implementation of the swap is exemplified by a case of Ostafii Kleczkowski, a Lithuanian nobleman who had been taken captive, released, but then after many complications returned to the service of the tsar.

Keywords: Russo-Polish War 1654–1667, Truce of Andrusovo, prisoners exchange, repatriation, nobility, A.L. Ordin-Nashchokin, B.A. Repnin.

Reference for citation: Prudovsky P.I. Polish-Lithuanian prisoners of war after the Truce of Andrusovo and the migrations between Russia and the Commonwealth // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 4. Pp. 29–39. DOI: 10.31857/S0869544X0015962-1.

Рассматриваемый в этой статье вопрос находится на стыке двух проблем истории XVII в.: размена пленных и их судьбы после окончания военных действий, наиболее изученной на примере русско-шведских отношений [7. С. 146–170] (там же историография вопроса), и обмена населением между Россией и Речью Посполитой в раннее Новое время, который, как показывает его изучение применительно к истории XVIII ст., приобрел к этому времени массовый характер [9]. Для более раннего периода изучены вопросы пополнения русских служилых слоев выходцами из-за рубежа [6] и политической эмиграции представителей русской элиты [3]. Единственная работа, посвященная массовым миграционным потокам в середине XVII в., затрагивает переселение жителей белорусских земель в Россию; ей мы и обязаны основными известными на текущий момент данными [1. С. 208–253]. В настоящей работе приводятся материалы, в основном юридического свойства, показывающие качественный аспект репатриации польско-литовских пленных по итогам русско-польской войны 1654–1667 г. как важного момента в истории движения населения между Россией и Речью Посполитой. Специфика привлеченных источников не позволяет оценить количественную сторону процесса, но можно проиллюстрировать изучаемый процесс разбором конкретного казуса, показывающего, как война и мирное урегулирование сказались на жизни отдельного человека, вынужденного выживать и устраивать свою жизнь, передвигаясь между Речью Посполитой и Россией в условиях политических, социальных и религиозных противостояний того времени.

Источники об отпущенных пленных рассеяны в архивных фондах Разрядного, Сибирского и Посольского приказов; при этом документы касаются, как правило, отдельных случаев переселений. В данной работе использована переписка Посольского приказа с воеводами порубежных городов, граничивших с Литвой (так называемые порубежные столбцы), за 1667 и 1668 г. Переписка эта сохранилась достаточно полно и в силу функционального назначения отражает основные моменты, связанные с пропуском людей через границу¹.

Государевы походы 1654–1655 гг. и военные кампании этих лет против Речи Посполитой были сопряжены с массовым насильственным перемещением населения. Русские служилые люди брали в плен как участников военных действий, так и мирное население противника. «Литовским полоном» заселяли опустевшие от морового поветрия города и села [1. С. 210–212]². Немец-очевидец рассказал, как в сентябре 1655 г. под Вильной у него на глазах русские войска «гнали перед собой как стада скота неисчислимое множество пленных женщин, девушек и детей»³.

Андрусовское перемирие, заключенное 30 января 1667 г., открыло возможность для многих полоняников вернуться на родину. Вызывают удивления слова Л.С. Абецедарского, что, «согласно условиям Андрусовского договора о перемирии, всем “полоняникам” в 1667 г. был разрешен свободный выезд на родину» [1.С. 212]. В действительности в тексте перемирия дифференцировались

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1667 г. № 1; 1668 г. № 1.

² Абецедарский основное внимание сосредоточил на добровольном переселении белорусов на коренные территории Московского государства, однако привел и некоторые данные о насильственном перемещении людей с территории Белой Руси.

³ Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (Berlin-Dahlem). I. HA. Geheimer Rat. Rep. 11. Auswärtige Beziehungen, Akten № 6537. Fol. 178.

категории населения, имевшие право вернуться «в королевскую сторону». Этот вопрос регулировался 10 и 11 статьями «посольского договора»⁴. Согласно первой из этих статей, в России должны были остаться «пашенные и рабочее около делания земли люди обоего полу», т.е. крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, а также «мещане всякие, которые не могут почитаться между служивыми людьми». Напротив, свободному переезду на родину с семьями и имуществом, согласно следующей статье, подлежали люди духовного и служилого звания: «шляхта и войсковые люди, старшие и молодые, и челядь лезная»⁵, всякого чина и полу и богомолия люди, также козаки украинские, татарове, под королевским величеством живущие, земяне и все служилые, хотя и в молодых летех будучие», а также евреи, не крестившиеся «в русскую веру». Если указанные лица приняли православие, находились ко времени договора на царской службе, в холопстве у тех или иных собственников или женились на русских женщинах, они получали свободу и право на репатриацию. Полонянки «служилого чина», вышедшие замуж за русских людей, и перешедшие в православие евреи должны были оставаться в России. Польская сторона давала свободу вернуться в Россию всем пленным, даже если они приняли католичество, но при желании они могли и остаться «в стороне королевского величества». Таким образом, нужно подчеркнуть, что, за исключением евреев, вопрос вероисповедания был сознательно вынесен авторами соглашения за скобки его условий; другим важным принципом в определении судьбы пленников была нерушимость их семей, выражавшаяся в том, что жены должны были оставаться при своих мужьях.

Принятые условия начали немедленно проводиться в жизнь. Был создан специальный Полоняничный приказ, или Приказ полоняничных дел, в ведение которого входила и репатриация польско-литовских пленных [2. С. 124; 4. С. 124–125]. По городам рассылались указные грамоты, которыми воеводы ставились в известность о перемирии и получали инструкции, как обращаться с польскими и литовскими «взянями». Воеводы должны были организовать сыск, запись и отправку за рубеж (а из отдаленных от рубежа городов — в Москву) отпускаемых пленных. Например, в Великий Новгород такая грамота прибыла уже 17 февраля⁶. Очень быстро в Новгороде, его пригородах и в пятинах было разыскано 40 полоняников служилого чина (34 мужчины и шесть женщин), из которых трое захотели уехать, а остальные «хотят жить в [...] царского величества стороне в служилых людех, в стрелетцкой и в казачьей службе, а иные в посаде, а иные у прежних своих помещиков» — и воеводы определили их именно «кто в какой чин и где кто жить похотели»⁷. Иначе говоря, они могли свободно выбирать место жительства, службу и в определенных рамках статус.

5 марта Разряд разослал дополнительные распоряжения, связанные с возникшими при разборе полона трудностями⁸. Некоторые воеводы, согласно этому указу, объявляли, что велено отпустить «в литовскую сторону» всех пленных, «не разбирая чинов», и, очевидно, либо собирали с помещиков

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 661–663. Значение этих условий в контексте переговоров в Андрусове и появление этой темы на дальнейших переговорах см.: [8. С. 188–189, 275, 280].

⁵ В ПСЗ ошибочно «разная».

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 60.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 62.

⁸ ПСЗ. Т. 1. С. 670–671.

подношения, чтобы те могли оставить своих пленных у себя в работе, либо за деньги отпускали тех, кому положено было оставаться в России; «между людей» от этого «чинилась смута». Таким нарушителям указ грозил опалой и возмещением за их счет причиненных их действиями убытков. Подтверждалось разделение на служилых, которых можно было отпустить на родину, и мещан, и «пашенных мужиков», должных оставаться в местах своего проживания.

В соответствии с этим и предыдущим указами новгородские воеводы вели сискивать и приводить к «записке» служилую часть полона (в других городах, надо думать, ситуация складывалась сходным образом). При организации сыска возникла следующая трудность: служилый статус полоняников устанавливался с их слов в результате расспроса, но, согласно челобитным дворян и детей боярских, многие из них «пролыгались» служилыми людьми (т.е. ложно объявляли себя таковыми), на деле являясь «пашенными людьми». По идее, нужные данные должны были находиться в «полоняничных книгах», куда помещикам было положено записывать свой полон. Но, как выяснилось, многие были записаны в эти книги «глухо», без показания того, служилые они или пашенные люди, а многие и вовсе не были записаны в книги⁹.

Посольский приказ нашел временное решение. Указная грамота в Великий Новгород от 2 апреля 1667 г. гласила: «Которые польского и литовского народу вязни называютца служилыми, а розыскать про них нечим, а дворяне и дети боярские учнут их называть пашенными мужиками», тем следовало жить у своих нынешних хозяев до ожидаемого в том же году приезда в Москву польских и литовских послов: «Во время посольского приезде забытны они не будут»; при этом всех поголовно полоняников, и служилых, и мещан, и пашенных мужиков, следовало переписать и приготовить списки к приезду упомянутого посольства (посольство С.К. Беневого, прибывшее в Россию осенью 1667 г.)¹⁰. Очевидно, предполагалось, что власти Речи Посполитой смогут поспособствовать идентификации своих подданных, имеющих право на репатриацию. Соответствующие переписные книги для Новгорода и Новгородской земли были готовы уже в начале сентября¹¹. Известна аналогичная указная грамота в Псков, где также составлялись переписные книги полоняников¹². Видимо, и в других уездах дело сыска «вязней» было поставлено аналогичным образом.

В среде мещан и крестьян распространилось недовольство запретом вернуться на родину. В начале августа в памяти Посольского приказа в Разряд констатировалось, что «во многих городех у полонеников литовских зговоры, скопаясь, к побегу», от чего «в городех и уездах междо людьми многой несовет и вражда по ссоре злых людей напрасно». Боясь потери работающих на них людей, владельцы «так же готовятца, съехався к Москве из городов, остерегать отпуску литовского полону, когда будут [...] польские послы к Москве». Разряд должен был успокоить страсти и разослать по городам грамоты, по которым воеводам следовало объявить жителям, «чтоб о том впредь между рускими людьми и литовским

⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 65–66.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 67–70.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 202.

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 155–158, 218–219. В Пскове и пригородах на 2 июля, еще до окончания работы над переписными книгами, «объявилось польского и литовского народу людей выходцев пашенных мужиков 301 человек, мещан 20 человек, шляхетские породы и всякого служилого чину людей мужского полу 13 человек да женского полу 4».

полоном ссоры и вражды не было и впрямь бы тому верили, что отдача пашенному полону бес крепости вечного миру преж времени не будет». Отказ неслабому полону в возврате на родину объяснялся тем, что эти люди рассматривались как замена «крымскому многому плену из Великие России в прошлые лета с поможательства королевству Полскому»¹³, т.е. в качестве компенсации за людские потери России в ходе русско-польской войны, понесенные ею в результате набегов крымских татар — союзников Речи Посполитой.

После заключения Андрусовского перемирия русское правительство стремилось избегать действий, недружественных по отношению к Речи Посполитой и противных духу мира и планируемого А.Л. Ординым-Нащокиным союза с ней. Одним из проявлений этого курса стал запрет принимать выходцев «из-за литовского рубежа». Так, псковским воеводам было указано говорить шляхте, которая будет приезжать на царскую службу, что до грядущего польского посольства (уже упоминавшегося посольства Беневского) и заключения с ним специального договора для таких случаев «принимать их не мочно». Если в Пскове «есть какая выезжая шляхта» (т.е. уже принятая в русское подданство), то ей следовало «по сродству и по знакомству шляхте приезжим или которые захотят из Литвы ехать, ведом чини[ть], чтоб они дожидали в приездах своих подтверждения»¹⁴. Нужно заметить, что такие несвоевременные выезды доставляли неудобства не только для совершавших напрасные путешествия шляхтичей, но и для русской пограничной администрации. Если воеводы вопреки запрету принимали такую «выезжую шляхту» и назначали ей временное содержание («поденный корм»), то истраченные на это казенные деньги взыскивались с дьяков и подьячих съезжих изб «за то, что они нашего, великого государя, указу не остерегли»¹⁵. Согласно сведениям, приводимым Л.С. Абецедарским, в последующие годы миграция населения из Литвы в Россию происходила довольно активно [1. С. 212–213, 224 сл.], а значит, запрет на нее (оставшийся этому исследователю неизвестным) был снят, однако точный момент его отмены неизвестен.

Еще одним миграционным процессом после заключения Андрусовского договора стало перемещение населения из литовско-русского приграничья в обе стороны через рубеж. При этом сама граница, хотя и определенная договором юридически, оставалась физически не демаркированной и продолжала находиться в таком состоянии вплоть до разделов Польши. Добровольное и принудительное перемещение населения через эту непроложенную границу в XVIII в. изучено Е.В. Акельевым и А.В. Горностаевым [9], однако существовавшие в послепетровское время коллизии начали формироваться именно в период Андрусовского перемирия. Прежде всего здесь следует обратить внимание на бегство помещичьих крестьян и на их насильственное возвращение землевладельцами ВКЛ.

Хотя информация о переселениях за границу стекалась в Разрядный приказ, она отразилась и в изученных нами документах Посольского приказа, который также должен был заниматься этими вопросами. Сохранились данные о следующих случаях. 1. За годы войны некоторые крестьяне из Смоленского уезда переселились за рубеж, а из более западных поветов — в Смоленский уезд; бывшие господа тех и других крестьян подают иски об их возврате.

¹³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 171, 181–182.

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 159–160. Указная грамота Посольского приказа 24 июня 1667 г.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 153–154, 164–166.

2. «Многие» крестьяне с семьями и имуществом бегут из Смоленского уезда «в литовскую сторону», а для предотвращения этого по рубежу поставлены заставы¹⁶. 3. На Луках Великих у многих помещиков и вотчинников крестьяне с семьями и имуществом убегают за литовский рубеж, а потом возвращаются оттуда «тайным обычаем» для грабежа¹⁷. 4. Осенью или в начале зимы 1667 г. дворяне и дети боярские Лук Великих подали челобитную, в которой жаловались на то, что шляхта и казаки из Озерищ, Усвята, Полоцка и Витебска отрядами по несколько десятков человек приезжают и вывозят крестьян из их поместий, сопровождая это всяческими насилиями и грабежами. Аналогичная ситуация складывалась и в Торопце. Разряд доложил об этом царю, и тот повелел передать дело в ведение Посольского приказа¹⁸. А.Л. Ордин-Нащокин отнесся со всей серьезностью к обнаружившимся нарушениям только что заключенного им мирного договора и постановил поднять вопрос о нападениях и вывозе крестьян через границу на переговорах в Варшаве, на которые собирались русские посланники. Соответствующие инструкции были внесены в их наказ: они должны были потребовать, чтобы король приказал пограничным урядникам пресекать подобные правонарушения¹⁹.

* * *

Порядок выдачи пленных, имевших право на возвращение, был следующим. Постоянно шла отправка репатриантов небольшими партиями в сопровождении русских приставов на рубеж, где их отдавали под расписку «приказным людям» Речи Посполитой. Иногда, впрочем, пленников с польской стороны никто не встречал, и бывшие «вязни» разъезжались по домам прямо от границы, оставляя приставов без расписок о приеме пленных²⁰. Большую работу по приему пленных вело в Москве посольство Беневского в сотрудничестве с Посольским и Полоняничным приказами. Люди «польской и литовской породы» приходили к послам, а если их служилый статус вызывал вопросы, в приказах проводилось дополнительное расследование²¹.

Рассмотрим более подробно историю одного из шляхтичей, отпущенных с посольством Беневского. Она интересна тем, что содержит в себе ряд правовых коллизий, каждая из которых не была уникальной, но сочетание которых делает ее в высшей степени своеобразной²².

Шляхтич Виленского воеводства Клечковский в 1655 г., во время государева похода на Вильну, был взят в плен солдатами Сторожевого полка, которые отдали

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 113–118. Память Разрядного приказа получена Посольским 8 мая 1667 г.

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 211–212. Память Разрядного приказа от 21 сентября 1667 г. Любопытно, что жалобы лужских и торопецких помещиков, цитируемые в памяти, почти дословно повторены в коллективной челобитной псковских, великолуцких, торопецких и пусторжевских землевладельцев 1723 г., приведенной Акельевым и Горностаевым. Очевидно, проблема бегства крестьян за границу и их последующих нападений на прежних владельцев десятилетиями не теряла своей остроты [9. Note 15].

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 257–260, 264. Память Разрядного приказа от 28 декабря 1667 г.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 257 об.; 1668 г. № 3. Л. 81, 80.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 188–197, 206.

²¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 243–244. Пример списков, отдаваемых послам шляхты и духовенства (очевидно, такие списки составлялись по мере явки людей и их должно было быть много): РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 245, 246, 248.

²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 13–18, 20, 92–96, 101, 116–117.

его своему воеводе боярину князю Борису Александровичу Репнину. Репнин взял его в свое домохозяйство и велел крестить в православие, причем он получил имя Остафий и отчество Алексеевич (видимо, по крестному отцу, как тогда было принято; его католическое имя документы не сообщают), «и с тех мест жил он во дворе у боярина [...] тринадцать лет». К концу этого срока шляхтич занимал при Репнине достаточно заметную должность: «ему приказано было в казне». Возможно, изменение его статуса было обусловлено принадлежностью к западной культуре и образованности; по крайней мере, для периода русско-польской войны известны случаи, когда пленные играли именно такую роль в домах знатных людей. Так, сына А.Л. Ордина-Нащокина Воина обучали «польские полоняники» [4. С. 59], а во дворе боярина Г.С. Черкасского жил органист С. Рункевич, бежавший в 1668 г., как предполагали, к Смоленску и литовскому рубежу²³.

В Москве в Новодевичьем монастыре, по его сообщению, жили мать и сестра Ключковского. Употребление им слова «пострижены» может говорить о том, что они стали монахинями уже в Москве, а не в Оршанском Кутейнском монастыре, откуда приехали²⁴. Сам шляхтич также в какой-то момент изъявлял желание и бил челом Репнину о позволении постричься в монастырь, но получил отказ. Когда в Москву прибыло посольство Беневского, Ключковский «с боярского двора сшел и по указу великого государя и по посольскому договору с Москвы отпущен был с ними, послы, в литовскую сторону». Впоследствии Б.А. Репнин обвинил Ключковского в том, что тот ушел, ограбив его, сам же шляхтич это отрицал.

Вернувшись в Литву к родным братьям «и к иным сродникам», шляхтич не смог там прижиться. Сам он выдвинул на первый план конфессиональные мотивы: его будто бы стали «неволить по-прежнему к римской вере», т.е. принуждать к обратному переходу в католичество, он же хотел остаться в православии; это, впрочем, не исключает и других причин: политических, имущественных разногласий и тому подобное. В любом случае, Ключковский принял решение вернуться в Россию на царскую службу, воспользовавшись удачной оказией — русским посольством во главе с думным дворянином Б.И. Ординым-Нащокиным, проезжавшим через Вильну. Если бы он поехал самостоятельно, его, скорее всего, остановили и выслали бы обратно: именно такие указания получали пограничные воеводы после 1667 г. относительно выезжей шляхты.

В Москве наш герой остановился у Б.И. Нащокина, тот же сообщил о его «выезде» царю. Узнал о возвращении своего бывшего холопа и Б.А. Репнин. По его приказу один из слуг, тоже из литовских пленных, приходил к нему и говорил, «чтоб он, Осташко, не опасаясь ничего, пришел к нему, боярину, челом ударить», «а боярин-де [...] пожалует его, простит, а буде он, Остафей, не смеет, и он бы бил челом боярина [...] отцу духовному или думному дворянину Богдану Ивановичу²⁵, чтоб он изволил [...] ко князю Борису Александровичу приехать и за него побить челом». Кроме того, Репнин просил Б.И. Ордина-Нащокина, у которого остановился Остафий, чтобы последнего прислали к нему, «а он-де, боярин, оскорбить его не велит».

²³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 98–99. Источник сохранил колоритное описание его внешности: «Ростом плоск, невелик, волосом рус, борода мухорта с сединою, невелика, в лице скуловат, лицо с рябинками, речь говорит шамковато, в годах сверстать лет больше штидесяти, руки и сам суховат».

²⁴ О переезде насельниц Кутейнского монастыря в Новодевичий см: [1. С. 223].

²⁵ Ордину-Нащокину.

Поддавшись на эти уговоры и получив одобрение Б.И. Ордина-Нащокина, Клечковский отправился к Б.А. Репнину вечером 23 февраля 1668 г., был им задержан и отдан в Посольский приказ. Появление бывшего слуги и его арест источники излагают в нескольких версиях. Согласно Б.А. Репнину, «тот мой беглой человекенко пришел ко мне на дворишко мой и вошел в хоромишка мои, где я спал, тайно, никто его дворовые мои люди не видали, а не обослався ни с кем, знатно, что некаким воровским умыслом».

Слуга Репнина Данило Рынейский, который ходил к Клечковскому звать его обратно, сообщил следующее: «И после того пришел он, Остафей, на двор к боярину князю Борису Александровичю один, а его, Данилкова, была в то время на дворе сторожа, и сшелся он, Остафей, с ним, Данилком, в боярских сенях, и из сеней пошел он, Остафей, к боярским хоромам один, а он, Данилко, с ним не ходил, а остался в сенях».

Подробнее всего изложил дело сам О.А. Клечковский: «И он, Осташка, с ведома думного дворянина Богдана Ивановича к боярину ко князю Борису Александровичю на двор его в час ночи пришел, и сторож его на двор пустил. И как он, Осташка, вошел на сени, и в сенях сидел с ним тот боярский человек, который по него ходил, и с тем человеком он, Осташка, пришел к тем хоромам, где живет боярин [...] и у дверей постукались, и к ним вышел от боярина жилец, и он, Осташка, говорил ему, чтоб он доложил боярина. А как жилец доложил, и боярин [...] велел ему к себе в хоромы идти, и он, Осташко, перед боярином пришел и боярину бил челом, чтоб он его пожаловал, изволил простить в том, что от него с двора при послах сшел не сказав. И боярин на него учал быть кручиноват и послал его с жильцами на конюшню и велел ему на шею положить большую чепь, а на ноги железы, и на конюшне был окован и по се время».

Очевидно, что показания Клечковского и Данилы Рынейского опровергают заявления князя Репнина о тайном проникновении и возможном злом умысле «человеченка». Замечу, что в расспросных речах человек Репнина Данило Рынейский утверждал, что приходил навещать нашего шляхтича и звал его к Репнину по собственной инициативе. Это вызывает большие сомнения. У самого Клечковского сложилось впечатление о том, что его товарищ по плену действовал по поручению боярина. Если бы это было не так, то ему и не было резона приходиться к боярину, когда почва для принесения извинений еще не была подготовлена. Думается, Репнин дал Клечковскому через своего служителя определенные заверения; кроме того, визит шляхтича к боярину был санкционирован и Богданом Ординым-Нащокиным, который, возможно, тоже вынес из бесед с Репниным при царском дворе какие-то благоприятные для своего протеза впечатления. Из этих обстоятельств складывается ощущение, что боярин Репнин держал гнев на беглого слугу, и поэтому решил изобразить ласку и прощение, чтобы заманить его к себе на расправу. Наш шляхтич квалифицировал это однозначно: князь хотел его «по-прежнему к себе в холопство взять». Косвенным подтверждением недобрых чувств боярина к беглому слуге может служить сформулированное в челобитной Репнина требование «в воровском умысле расспросить и пытаться» Клечковского: обычно в формуляре подобных прошений было совершенно не обязательно побуждать государство к попытке подозреваемого, органы власти принимали решение о необходимости тех или иных процедур самостоятельно в ходе расследования. Если князь Репнин, несмотря на это, счел нужным специально указать на желательность пытки Остафия Клечковского, то, очевидно, он был настроен к нему весьма враждебно.

«Снес» ли шляхтич при уходе «многую боярскую казну», как утверждал Б.А. Репнин? Сам он это отрицал, и весьма разумным выглядит его довод в собственную защиту: «А что б, государь, я ведал за собою какое воровство, и я бы к тебе, великому государю, с своей стороны и не ехал». Следует думать, что Ключковский ушел от господина не с пустыми руками. За годы службы на ответственной должности в боярском хозяйстве (напомним, Остафий отвечал за какие-то финансы или имущество князя) он, скорее всего, скопил некоторые пожитки, которые и мог забрать с собой. Какая-то «рухлядишка» была у него перед отпуском за границу конфискована по требованию бывшего хозяина и «взята в Земский приказ». Однако поскольку Ключковский находился у боярина в холопстве, тот, по всей видимости, рассматривал личное имущество слуги как свою собственность. Схожий конфликт возник и при освобождении пленного барабанщика, служившего кн. К.О. Щербатову. Щербатов утверждал, что слуга ограбил его, а сам барабанщик настаивал, что «ничего не снес, только свои два кафтанишка»²⁶. С точки зрения государства, правда находилась скорее на стороне слуг. В разбиравшемся выше указе 5 марта 1667 г. подчеркивалось, что тех пленных, кто имеет право на возвращение на родину, нужно освобождать не только вместе с семьей, но и «с животы», т.е., по-видимому, с имуществом, находившимся в их непосредственном распоряжении²⁷. Следуя букве этого указа, ни барабанщик Олехновский, ни шляхтич Ключковский не должны были считаться грабителями. Видимо, именно поэтому суд Посольского приказа даже не стал рассматривать вопрос о якобы снесенных «животишках».

Арестованный в конце февраля 1668 г. наш герой сидел под стражей в Посольском приказе более двух месяцев. Однако 8 мая Ключковский сумел подать челобитную, где не просто защищался от обвинений бывшего хозяина, а еще и перешел в наступление. Шляхтич подчеркивал, что выехал в Россию служить царю. Все обвинения Репнина, в том числе в бегстве из холопства, он отвергал на том основании, что «отпущен был в свою сторону» по государеву указу, т.е. правомерно, как оно в действительности и было, ибо его случай полностью подходил под соответствующие определения Андрусовского перемирия. Всеми этими обвинениями, писал Ключковский, боярин «клепал [его] напрасно, хотя [его] вконец погубить». В заключение шляхтич просил не верить «боярскому поклепному напрасному челобитью» и учинить «в той своей напрасной беде государев милостивый указ», т.е. вынести решение по делу.

И уже 14 мая результаты следствия были доложены царю, который наложил следующую резолюцию: «Государь пожаловал, велел ему дать воля и отослать в Розряд». Это значило, что его приняли на царскую службу, естественно, освободив от всех обвинений. Если до этого в судьбе Остафия Ключковского принимал участие думный дворянин Б.И. Ордин-Нащокин, то на сей раз доклад царю делал, очевидно, глава Посольского приказа боярин А.Л. Ордин-Нащокин. Надо думать, что весь этот клан покровительствовал выезжему шляхтичу. Такое заступничество делало маловероятным его повторное похолопление, которого, возможно, добивался Репнин. Можно предположить, что князь решил воспользоваться легитимной возможностью выместить на Ключковском гнев и с этой целью заманил его к себе, отругал и велел посадить на цепь и в колодки. Кроме того, он обвинил вечернего гостя в краже и в разбойном умысле, обеспечив тому по меньшей мере изрядную нервотрепку. Следствие, впрочем, не встало

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 243–244.

²⁷ ПСЗ. Т. 1. С. 670.

на сторону боярина. Трудно сказать, что сыграло тут свою роль: недоверие к показаниям зависимых людей, которые могли искажать истину в пользу хозяина, или заступничество Ордина-Нащокина, в ведомстве которого разбиралось дело. К сожалению, о взаимоотношениях внутри боярской думы в это время известно очень мало, поэтому нельзя судить, есть ли в принятом решении след каких-то трений между Ординым-Нащокиным и Репниным в борьбе за власть и политический курс. Решение по делу было вынесено в соответствии с существующим правом. Вполне возможно, что поддержание законности, по крайней мере, в кругу царского двора и центральных приказов обладало более высокой ценностью, чем интересы высокопоставленного царедворца.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКЛ — Великое княжество Литовское

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

GStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Berlin-Dahlem

ИСТОЧНИКИ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абеледарский Л. С.* Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. Минск: «Высшая школа», 1978. 256 с.
2. *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / отв. ред. С. О. Шмидт; сост. А. В. Топычанов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
3. *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М., СПб.: Нестор-История, 2018. 1012 с.
4. *Кошелева О. Е.* Побег Воина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под. ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М.: РГГУ, 1997. Вып. 1. С. 55–86.
5. *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
6. *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс Традиция, 2007. 384 с.
7. *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.
8. *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.
9. *Akel'ev E., Gornostaev A.* «Millions of the Living Dead»: Fugitives, Polish Border, and Russian Society in the Eighteenth Century. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* (forthcoming).

REFERENCES

1. *Abetsedarskii L. S.* *Belorussia i Rossiia: Ocherki russko-belorusskikh svyazei vtoroi poloviny XVI–XVII v.* Minsk: «Vysshiaia shkola», 1978, 256 s. (In Russ.)
2. *Akel'ev E., Gornostaev A.* «*Millions of the Living Dead*»: *Fugitives, Polish Border, and Russian Society in the Eighteenth Century*. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* (forthcoming).
3. *Bogoiavlenskii S. K.* *Moskovskii prikaznoi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov* / *Otv. red. S. O. Shmidt; sost. A. V. Topychkanov.* M.: *Iazyki slavianskoi kul'tury*, 2006, 608 s. (In Russ.)
4. *Jerusalimskii K. Iu.* *Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi.* M., SPb.: Nestor-Istoriia, 2018, 1012 s. (In Russ.)
5. *Floria B. N.* *Vneshnepoliticheskaja programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki jeje osushchestvleniia.* M.: Indrik, 2013. 448 s. (In Russ.)

6. Kosheleva O. Je. *Pobeg Voina. Kazus. Individual'noje i unikal'noje v istorii* / Pod. red. Iu.L. Bessmertnogo i M.A. Boitsova. M.: RGGU, 1997. Vyp. 1, s. 55–86. (In Russ.)
7. Liseitsev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Iu. M. *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI – XVII vv.: Slovar'-spravochnik*. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 303 s. (In Russ.)
8. Oparina T.A. *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv.: Oчерки istoricheskoi biografii i genealogii*. M.: Progress Traditsiia, 2007. 384 s. (In Russ.)
9. Selin A.A. *Russko-shvedskaia granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanije, funktsionirovanije, nasledije. Istoricheskije oчерki*. SPb.: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «Blits», 2016. 864 s. (In Russ.)

Информация об авторе

Петр Прудовский Игоревич,
кандидат исторических наук,
независимый исследователь, РГАДА
(Москва, Российская Федерация)
ORCID: 0000-0002-9158-7809
e-mail: hypolimnion@gmail.com

Information about the author

Petr I. Prudovsky,
PhD (history), independent scholar,
RGADA (Moscow, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-9158-7809
e-mail: hypolimnion@gmail.com

Славяноведение, 2021, № 4, с. 40–59

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 40–59

DOI: 10.31857/S0869544X0015972-2

Оригинальная статья /
Original Article

К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова

© 2021 г. М.Т. Накишова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

m-nakishova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются деловые и личные связи князя А.Д. Меншикова в контексте расследования Почепского дела. На основе анализа эпистолярных источников проводится изучение механизмов, используемых князем с целью получить поддержку и заступничество. Отдельными блоками разбираются связи Меншикова с тремя группами лиц: малороссийской элитой; членами Сената и должностными лицами Иностранной коллегии; а также близкими к Петру I государственными деятелями (в особенности с кабинет-секретарем А.В. Макаровым и государыней Екатериной), формально или неформально вовлеченными в разбирательства по Почепскому делу. В результате делается вывод о роли и эффективности деловых и личных связей Меншикова, выстраиваемых им в ходе Почепского дела, о влиянии этих связей на позицию Петра, чья окончательная резолюция должна была привести судебный процесс к завершению.

Ключевые слова: Почепское дело, Почеп, социальные связи, межевание, А.Д. Меншиков

Ссылка для цитирования: Накишова М.Т. К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 40–59. DOI: 10.31857/S0869544X0015972-2.

Some information to the history of the Pochep case of prince A.D. Menshikov

© 2021 M.T. Nakishova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
g. Yekaterinburg, Russian Federation

m-nakishova@mail.ru

Abstract. The article regards business and personal ties of prince A.D. Menshikov in the context of the investigation of the Pochep case. By analyzing the epistolary sources, the author examines the mechanisms used by the prince to obtain support and intercession. Menshikov's ties with three groups of persons are considered in separated blokes: the Ukraine elite, members of the Senate and officials of the Foreign Collegium, as well as Peter I confidants who were formally or informally involved in the Pochep case (especially the head of Cabinet A.V. Makarov and the Empress Catherine). The author makes a conclusion about the role and effectiveness of Menshikov's business and personal ties established in the course of the Pochep case. It is also emphasized that these ties influenced the position of Peter I, whose final resolution was supposed to bring the trial to an end.

Keywords: Pochep case, Pochep, social ties, land surveying, A.D. Menshikov.

Reference for citation: *Nakishova M.T. Some information to the history of the Pochep case of prince A.D. Menshikov // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No 4. P. 40–59. DOI: 10.31857/S0869544X0015972-2.*

Жизнь и деятельность светлейшего князя А.Д. Меншикова (1673–1729), ближайшего сподвижника и друга государя Петра Великого, представляет собой удивительно интересную страницу истории. Его неутомимая энергия, административные таланты, значительный вклад в государственное строительство, с одной стороны, и неуемные амбиции, любовь к наживе, неформальные связи — с другой, привлекают своей противоречивостью, многогранностью проявлений человеческой личности.

Отдельной страницей жизни А.Д. Меншикова, которую, к слову, не редко используют для оценки его государственной деятельности в целом, является тема злоупотреблений и коррупции. На протяжении последних лет своей политической карьеры Меншиков был замешан в череде судебно-следственных процессов, в ходе которых ему предъявлялись обвинения в хищении государственных средств, взятках, махинациях, земельных захватах, злоупотреблении властью и т.д. Тем не менее, каждый раз, несмотря на серьезность обвинений, потерю должностей и, казалось бы, катастрофическое положение, Меншикову удавалось сохранить свое могущество и выйти из судебных разбирательств с наименьшими потерями. Каким образом у него получалось отразить многочисленные обвинения? Что так стабильно обеспечивало его силу и опору?

Одним из наиболее резонансных процессов петровской эпохи по праву является Почепское дело князя Меншикова, связанное с его земельными захватами на Украине. Как известно, в благодарность за изгнание шведов из малороссийских территорий в ходе Северной войны в середине июля 1709 г. Меншиков получил принадлежавший ранее гетману И.С. Мазепе г. Почеп, а именно земли, относящиеся «до ратуши почепской» и «до двору гетманского». Постепенно князь начал увеличивать свои владения, захватывая казачьи земли. Уже в 1710 г. гетман И.И. Скоропадский универсалом отдал Меншикову под протекцию казаков почепской сотни «в такое же “послушание”, каким были и крестьяне» [7. С. 278]. На этом захваты не закончились: князь добавил к своим владениям Храповскую волость и продолжил округлять территории, хитроумно ссылаясь на межевание Г. Пушкина, проведенное для определения государственной границы между Россией и Польшей в 1638 г. и обозначившее границу Почепы только с восточной стороны. Первые жалобы казаков на Меншикова, как отмечает Н.И. Павленко, стали поступать государю в 1717 г., но активный ход разбирательствам был дан только в 1720 г., когда назначенный для межевания дьяк И.Р. Лосев значительно расширил границы владений князя в Малой России, присоединив к ним земли Бакланской, Мглинской, большей части Стародубской сотни. С этого момента для Меншикова, еще не оправившегося от следствия по подрядным делам и подорвавшего беспрекословное доверие государя, начался новый период постоянного морального напряжения и судебных разбирательств, которые не сулили ему ничего хорошего.

При всей важности для понимания специфики петровской государственности и роли в ней Меншикова Почепское дело до сих пор не стало предметом специального исследования. Его ход, мероприятия следствия, причины, результаты, участники и связи между ними изучены крайне поверхностно.

Наиболее полный очерк почепского конфликта был написан А.М. Лазаревским еще в XIX в., однако последние годы течения дела – с конца 1722 г. по 1726 г. – обрисованы историком довольно скомкано [7. С. 274–324]. Кроме работы Лазаревского сведения о Почепском деле в исторических исследованиях в основном сводятся к отдельным упоминаниям в несколько абзацев лишь о том, что дело имело место и кардинально повлияло на степень доверия Петра к Меншикову [1. С. 438; 2. С. 95–96; 4. С. 124–125; 5. С. 167–176; 11. С. 770–771; 12. С. 225]. Исключением, пожалуй, является книга П.Н. Павленко «Меншиков: Полудержавный властелин», в которой историк, привлекая неопубликованные комплексы эпистолярных источников, актуализировал вопросы, касающиеся взаимоотношений Меншикова с другими государственными деятелями в ходе Почепского дела [8]. Отдельно развивается направление, рассматривающее данный конфликт в общей системе связей князя с представителями малороссийской элиты [6; 13].

Должно быть, отсутствие достаточного внимания исследователей к Почепскому делу во многом определяется тем, что систематизированного и хронологически выстроенного «Почепского дела» в архивных хранилищах не сохранилось. Среди материалов личной канцелярии А.Д. Меншикова под названием «Дело следственное о князе Меншикове по почепским его вотчинам о несправедном оных размежевании» находится небольшой по объему (30 л.) комплекс документов, который представляет собой пункты, составленные в ходе следствия на Генеральном дворе весной 1723 г., и ответы князя на них (к слову, ссылки на это дело не встречаются ни в одном известном нам исследовании)¹. Другие источники, которые в большинстве своем представлены источниками личного происхождения – письмами, доношениями, цедулами, выписками, содержащими сведения о действиях князя в ходе почепского разбирательства, распылены по различным фондам: Сената, Кабинета Петра I, личной канцелярии Меншикова и т.д.² Соответственно, трудности выявления источниковых комплексов влекут за собой трудности с реконструкцией целостной картины дела.

Таким образом, системное изучение Почепского дела – задача достаточно сложная и долгосрочная, требующая ряда исследований, тщательного восстановления хронологии и поиска новых источников. Не пытаясь охватить необъятное, в данной работе я сконцентрируюсь на отдельном аспекте, во многом позволяющем понять причины непотопляемости светлейшего князя в ситуации, когда его вина, казалось бы, полностью доказана, а доверие государя подорвано. Следуя за вектором, заданным Павленко, остановлюсь на изучении деловых и личных связей Меншикова, активизируемых им по мере развития Почепского дела. В рамках этого попробую понять, с помощью каких каналов князь обеспечивал прочность своих позиций, к кому из государственных деятелей он обращался за поддержкой и заступничеством и в принципе насколько выстраиваемые им связи оказывали влияние на ход дела.

Анализируя эпистолярное наследие Меншикова, условно можно выделить три направления, в рамках которых князь выстраивал личные и деловые связи. Во-первых, Меншиков стремился упрочить собственные позиции непосредственно на месте межевания, в Малой России, среди казацкой старшины

¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199.

² РГАДА. Ф. 9, 198, 248.

и прочих должностных лиц. Во-вторых, он делал все возможное, чтобы установить контроль за деятельностью органов центрального управления, которые так или иначе были вовлечены в судопроизводство по почепскому разбирательству (Сенат, Иностранная коллегия, следственная комиссия на Генеральном дворе). В-третьих, князь искал пути влияния на Петра I, поддерживая контакты с доверенными лицами и государственными деятелями, входившими в его ближайшее окружение. Разберем эти направления по порядку.

До середины 1722 г. ход Почепского дела во многом определяла позиция гетмана И.И. Скоропадского, который открыто выступал против земельных захватов Меншикова, произвола, несправедливых межеваний и пытался с ними бороться. При этом Скоропадский на протяжении долгого времени был связан с князем тесными деловыми контактами относительно вопросов управления Малой Россией, хозяйственных и военных нужд³, что, должно быть, породило у Меншикова стабильные надежды повлиять на позицию гетмана и переманить его на свою сторону. Князь, как указывает Павленко, до последнего сомневался, «чтоб он сам мог подписатца» под обвинительными челобитными без чьего-то тлетворного влияния [8. С. 230].

Меншиков не раз пытался уговорить Скоропадского признать законность махинаций с почепским межеванием. Так, в июне 1720 г. в Глухов от князя, находившегося в Почепе, был послан бригадир Ф.И. Протасьев, который, помимо того что решал некоторые хозяйственные вопросы, информировал Меншикова о всех событиях и разговорах вокруг Почепского дела и, что более важно, должен был оказать влияние на Скоропадского и его супругу, «всеми мерами склоняя, чтоб господин гетман на желание вашей светлости исполнил»⁴. Гетман, тем не менее, ни в этот раз, ни в дальнейшем⁵ никаким уговорам не поддавался. Меншикова он стабильно не поддерживал: регулярно подавал государю челобитные, доношения, партикулярные письма с жалобами на самоуправства межевальщиков; просил ложному межеванию дьяка Лосева не верить и провести его справедливо; противодействия отправлявшимся к государю казачьим делегациям не оказывал, наоборот, им способствовал⁶ [5. С. 172–173; 7. С. 279, 283–284; 8. С. 228–232], даже после того, как 8 марта 1722 г. при посредничестве П.А. Толстого, царского приближенного и родственника гетмана (младшая дочь гетмана была замужем за сыном Толстого)⁷. Скоропадский с Меншиковым пришли к компромиссному соглашению, по которому решено было для прекращения споров просить «высокоповеренных лиц» о медиации и рассуждении по материалам дела и чертежу спорных земель, «которые земли, куда были во владении»⁸, гетман передумал и подал государю очередную челобитную [8. С. 232]. Лишь уход из жизни Скоропадского 3 июля 1722 г. позволил Меншикову вздохнуть свободней, поскольку влиятельный оппонент, главный «двигатель» процесса вышел из игры.

После смерти столь активного в Почепском деле гетмана для Меншикова актуализировались другие каналы влияния на происходящее на Украине. Князь начал активно вовлекать в процесс своих служащих, обретающихся

³ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1079.

⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 869. Л. 10.

⁵ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 869. Л. 19–25об.

⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 6–11; Д. 737. Л. 237.

⁷ Об отношениях Толстого и Скоропадского см.: [6. С. 420–421; 13. Р. 143].

⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 60. Л. 651–653об.

в Почепе. В фонде его личной канцелярии находятся комплексы писем и указов коменданту г. Почепа А.П. Гудовичу и служителю Г. Лукину, в которых поднимались вопросы, связанные с хозяйственными делами во владениях князя, межеванием и регулированием конфликтов с недовольными казаками⁹. Помимо чисто управленческих вопросов, Меншиков обращался к служащим за посредничеством в выстраивании отношений с наказным гетманом П.Л. Полуботком, глуховским комендантом Б.Г. Скорняковым-Писаревым, генеральным судьей И.Ф. Чернышом, генеральным писарем С.С. Савичем, генеральным бунчужным Я.Е. Лизогубом, а также с президентом Малороссийской коллегии С.Л. Вельяминовым и посланным в 1723 г. к проверке межевания полковником С.И. Давыдовым¹⁰.

Бесспорно, в столь важном деле Меншиков не мог полагаться исключительно на своих почепских «агентов»-служащих. Он сам бывал на Украине (1720 г.), лично поддерживал переписку с казацкой старшиной и членами Малороссийской коллегии, посылал туда новых «агентов», например в 1722 г. в Глухов с письмами и инструкциями от князя был отправлен полковник Л.Г. Ларионов. В целом Меншиков старался всячески обеспечить лояльность малороссийских должностных лиц и, как следствие, предотвратить их вмешательство в ход Почепского дела не на своей стороне. Кроме того, ему важно было прекратить дальнейшие казацкие выступления и критику в свой адрес, которые доставляли немало хлопот, и уж тем более не допустить новые поездки недовольных делегаций к царю. В любом случае Меншиков стремился, чтобы вести, приходящие из Малой России, не усиливали недовольство государя и позволили ему спокойно решить почепский конфликт в центре, в инстанциях, которые непосредственно вели по нему судопроизводство.

Насколько связи Меншикова и деятельность его украинских «агентов» были эффективны? В 1722 г. Ларионов послал Меншикову письмо с оценкой лояльности представителей казацкой старшины: «полковник Полуботок сказал, что он в самой истинне служить вашей светлости рад, а по всему видно, что одна ево политичная отговорка, и сяго я признал самую его к стороне вашей светлости незычливость. Судья Черныш всем сердцем служить вашей светлости желает, толко силы мало какой имеет, однако ж обещался вашей светлости служить широко, сколько возможно, и просил донести вашей высококняжеской светлости, чтоб ваша светлость изволили его содержать в высокой своей милости. Писарь генеральный Савич також верно служить вашей светлости обещался и письмо свое до вашей светлости мне вручил, которое посылаю з господином Веревкиным. Есаул Жураковский, как известно вашему светлейшеству, что он старой дурак, и говорить с ним было ничего невозможно. Только говорит, что де и так он много пострадал и писать ему ныне до вашей светлости нечего, а обещался писать впред, когда будет он при свидетелстве почепской межи, и словами я ему Жураковскому говорил, о котором ваша светлость известен, которые он слышать не хочет, из чего видно, что он от других наущен и утвержден. Валкович во всех силен, и слушают его. Брегадир Вельяминов и полковник Скорняков-Писарев вашей высококняжеской светлости как прежде служили, так и ныне служить обещались, и мне они помогали»¹¹. Во многом соображения Ларионова соответствовали правде — практически все из названных

⁹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 455, 467, 489об., 547об.; Д. 191. Л. 63–64, 117, 173; Д. 192. Л. 120.

¹⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 605об.–606об.; Д. 191. Л. 2об.–4.

¹¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1081. Л. 5–5об.

лиц в личных письмах обещали «служить» князю, но мало кто спешил переходить от общих обещаний к реальным действиям¹². Исключением являлось, пожалуй, межевание, выполненное Скорняковым-Писаревым, за которое межевальщик впоследствии жестоко поплатится [10. С. 201–202], да некоторые мероприятия, проведенные при помощи Малороссийской коллегии по задержанию и отправке к следствию некоторых казаков¹³.

В итоге устанавливаемые Меншиковым на Украине связи давали лишь относительный результат. Не желая вступать в открытый конфликт с могущественным князем и извлекая выгоду из его покровительства, представители казацкой верхушки информировали Меншикова о происходивших событиях, предпринимали действия, должно быть, отчасти сдерживавшие недовольство казаков, и тем самым помогали ему держать ситуацию под контролем. Однако малороссийским «агентам» Меншикова не удалось изменить главного — ни оказать давление на посланного для очередного межевания Почепца Давыдова, ни воспрепятствовать выражению казацкого недовольства. Принципиально на ход Почепского дела они не влияли. Тем более, что к рубежу 1722–1723 гг. все больше и больше значения приобретали те события, которые происходили в Санкт-Петербурге и Москве, где непосредственно разворачивался следственный процесс.

Второе направление интересов Меншикова распространялось на создание прочных связей или поддержание старых с представителями органов власти, к чьей компетенции относилось судопроизводство по Почепскому делу. Таковыми являлись Сенат и отчасти Иностранная коллегия, которая вела переписку с малороссийскими должностными лицами и в которую передавались грамоты и челобитные, полученные государем от казаков.

В известных нам источниках упоминаются лишь отдельные контакты Меншикова с должностными лицами Иностранной коллегии, осуществляемые через адъютанта С.Т. Нестерова. В конце августа 1720 г. в Санкт-Петербург прибыл генеральный есаул П.В. Валкевич, который передал Петру письмо Скоропадского и челобитную от казаков Стародубского полка. Оба документа без прочтения были отданы государем Г.И. Головкину в Иностранную коллегию, куда несколькими днями ранее Нестеров по приказу князя передал копии с писем Протасьева, доношение и челобитье за рукой Меншикова¹⁴. О судьбе документов из Малой России Нестеров сообщал: «а сего числа в Коллегии иностранной спрашивал я Василья Степанова¹⁵, и он сказал, что распечатал писма он, а не чтены, и отданы для переводу. А как переведены будут, обещали дать копию. И как скоро получу копию, того часу к вашей светлости пришлю с нарочным куриэром»¹⁶. В дальнейшем среди материалов корреспонденции, поступавшей от Нестерова, какой-либо копии гетманского письма мы не находим. Известно только упоминание о переводе гетманской грамоты, имевшемся у Толстого, содержанием которого последний любезно

¹² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 443. Л. 1–2об.; Д. 1081. Л. 1–5, 11–12; Д. 1103. Л. 22; Д. 1109. Л. 8.

¹³ Например, по указу государя от 31 декабря 1720 г. были приведены к допросу и высланы в Москву генеральный писарь С.С. Савич, П.В. Валкевич, стародубцы-жители А.Ф. Покорский и Г.Д. Скорупа. См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 31. Л. 2–7. Примерно та же участь ждала казака И.И. Губчика, называвшегося в обход мнения Меншикова почепским сотником и выступившего против межевания князя. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1081. Л. 8–12.

¹⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 46–46об.

¹⁵ В.С. Степанов, секретарь Иностранной коллегии.

¹⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 44–44об.

поделился с кабинет-секретарем А.В. Макаровым, а тот, должно быть, сообщил Меншикову¹⁷.

От имени Меншикова Нестеров обращался к вице-канцлеру П.П. Шафирову. Шафиров, по словам адъютанта, обещал «служить яко благодетель»¹⁸, однако какой была его реальная помощь и насколько она была эффективной, по источникам не прослеживается. Тем более, что параллельно к Шафирову писал гетман Скоропадский, пытаясь добиться справедливого межевания [6. С. 419]. Впоследствии негативное отношение вице-канцлера к земельным захватам Меншикова проявилось в ходе произошедшего в 1723 г. в Сенате конфликта между обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым и Шафировым, среди материалов которого сохранились довольно резкие высказывания¹⁹ последнего как о роли брата обер-прокурора в межевании почепских земель, так и в принципе о злоупотреблениях князя²⁰.

Сведения о деятельности Сената, к чьей юрисдикции относилось делопроизводство по Почепскому делу, Меншиков получал через своих информантов разного ранга. Так, князя связывали продолжительные деловые и личные отношения с генерал-прокурором Сената П.И. Ягужинским. Ягужинский летом 1722 г. сообщал Меншикову о настроениях в Сенате, отмечая, что «в Сенате по-старому крикливо да неспорно в делах продолжаетца»²¹, а затем доносил о назначении для свидетельствования межи подполковника Давыдова и освобождении из-под стражи задержанных в ходе следствия казаков²². Кроме того, генерал-прокурор по просьбе Меншикова должен был отправить выписки о Почепском деле по коллегиям и затребовать оттуда мнения²³. Сведения Ягужинского подтверждал и обер-секретарь Сената И.Д. Поздняков, который вдобавок посылал Меншикову копии с указов царя, материалы допроса Губчича²⁴.

По указу Петра в начале 1723 г. для расследования Почепского дела на Генеральном дворе в Преображенском была собрана следственная комиссия, состоящая из Я.В. Брюса, И.А. Мусина-Пушкина, А.А. Матвеева, Г.М. Головина, И.И. Дмитриева-Мамонова, И. Волкова, С.А. Блеклого (впоследствии к ним добавились И.И. Бутурлин, А.П. Баскаков, А.Ф. Бредихин). Уже 5 февраля комиссия направила Меншикову пункты, на которые ему полагалось пространно ответить²⁵. С этого момента началась активная переписка князя с Генеральным двором, благодаря которой Меншиков смог контролировать ситуацию, улавливать настроения, царившие среди судей, отчасти следить за ходом их мыслей²⁶. В свою очередь, понимание того, о чем ведутся разговоры на Генеральном дворе, способствовало своевременной реакции Александра Даниловича на ситуацию как, например, в случае, когда 10 февраля 1723 г., не дождавшись

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Д. 64. Л. 100.

¹⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 44об.

¹⁹ Это судебное дело дало основания некоторым исследователям заключить, что «Шафиров и Меншиков были тайные враги и искали гибели один другого». См.: *Иванов П.И.* Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. С. 3.

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 22–23.

²¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1073. Л. 42об.

²² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1073. Л. 43–43об.

²³ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 291–291; Д. 1073. Л. 43–43об.

²⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 469. Л. 132–132об.

²⁵ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 2–3об.

²⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 90–97об.; Д. 199.

окончательного вердикта судей, ему удалось подать государю челобитную с признанием всех вин и просьбами о милосердии²⁷.

Важно отметить, что и Сенат, и следственная комиссия на Генеральном дворе оттягивали какие-либо кардинальные действия по Почепскому делу. Еще в 1721 г. Меншиков жаловался Петру, Екатерине и Макарову, что дело уже четвертый год не может прийти к развязке²⁸. А в марте 1723 г. он делился с В.И. Монсом своими опасениями по поводу работы следственной комиссии: «хотя оное дело Его императорское величество указал решить в Москве, но за безчастием моим того и по се число не учинено и уповав, что оное, не решив, возмется в Санкт-Питербурх»²⁹. Зачем судьи, державшие в своих руках судьбу царского фаворита, затягивали дело, а не заканчивали его в кратчайшие сроки, как это было ранее в случае с разбирательствами по процессу Шафирова и Скорнякова-Писарева? Должно быть, они, понимая статус и влияние Меншикова, ждали окончательного вердикта от государя, который все не решался распрощаться с бывшим любимцем навсегда. Не зная реальных настроений Петра, требовать жестких мер для Меншикова было бы крайне смело и отчасти безрассудно, поскольку шанс, что князь сможет и на сей раз сохранить фавор, всегда оставался.

Говоря о контактах Меншикова с Сенатом, нельзя не учитывать его личные, в том числе приятельские отношения с некоторыми сенаторами. По старой дружбе князь обращался за помощью к адмиралу Ф.М. Апраксину. 23 марта 1721 г. он просил для межевания почепских земель отправить глуховскому коменданту полковнику Б.Г. Скорнякову-Писареву двух искусных учеников из Академии³⁰. Более того, как отмечает Павленко, Меншиков хлопотал перед Апраксиным за дьяка Лосева, который должен был прибыть в Санкт-Петербург, и убеждал адмирала «“напрасным клеветам” челобитчиков не верить» [8. С. 229—230]. Однако в других известных нам письмах Апраксина, как и в посланиях Меншикова к нему, кроме общих намеков на существование «нужного дела»³¹, никаких сведений о попытках адмирала повлиять на ход разбирательств не обнаруживается, хотя, конечно, он вполне мог себе это позволить.

Князь также надеялся найти союзника в лице другого сенатора — П.А. Толстого. К Толстому Меншиков подступался несколькими путями: самостоятельно, через своего адъютанта Нестерова и кабинет-секретаря Макарова. В 1720 г. Макаров в приписке к письму Меншикову сообщал о состоявшемся между ним и Толстым разговоре относительно казачьих жалоб на почепское межевание. Петр Андреевич несколькими днями ранее показал Макарову перевод гетманского письма, где говорилось о злоупотреблениях князя и принуждении почепских обывателей сказать неправду. Кабинет-секретарь докладывал, что «по многих разговорах напоследок сказал я ему, чтобы лутче то дело до возвращения вашей светлости оставил в покое, и как мочно приметил, что господин гетман и старшина недовольны тем, что ваша светлость доброй порядок учили о квартирах и облегчили бедных, что старшине гораздо неприятно и для того, конечно, чаю, плевелы разсевают»³². Подобную же мысль об отсрочке

²⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 199. Л. 14—15.

²⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 47—48, 60—62об.

²⁹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 106—107.

³⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 163. Л. 142.

³¹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 56—56об.

³² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 237.

разбирательств до возвращения Меншикова, исходившую уже от самого Толстого, передавал князю месяцем позже Нестеров. Адъютант, кроме того, привез Толстому письмо от князя, копии с писем Протасьева, а также имел с ним разговор об обстоятельствах визита Валкевича³³. Петр Андреевич в свою очередь, старался Меншикова успокоить. В письме от 23 апреля 1721 г. он утешал князя, призывая набраться терпения и верить в лучшее, правда, умалчивая о каких-либо предпринимаемых мерах³⁴.

В целом Меншиков был крайне заинтересован в поиске поддержки среди близких к Петру государственных деятелей, многие из которых к разбирательствам по Почепскому делу не имели прямого отношения. Князь потратил на это немало усилий, поскольку, несмотря на то что с формальной точки зрения конфликт вокруг почепского межевания должен был разбирать Сенат, последнее слово всегда оставалось за государем и, соответственно, его взгляд на события признавался единственно правильным. Меншиков, хорошо знакомый с законами придворной политической игры, не мог не понимать, что его успех или провал в Почепском деле напрямую зависел от того, что думал по этому поводу Петр. Поэтому вполне логично, что князь делал все от него зависящее, чтобы убедить государя в своей невинности или, как минимум, отговорить его идти на крайние меры.

Важным преимуществом Меншикова являлось то, что он имел возможность писать Петру напрямую. К 20-м годам XVIII в., как отмечается в научной литературе, близкие отношения между князем и государем изменились, в том числе и из-за обвинений Меншикова в злоупотреблениях и взятках, обмен корреспонденцией между ними стал менее теплым и интенсивным [8. С. 239–242, 312; 11. С. 197, 199, 201]. Тем не менее, согласно материалам Кабинета, Александр Данилович продолжал партикулярно информировать государя как о важных государственных делах (строительстве и благоустройстве Санкт-Петербурга, делах Военной коллегии, результатах собственных миссий и т.д.), так и о личных вопросах, касающихся повседневной жизни царской семьи, времяпрепровождения, планов на ближайшее время, поздравлял с праздниками и знаменательными датами, просил сообщать о личном настрое, беспокоился о состоянии здоровья, а Петр реже, но тоже радовал князя ответными письмами³⁵.

В 1720–1723 гг. среди корреспонденции, отправленной Меншиковым в личную канцелярию государя, встречаются послания о почепском межевании. В основном князь просил об учинении справедливого решения или помощи в процессуальных вопросах. Так, в 1721 г. Меншиков в серии писем безуспешно пытался добиться от государя удержания в столице до окончания межевания Скорняковым-Писаревым челобитчиков во главе с казаком Симантовским, которые «неправедно, как вышеписано, бьют челом и многих к тому челобитью силно принуждали подписыватца, а иных, которые не хотели подписыватца, держали в тюрьме и некоторые явились здесь ис тюрьмы беглые»³⁶. Кроме того, он обращался к Петру с целью получить указ о рассмотрении дела в Сенате по уже имеющимся межевым книгам³⁷.

³³ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 40–41об.

³⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 963. Л. 174.

³⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 41, 47; Оп. 4. Отд. II. Д. 56, 63 и др.

³⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 67.

³⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 47–48, 66–68.

Нельзя сказать, что Меншиков докучал Петру ежедневными посланиями — писем к государю в разы меньше, чем к некоторым другим корреспондентам. С большей энергией Меншиков пытался заручиться поддержкой близких к государю лиц. Среди тех, чье заступничество якобы способствовало облегчению участи князя, исследователи называют камергера императрицы В.И. Монса, его сестру М.И. Балк, генерал-полицмейстера А.М. Девиера, но, прежде всего, кабинет-секретаря А.В. Макарова и государыню Екатерину Алексеевну [2. С. 97; 8. С. 232, 234; 11. С. 770; 12. 225—226].

Как известно, и с Екатериной, и с Макаровым Меншикова связывали давние отношения. Исследователи подчеркивают, что Екатерина во многом была обязана князю своим знакомством с Петром, возвышением и положением в обществе, также как и Макаров, который сделал успешную карьеру от простого подьячего до руководителя Кабинета не без помощи князя, в чьей Ижорской канцелярии он какое-то время служил [3. С. 88—89; 8. С. 222—223, 312; 9. С. 234—235; 11. С. 191]. Согласно материалам фондов, где отложились комплексы входящей/исходящей корреспонденции Александра Даниловича, Меншиков регулярно обменивался с обоими сообщениями о государственных делах, важных военных и политических событиях, интересовался благополучием семей, обращался за помощью и пособничеством, в нужных ситуациях помогал сам, поздравлял с праздниками и спрашивал о здоровье³⁸. Таким образом, их связывали не только деловые, взаимовыгодные отношения, но и личные, товарищеские. Поэтому и Екатерина, и Макаров выглядели в глазах Меншикова достаточно надежными союзниками в Почепском деле, тем более что они оба пользовались доверием Петра в большей степени, чем кто-либо.

Первые отмеченные мною обращения Меншикова к Екатерине о почепских событиях относятся ко времени приезда казацкой делегации во главе с Валкевичем в 1720 г. Начиная с этого момента, суть просьб Меншикова, направленных к государыне, практически не менялась на протяжении нескольких лет. Роль Екатерины в делах князя сводилась к заступничеству перед Петром и пособничеству в принятии резолюции, милостивой по отношению к нему. Например, отправляя Петру в 1721 г. обозначенную выше просьбу о задержании неправых челобитчиков, Меншиков продублировал ее в личном письме к Екатерине, отметив, «чтоб о том он, Его царское величество, чрез ваше величество милостивую Государыню мать предстательство изволил милостивой указ в Сенат прислать о том, чтоб их здешних на меня челобитчиков отсюды не отпускать»³⁹.

Роль Макарова представляется несколько сложнее. Во-первых, как показывают материалы переписки между Меншиковым и Макаровым, кабинет-секретарь, начиная с 1720 г., был детально осведомлен о ходе Почепского дела, в том числе от самого князя, и регулярно докладывал Петру полученную информацию. Меншиков из года в год просил Макарова «дабы о том при случае, ежели случай позволит, изволили вы донести и их величествам, в чем я на вашу светлость благонадежен есмь»⁴⁰ или «милостивую резолюцию получить»⁴¹. На что, как правило, получал подобный ответ: «на прошлой почте доносил я, что письма вашей светлости чрез пажа Дурнова до его царского величества

³⁸ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 27; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737 и др.

³⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 63—64.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 47. Л. 158—158об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 57—57об.

исправно дошли, и по содержанию оных о почепском деле как его величество, так и ее величество государыня царица известны»⁴².

Во-вторых, Макаров сам информировал князя о происходившем на Генеральном дворе, упоминал о настроениях государя относительно Почепского дела, выступал посредником в отношениях с другими действующими лицами, например с Толстым или Екатериной, которым он также должен был передавать сведения от Меншикова и просить о протекции перед Петром⁴³. При этом стоит поспорить с Н. И. Павленко, утверждавшим, что Макаров «слепо верил в безгрешность» Меншикова [8. С. 312, 314]. Напротив, кабинет-секретарь проявлял инициативу: зная вспыльчивый характер монарха, он мог отложить разговор с Петром до нужного времени, давал советы о том, как стоит лучше поступить, какие сведения необходимо донести до государя⁴⁴. Справедливо полагать, что Макаров действительно помогал князю не только словом, но и делом, однако вряд ли готов был рискнуть за него своей головой.

Меншиков, в свою очередь, тоже предпочитал подстраховаться. Он активно использовал еще один канал связи с Екатериной и Макаровым — через вмешательство в дело близких к ним государственных деятелей. Так, в 1721 г. князь писал к И. М. Головину, чтобы последний смог «с ним господином Макаровым согласясь о том моем деле, их величеству доложить и исходатайствовать надлежащей решительной окончительной указ»⁴⁵. А Толстой в том же году в письме к Меншикову отмечал, что Макаров, с которым Петр Андреевич имел многие разговоры о делах князя, «вашей светлости добрый приятель»⁴⁶.

По мере затягивания Почепского дела круг лиц, к которым обращался Меншиков, постепенно расширялся. Наличие дополнительных каналов влияния стало особенно актуально для него в конце 1722 — середине 1723 гг. Павленко отмечает, что в это время «Меншиков, видимо, полагая, что личное влияние на императрицу в почепском деле он исчерпал полностью, стал обращаться к другим лицам, чтобы те хлопотали за него» [8. С. 232]. Однако каких-либо конкретных доказательств к подобному суждению историк не приводит. На мой взгляд, Меншиков, ожидая вердикта государя после своего покаянного челобитья, хотел, скорее, усилить давление на способных что-то изменить Екатерину и Макарова, о котором Павленко благополучно забывает, нежели совсем разочаровался в силе своего убеждения. Он искал новые ресурсы при сохранении старых и проверенных.

Как раз 29 марта 1723 г. Меншиков отправил в Санкт-Петербург пажа Дурнова (Дурново) с пакетом писем и следующими указаниями: «1. прибыв в Санкт Питербурх посланные с тобою писма всемилостивейшей Государыни императрицы и протчим персонам роздать по подписем. 2. По вся дни ходить к господину кабинет секретарю Макарову и оного просить, чтоб по почепскому делу выписку сочинил и по оной доложил бы Его императорскому величеству до праздника Светлого Христова Воскресения. 3. Монса непрестанно просить, чтоб просил⁴⁷ посланного нашего писма доложил всемилостивейшей Государыни императрице. 4. Господ генерала полицеймейстера Девизера и обер-секретаря

⁴² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 253–253об.

⁴³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 56. Л. 9–9об., 61–62об.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 237, 304–304об и др.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 251–253.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 163. Л. 283–283об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 963. Л. 174.

⁴⁷ Так в рукописи. Возможно, должно быть «против».

Волкова, и прокурора Пашкова, и капитана Мишукова по вся дни просить, чтоб они ему господину кабинет секретарю Макарову о сочинении выписки памяти вали и о решении одного дела, чтоб по оному доложил Его императорскому величеству до Светлой недели, просили. 5. Когда Его императорское величество оное дело решить изволит, тогда, взяв от него господина кабинет секретаря Макарова письмо, ехать к нам на встречу немедленно в Москве»⁴⁸.

Как видим, письма к государыне и кабинет-секретарю дополнялись письмами к камергеру Екатерины В.И. Монсу, генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга А.М. Девиеру, капитану З.Д. Мишукову, обер-секретарю А.Я. Волкову и прокурору Военной коллегии Е.И. Пашкову. Их содержание было идентично — Меншиков просил припоминать Екатерине и Макарову о необходимости вынесения вердикта по Почепскому делу⁴⁹. Более того, письма, переданные с Дурново, не были единичными. Всем корреспондентам князь писал несколько раз, описывая ход Почепского разбирательства, собственные действия и чаяния⁵⁰. Должно быть, Меншиков предполагал, что все сведения, так или иначе, дойдут до государя, причем в выгодном ему изложении.

Перечисленные выше персоны были выбраны Меншиковым отнюдь не случайно. С одной стороны, и Мишуков, и Волков, и Пашков, и, уж тем более, Девиер с Монсом входили в ближнее окружение государя, имели возможность прямого доступа к государыне и кабинет-секретарю, контактировали с ними и, должно быть, пользовались их доверием. Соответственно, они могли не только передать информацию, но и замолвить слово, которое потенциально будет услышано и в какой-то степени принято ко вниманию. С другой стороны, все они являлись постоянными корреспондентами князя, сотрудничали с ним в рамках служебных обязанностей, обменивались взаимными услугами, а некоторые — Мишуков и Девиер — и вовсе были его родственниками. Поэтому неудивительно, что Меншиков, помня о былой взаимопомощи, втягивал всех пятерых в свои весьма щекотливые дела. Корреспонденты⁵¹, надо отдать им должное, старались оправдать ожидания: в ответ на просьбы князя они обещали выполнить все, что от них требуется, сообщали князю детали разговоров с Екатериной и Макаровым⁵². При этом большего они тоже не предлагали. Не отрицая наличия у них искреннего желания помочь, отмечу, что им, как минимум, было выгодно поддерживать дружественные отношения с Меншиковым, даже несмотря на его крайне шаткое положение, ведь в любой момент Петр мог даровать прощение, и прежнее княжеское влияние восстановилось бы.

Итак, в чем заключалась сила князя в Почепском деле? Прежде всего, это его личные и деловые связи, которые он целенаправленно выстраивал, поддерживал и при возможности расширял. Условно связи создавались Меншиковым в трех направлениях: они включали в себя местную политическую элиту Малой России, использовавшуюся для воздействия на недовольных казаков и подтверждения нужного для князя межевания; должностных лиц Сената и Иностранной коллегии, позволявших Меншикову контролировать

⁴⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 129об-130.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 126–127.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 73, 105–107, 124–124об., 132–132об, 168–168об.

⁵¹ Комплекса писем З.Д. Мишукова к Меншикову мною обнаружено не было, также и среди корреспонденции Е.И. Пашкова писем, касающихся Почепского дела, не сохранилось. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 836.

⁵² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 469. Л. 148–150; Д. 557. Л. 257–258об, 264–266; Д. 774. Л. 5–6об.

деятельность этих органов; а также близких к трону могущественных личностей, способных повлиять на мнение государя. Связи Меншикова были многочисленными, устойчивыми во времени, основанными как на личных симпатиях, так и на взаимной выгоде, поэтому они вкупе с материальными ресурсами, доверием государя и заработанным авторитетом позволяли ему вести сложные политические интриги.

Как показывают источники, какие-то из этих связей были более эффективны, какие-то менее. Так, наибольшую пользу Меншикову приносили Макаров и Екатерина, близкие к Петру и предпринимавшие реальные шаги для защиты князя. Пассивную помощь оказывали члены Сената и следственной комиссии на Генеральном дворе, открыто демонстрируя отсутствие рвения в решении конфликта и затягивая ход дела. Большинство же «агентов» ограничивались тем, что щедро информировали Меншикова или же, как отдельные представители малороссийской верхушки, исключительно расточали лояльности, но не спешили реализовывать их на практике. Тем не менее все связи Меншикова работали на один единственный результат — спасти его от полного краха. В итоге так и получилось, князь вышел из дела с наименьшими потерями, которые в данном случае могли бы быть: Петр лишил его поста президента Военной коллегии, заставил вернуть захваченные у казаков земли и оброчные деньги⁵³.

Таким образом, Почепское дело наглядно показывает, что авторитет Меншикова строился не только на одних дружеских чувствах и доверии к нему Петра. Это была вершина айсберга, под которой находилась основа в виде взаимовыгодных связей и/или дружеских отношений с представителями политической элиты. К тому же Меншиков обладал очень важной для государственного деятеля способностью этими связями пользоваться и привлекать к помощи нужных людей в нужное время. Он умел найти компромисс, подольстить, подобрать индивидуальный подход к той или иной персоне, особенно когда дело касалось его собственной выгоды. Связи Меншикова хоть и представляли собой достаточно хрупкую конструкцию, способную в любой момент рухнуть, но все же защищали его от падения в течение петровского и екатерининского правлений.

В приложении публикуются оригинальные письма, отпуски писем и цедули из входящей/исходящей корреспонденции А.Д. Меншикова. Издание осуществлено по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Приложение

№ 1

1720 г. сентября 2. Письмо С.В. Нестерова к А.Д. Меншикову

(Л. 40) Светлейший князь, премилостивейший государь

Всепокорнейше вашей высококняжеской светлости премилостивейшему государю рабски доношу, светлейшая княжна, премилостивейшая моя государыня Екатерина Александровна в добром здравии, тако ж и в доме вашей светлости здесь все благополучно, милостивейшее вашей светлости писание чрез господина Полоченинова со всепокорнейшим моим должнейшим рабским респектом я получил, при котором и копии с письма гетманского и с писем

⁵³ В декабре 1725 г., уже после смерти Петра, Меншиков добился от Екатерины именного указа о своей полной реабилитации по всем возбужденным уголовным делам, в том числе и по Почепскому [10. С. 202].

Протасьева, что он писал сюды к Петру Андреевичу Толстому и к Петру Павловичу Шафирову, и при отдании их сиятельствам з господином (Л. 40об) Полчениновым письма вашей светлости тако ж и господина Протасьева я был. На которые Петр Андреевич изволил сказать, что уже твердо то положил до прибытия вашей светлости сюды ничево не производить, тако ж и Петр Павлович обещает вашей светлости служить яко благодетель. Валкевич сюды прибыл прошедшаго августа в 30 день и с ним 6 человек казаков, и я ево видел в Коллегии иностранных дел, от гетмана грамоту во оную каллегию подал, которую я читал, а касающагося к межевому почепскому делу (Л. 41) в той грамоте ничево нет, а писано в ответ на вопросы оной коллегии о других делах. А сказывал нам Петр Андреевич, что оной Валкевич у ево сиятельства вчерашняго числа был и просил о представлении себя царскому величеству, но в том ево сиятельство изволил от нево отрещися, понеже де меня и самого в дом царского величества бес притчины не пускают. Но оный Валкевич ево сиятельству при том же объявил, что он грамоты в Коллегию иностранную о межевом почепском деле не имеет, а имеет только от господина гетмана (Л. 41об) партикулярное письмо до ц[а]рского величества тако ж и челобитную стародубского полку от обывателей на межевое почепское дело за печатью гетманскою, и говорил оной Валкевич, что подаст на дороге, когда царское величество поидет к обедни к Троице, но ево сиятельство в том ему не воспретил, токмо сказал в ево волю, как хочет⁵⁴, ныне я буду искать способа чрез других, чтоб Валкевичу показали указ тот, как запрещено царскому величеству на дороге никому ни с какими письмами не приходить и ни о чем не доносить, и что в том указе (Л. 42) написано пушай он посмотрит, чаю раздумает по намерению своему то чинить. Тако ж государь и покажу ему копию, что Протасьев писал о Жураковском к вашей светлости, как оной публично говорил пред гетманом, и что потом будет здесь чинитца, о том впредь до вашей высококняжеской светлости о всем обстоятельно доносить всепокорнейше буду. Князь Александр Андреевич Черкасской в Москву поехал, о чем в прошедшей почте вашей высококняжеской светлости я доносил, а после отезду ево царское величество изволил (Л. 42об) быть в Адмирательской каллегии, и в то время ево сиятельство адмирал докладывал об отпуске в Москву морских афицеров и протчих служителей. И на то его величество изволил приказать, чтоб отнюдь никою в Москву не отпускать, а которые и отпущены возвратить сюда немедленно, и того ради послан указ до Москвы и которых отпущенных афицеров и служителии морских тот указ найдет на дороге, чтоб оные возвращались в Санктпитебурх, и по тому указу, надеюсь, и князь Александр Андреевич возвратитца сюда, не доехав и до Нова Города. (Л. 43) Дьяк Иван Лосев сюда еще не бывал.

Вашей высококняжеской светлости премилостивейшаго государя всепокорнейший раб Степан Нестеров⁵⁵

С.Р. сентябрь 2 день 1720 год

На л. 43 помета: получено 26 сентября в Питербурге.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 804. Л. 40–43. Подлинник.

⁵⁴ Стоит отметить, что в биографии А.Д. Меншикова, написанной Н.И. Павленко, подобные слова Нестерова ошибочно связываются с Ф.М. Апраксиным [8. С. 229].

⁵⁵ Написано Нестеровым собственноручно.

№ 2

1721 г. апрель 17. Письмо А.Д. Меншикова к Петру I

(Л. 47) Всемиловейший государь.

О чем я в бытность вашего величества здесь просил милосердия на неправо челообитие казака Симонтовского с товарищи, будто один дьяк межевал почепскую землю и неправо, в чем он ваше величество оболгал, и ваше величество, якобы истинному тому челообитию поверя, изволили прислать в Сенат указ, чтоб для того межеванья послать из Сенату российский одного, а другого придав от гетмана, и чтоб учинили самую правду под жестоким наказанием из сылкою. А понеже при том межеванье было по моему прошению к вашему царскому величеству. И по вашей царского величества грамоте ис Посолской канцелярии (Л. 47об) гетманских камисаров 4 человека, в том числе генеральной асаул обозной, канцелярист и знатной первой товарищ, да российских камисаров 8 человек, притом же было для свидетельства тамошних обывателей с 300 человек, и где между вели, тако ж где споры были, и оные споры заруча все, тое между и чинили, о чем книги за их всех камисаров и свидетелевыми руками о всем, как то межевое дело было чинено, привезено сюды в Посолскую канцелярию, а ныне оные книги в Сенате. Того ради всенижайше вашего величества прошу, да изволите повелеть присланных сюды неправых челообитчиков допросить, и указать той меже (Л. 48) быть так, как помянутые зарученные межевые книги учинены, ибо уже, как мое прошение вашему величеству было подано в Ревеле, тому четвертой год, и по се время то дело во окончание не может прийти, и о том да изволите повелеть милостивой указ в Сенат прислать, чтоб по моему прошению по тем книгам учиня рассмотрение, учинили решение помянутым их всех камисаров и свидетелевым руками межевым книгам, а не одного дьяка Лосева межеваню, и то их челообитчиков неправо челообите отставить.

Вашего величества всенижайший раб.

*Александр Меншиков*⁵⁶

Санктпитебурх

Апреля 17 дня 1721 году

РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. 2. Д. 56. Л. 47–48. Подлинник.

№ 3

1721 г. апреля 23. Письмо П.А. Толстого к А.Д. Меншикову

(Л. 174) Светлейший князь, мой особливой милостивой благодетель.

Два писма вашей светлости я здесь в Риге получил, и на первое тогда ж з благодарением ответствовал, но из другога выразумел, что помянутое мое до вашей светлости не достигло, того ради сим моим покорно отвечаю, что я о делах мне от вашей светлости приказанных по моей возможности стараюсь, о чем з господином кабинет секретарем Макаровым неоднократно говорил, которой есть вашей светлости доброй приятель, и прошу вас, мой государь,

⁵⁶ Автограф А.Д. Меншикова.

употребить на несколько времени терпения, а я уповаю, что со временем все изправится в вашу ползу, за сим з достойным респектом пребываю.

Вашей светлости покорный слуга.

*Петр Толстой*⁵⁷

Из Риги апреля

23 дня 1721

На л. 174 помета: подано в 28 день апреля.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 963. Л. 174. Подлинник.

№ 4

1721 г. апреля 26. Письмо А.В. Макарова к А.Д. Меншикову (собственноручное)

(Л. 251) Светлейший князь, мой милостивой государь

Вашей светлости писма чрез пажа Дурнова исправно получены, и по содержанию силы почепского дела Его царское величество, так же и ее величество Государыня царица известны, и как скоро на оное получу решение, то оной посланной отпущен будет немедленно.

А что ваша светлость изволите⁵⁸ (Л. 251 об) упоминать, дабы я в запас о том же деле писменное доношение послал в Сенат, и сие я за волю вашей светлости готов исполнить, толко разсуждаю сие быти неважно, ибо лутче, как точной указ от самого его величества будет прислан, о чем и ее величество Государыня царица милостиво изволила его величеству упоминать. (Л. 252) Покорно благодарствую вашей светлости моему милостивому государю, что изволили посетить мои домишка и рабятки моих.

В протчем и остаюся вашей светлости моего милостиваго государя покорный слуга и раб

Алексей Макаров

Из Риги в 26 день апреля 1721 году

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 737. Л. 251–252. Подлинник.

№ 5

1721 г. мая 1. Письмо А.Д. Меншикова к Екатерине

(Л. 60) Всемилоостивейшая Государыня царица.

На сей ординарной почте вашему величеству всемилоостивейшей Государыне матке всенижайше доношу, что здесь при помощи Божии все благополучно, а особливо их высочества Государыни царевны ваших величеств дражайшие дети и внучата во всецелом и добром здравии обретаются. Всенижайше ваше величество всемилоостивейшую Государыню мою мать прошу, о милостивом

⁵⁷ Автограф П.А. Толстого.

⁵⁸ В рукописи повтор слова.

матернем предстательстве за меня Его царскому величеству, дабы по моему почепскому делу учинен был решительной указ, ибо чрез четыре года по моему прошению не может во окончание прийти, о чем я пространно писал к Макарову, чтоб вашему величеству благовременно донес, в чем во всей моей рабской на ваше величество надежде о том милостивом матернем защищении, себя вручив, и притом (Л. 60об) при отдании моего и жены моей, и детей, и своячинцы всенижайшаго рабского поклона остаюсь

Вашего величества всенижайший раб.

*Александр Меншиков*⁵⁹

Из Санктпитебурха

Маия 1 дня 1721 году

На л. 60 помета: Нум. 14.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. 2. Д. 56. Л. 60–60об. Подлинник.

№ 6

1722 г. июль 2. Отпуск письма А.Д. Меншикова к П.И. Ягушинскому

(Л. 291) Того ж числа к генералу прокурору Ягушинскому

Вашего превосходительства приятнейшия писание, писанное в Москве минувшаго июня 18, мы исправно получили 27 числа, за которое, а особливо за уведомление о тамошних обращениях, вашему превосходительству по премному благодарствуем, прося дабы и впредь оным (Л. 291об) оставлены мы не были, объявляем вашему превосходительству, минувшие торжественные дни, а имянно 1е коронование его императорского величества, 2 воспоминание полтавской баталии, 3 тезоименитство его им[ператорского] в[еличества] здесь провождены благополучно, в которые при поблагодарных молебнах была пушечная стрельба, и потом довольно веселились, которыми торжественными днями ваше си[ятельство] поздравляем, желая оное препроводив много таких торжеств благополучно достигнуть, не мог и сего оставить, чтоб вашему превосходительству не объявить, что минувшаго июня 27, то есть в день воспоминания Палтавской баталии, был здесь великой гром и дождь, от которого грому адмиралтейские часы и на часах шпиль повредило, при сем прилагаем с патенту данного над строением директору Уляну Синявину копию и просим, изволте приказать в колегиях и где надлежит (Л. 292) о том публиковать, в надежде вашего превосходительства ко мне приязни и склонности прошу да изволите приказать выписки о почепском межевании и о казаках по калегиям розослать и приказать, дабы под оными каждой свое мнение подписали и о том нас уведомить, в чем мы на ваше превосходительство есмь благонадежны и остаюсь

На л. 292 помета: Такой дубликат послан июля 2 дня.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 180. Л. 291–292. Отпуск с дубликата.

⁵⁹ Автограф А.Д. Меншикова.

№ 7

1723 г. март 29. Отпуск письма и цедула А.Д. Меншикова к А.М. Девиеру

(Л. 126) К брегадиру Девиеру.

Вашей милости писание писанное сего ноября от 18 мы исправно получили 26 числа, за которое вашей милости благодарствуем, прося дабы и впред оным оставлены мы не были, присем же вашу милость поздравляем. Первое грядущим праздником недели Вайи, желая дабы вашу милость со всею вашею фамилиею восподобил Вышний оной препроводить благополучно и тридневного Христова Воскресения шастливо достигнуть. Второе крещением сына вашего, дай Боже вам оногo возрастить и сыны сынов его узреть. Присем же вашей милости объявляю, сего числа отправляем мы в Санкт Питер бурх пажа нашего Дурного с прошением о решении почепского дела, о чем и вашу милость просим, да изволите вы во благополучное время доложить всемилостивейшей нашей Государыни императрице, дабы по милостивому ея величества представству оное дело решить по гражданским правам до Светлой недели.

(Л. 126об) В цыдуле. Понеже гетман Скоропадской в данном своем на казаков уневерсале написал в начале, что оных казаков отдал мне под протекцию, по чему разумеется, что оные отданы мне под охранение, а внизу написал, чтоб оные казаки были под моим владением обще с посполитыми людми, и сие разумеется, что оные казаки как и подданные отданы мне во владение и оброки с них збирать как и с продчих подданных можно, о чем и его императорское величество на Генералном дворе изволил разсуждать против вышеписанного двояко, точию в том моя вина, что не имел жалованной грамоты, того ради вашу милость просим о том донести всемилостивейшей Государыне императрице, дабы по милостивому ея величества представству те зборы с казаков денег спрашивать с меня было не велено. Буде же сего учинить невозможно, то б повелено было взять с меня из собранной с них суммы, что по ведомости моей явитца, половину, тако ж и господина (Л. 127) кабинет секретаря Макарова изволте попросить, дабы о том включил в выписку и вовремя доклад его императорскому величеству донес подлинно, о чем и его величество изволил припамятовать, о чем я писал и к нему господину кабинет секретарю Макарову, и что о том будет чинитца, просим нас безизвестных не оставить.

На л. 127 помета: Таковы ж посланы: к Монсу, к Мишукову и обер секретарю Волкову, к прокурору Пашкову.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 191. Л. 126–127. Отпуск с подлинника.

№ 8

1723 г. апрель 17. Письмо А.Я. Волкова к А.Д. Меншикову (собственноручное)

(Л. 148) Светлейший князь, милостивый государь мой, патрон

Вашей светлости милостивое писание от 8 дня настоящего апреля из Москвы писанное получил я вчерашняго дня, за которое, а особливо, что по пре-высокой вашей милости в доме вашей светлости мне квартиру иметь и буер пожаловать повелели, вашей светлости моему милостивому государю всенижайшее приношу благодарение и притом доношу, что здесь за помощь (Л. 148об) Божию во всем благополучно, в прочем от всего сердца желаю, да сподобит

нас Всевышний вашу светлость купно со всею вашею княжескою фамилиею здесь вскоре и благополучно видеть, и при отдании моего всенижайшего поклона светлейшей княгине милостивой государыне моей матери и их светлостям дражайшим детям вашим и государоне моей Варваре Михайловне остаюсь з достодолжным почтением

Вашей светлости моего милостиваго государя всенижайший слуга.

А. Волков

Из Санктпитебурха

Апреля 17 дня 1723 году

(Л. 149) По полученной от вашей светлости цыдули о деле почепском за ностоящим признаком ее величеству государыне императрице докладывать еще не получил, а с Олексеем Васильевичем говорил, которой упросился в том до Фоминой недели, понеже по их канцелярии до той недели никакова дела не будет, и с канцеляриею еще не собрались, а место, где им сидеть, назначено в зимнем доме его величества. (Л. 150) Присем посылаю копию с указа, каков состоялся о вычете и убавке жалованья и о прочем.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 469. Л. 148–150. Подлинник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванов П. И.* Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. С. 3–62.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бушкович П.* Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 555 с.
2. *Голомбиевский А. А.* Сотрудники Петра Великого. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1903. 117 с.
3. *Дёмкин А.* Русские деловые люди XVIII столетия. М.: Ломоносовъ, 2019. 192 с.
4. *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1885. 330 с.
5. Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима, князя Александра Даниловича Меншикова, фаворита Петра Великого. В 3-х ч. Ч. 1–3. 2-е изд. М.: В Университетской типографии, 1809. 304 с.
6. *Лазарев Я. А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 408–432.
7. *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, земледелания и управления. Том 1. Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1888. 552 с.
8. *Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 2016. 400 с.
9. *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1985. 346 с.

10. Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. М.: Молодая гвардия, 2018. 348 с.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. 840 с.
12. Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII века (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 215–248.
13. Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 31. No. 1/4. P. 135–158.

REFERENCES

1. Bushkovich P. *Petr Velikii: bor'ba za vlast'* (1671–1725). St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, 555 p. (In Russ.)
2. Bushkovich P. *Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I*. Harvard Ukrainian Studies, vol. 31, no. 1/4, pp. 135–158.
3. Golombijevskii A.A. *Sotrudniki Petra Velikogo*. Moscow, Universitetskaia tipografiia, Strastnoi bul'var Publ., 1903, 117 p. (In Russ.)
4. Demkin A. *Russkije delovyye liudi XVIII stoletia*. Moscow, Lomonosov Publ., 2019, 192 p. (In Russ.)
5. Karnovich E.P. *Zamechatel'nyye bogatstva chastnykh lits v Rossii*. St. Petersburg, Izdaniye A.S. Suvorina Publ., 1885, 330 p. (In Russ.)
6. *Kartina zhizni i vojennykh deianii rossijsko-imperatorskogo generalissima, kniazia Aleksandra Danilovicha Men'shchikova, favorita Petra Velikogo*. V 3 ch. Ch. 1–3. 2-je izd. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1809, 304 p.
7. Lazarev Ya. A. «K vashei iasnevelmozhnosti okhochii sluga»: k voprosu o funktsionirovanii neformal'nykh svyazei v rossijsko-ukrainskikh otnosheniakh v 20-je — pervoi polovine 30-kh gg. XVIII v. *Praviashchije elity i dvorianstvo Rossii vo vremia i posle petrovskikh reform (1682–1750)*, Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 408–432. (In Russ.)
8. Lazarevskii A. *Opisanije staroi Malorossii. Materialy dlia istorii zaseleniia, zemlevladieniia i upravleniia*. Tom 1. Kijev, Tip. K.N. Milevskogo Publ., 1888, 552 p. (In Russ.)
9. Pavlenko N.I. *Menshikov: Poludержavnyi vlastelin*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2016, 400 p. (In Russ.)
10. Pavlenko N.I. *Ptentsy gnezda Petrova*. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 346 p.
11. Serov D.O., Fedorov A.V. *Sledovateli Petra Velikogo*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018, 348 p. (In Russ.)
12. Solov'ev S.M. *Istoriia Rossii s drevnejshikh времен*. Кн. 4. Т. XVI–XX. St. Petersburg, Tovarichestvo «Obshchestvennaia pol'za» Publ., 1851–1879, 840 p. (In Russ.)
13. Troitskii S.M. Khoziajstvo krupnogo sanovnika Rossii v pervoi chetverti XVIII veka (po arkhivu kniazia A.D. Menshikova). *Rossiiia v period reform Petra I*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 215–248. (In Russ.)

Информация об авторе

Марина Тазабаевна Накишова,
младший научный сотрудник
Лаборатории эдиционной археографии,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург,
Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-2115-1663
m-nakishova@mail.ru

Information about the author

Marina T. Nakishova,
Junior researcher of the Laboratory for
Studying Primary Sources, Ural Federal
University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-2115-1663
m-nakishova@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 4, с. 60–78

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 60–78

DOI: 10.31857/S0869544X0015967-6

Оригинальная статья /
Original Article

К происхождению запорожского кошевого атамана Петра Калнышевского и семьи Калусовских

© 2021 г. А.А. Оксенюк¹, В.В. Хутарев-Гарнишевский²

¹Государственный научно-исследовательский музей архитектуры
им. А.В. Щусева (Москва, Российская Федерация)

oksenuk2@yandex.ru

²Московский государственный институт культуры (Химки, Российская Федерация)

w.hutarew@gmail.com

Аннотация. Происхождение последнего кошевого атамана П.И. Калнышевского оставалось белым пятном в истории Запорожской Сечи. Благодаря сделанной в 2020 г. находке — печатке с гербом, — авторам исследования удалось определить его род и реконструировать историю предков — шляхтичей Калусовских. Они занимали значимые должности в управлении Волынью, участвовали в польско-казацких войнах, в борьбе унии и православия.

Ключевые слова: Петр Калнышевский, Запорожская Сечь, украинская генеалогия, геральдика, сфрагистика, Волынь, польско-казацкие войны.

Ссылка для цитирования: Оксенюк А.А., Хутарев-Гарнишевский В.В. К происхождению запорожского кошевого атамана Петра Калнышевского и семьи Калусовских // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 60–78. DOI: 10.31857/S0869544X0015967-6.

To the origin of the Zaporozhian Sich kish otaman Petro Kalnyshevskii and Kalusowski family

2021 A.A. Oksenyuk¹, W.W. Hutarew-Garnishevsky²

¹Deputy Director of the A.V. Shchusev State Research Museum of Architecture
(Moscow, Russian Federation)

oksenuk2@yandex.ru

²Moscow State Institute of Culture (Khimki, Russian Federation)

w.hutarew@gmail.com

Abstract. The origin of the last kish otaman P.I. Kalnyshevskii was one of the unsolvable problems of the Zaporozhye Sich history. In 2020 an otaman's seal with a coat of arms was discovered. The authors of the study determined to which family he belonged and

reconstructed the history of his ancestors – the Kalusovskii nobles. They held important positions in the administration of Volhynia, participated in the Polish-Cossack wars, in the struggle of the Church union and Orthodoxy.

Keywords: Petro Kalnyshevsky, Zaporozhian Sich, Ukrainian genealogy, heraldry, sigillography, Volhynia, Polish-Cossack wars.

Reference for citation: *Oksenyuk A.A., Hutarew-Garnishevsky W.W. To the origin of the Zaporozhian Sich kish otaman Petro Kalnyshevskii and Kalusowski family // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 4. P. 60–78. DOI: 10.31857/S0869544X0015967-6.*

История происхождения и родословная последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Ивановича Калнышевского до сих пор практически неизвестны историкам. Его личность ранее изучалась либо в контексте отношений Российской империи и Сечи, либо он упоминался как один из знаменитых соловецких узников. До настоящего времени исследователи не смогли точно определить даже сословие, из которого происходил Калнышевский, высказывая гипотезы, то о крестьянских, то о священнических, то о шляхетских корнях.

Это не случайно, ведь в малороссийских и польских документах и книгах XVII–XVIII вв. практически невозможно встретить фамилию Калнышевский ни в различных вариантах староукраинской, ни польской (*Kalnyszewski*) транскрипции. Крупнейший современный исследователь биографии атамана В.В. Грибовский писал: «Происхождение Петра Ивановича Калнышевского связано с с. Пустовойтовка, что во времена Гетманщины находилось в составе Лубенского полка (теперь с. Пустовойтовка – в Роменском районе Сумской области, в 10 км от г. Ромны). О месте рождения Калнышевского сообщил в 1892 г. роменский краевед Ф. Николайчук» [15. С. 13]. Фактически современное знание о предках атамана базируется на документально не подтвержденной гипотезе конца XIX в., а первые достоверные документы, упоминающие фамилию «Калнышевский», относятся к 1750-м годам.

В современной художественной и церковной литературе встречаются также отсылки к некой легенде, бытовавшей среди старожил Пустовойтовки, согласно которой «восьмилетний Петрик пас скот за селом и встретил запорожцев, после общения с ними он, ощутив дух казацкой вольницы, подался с ними на Запорожье». Все это значительно запутывает и усложняет работу исследователей, и подменяет реальную историю неким лубочным образом.

Между тем личность последнего запорожского атамана и видного деятеля екатерининской эпохи, ныне местно прославленного Украинской православной церковью Московского патриархата, безусловно, достойна самого внимательного изучения. Все достоверные сведения о родственниках Калнышевского изложены в тексте надписи на подаренном им Евангелии, хранящемся ныне в коллекции Роменского краеведческого музея. Из написанного ясно, что родителей атамана звали – Иоанн и Агафья. Упомянуты также иные его родственники: живые на тот момент Андрей, Иосиф, Параскева и Симеон, а также умерший Зеновий [17. С. 18]. Первые попытки выяснить происхождение Калнышевского были предприняты в дореволюционной историографии [2. С. 405–420; 5. С. 249–277; 6; 9. С. 176–185; 10]. П.С. Ефименко отметил, что атаман «происходил из казачьего, т.е. дворянского, звания малороссийского, но скрывал свое имя и род пока не сделался кошевым [...], несмотря на незнание грамоты был довольно образован».

Историки А.А. Скальковский и Д.И. Эварницкий полагали, что атаман был шляхетского происхождения и даже владел имением, которое было секвестрировано. Ф. Николайчук считал, что Калнышевский был простонародного происхождения, аргументируя это тем, что атаман много занимался церковной благотворительностью и построил четыре православных храма в Лохвице, Межигорье, Пустовойтовке и Ромнах. При этом исследователь честно признался, что не смог точно определить происхождение атамана и предположил, что отец Калнышевского носил другую фамилию.

Владислав Грибовский в статье про семью Калнышевского подробно разобрал известные документы и биографии его племянников. Исходя из гипотезы Николайчука, он принял информацию местных старожилов, приводя следующий аргумент: «Взглянем на возраст интервьюера, ведь он в юном возрасте мог общаться с дедами, которые за своего малолетства могли не только слышать уличные разговоры вроде кто здешний, а кто нет (про такие вещи в деревне помнят долго), но и видеть запорожского атамана во время его посещения Пустовойтовки» [6. С. 81].

При этом Грибовский не смог установить ни место, ни даже десятилетие рождения Калнышевского, что объективно осложнено отсутствием хотя бы косвенных сведений об этом. Но по фрагментарным архивным документам ему удалось выяснить личности нескольких племянников атамана, в основном крестьянско-казацкого происхождения. Учитывая, что подлинных писем, подписанных Калнышевским не обнаружено (есть версия, что он был безграмотен), использовать поступавшую к нему корреспонденцию крайне затруднительно. Очевидно, что некоторые «племянники» в карьерных целях явно напрашивались в родственники к немолодому уже вельможе. Ярким примером этого является письмо к нему Григория Швеца-Ульченко 1768 г., не способного даже уточнить точную линию родства: ««Я произвестіями стороно увірен немало, что ви находитесь мне в родственниках, а точно в каких, хошу в вас іспросясь точніше увіритися. Єжелі в вас біли сестри родніє, єдна Агафія в Роменской сотні в селі Пустовойтовка, а другая в Городищі, що над Дніпром, как я слыхал в замужьи за Яковом Захожалим, — то я с них Агафії син» [4. С. 86].

Несмотря на то что судьбы вероятных племянников не содержат информации о происхождении и родителях Калнышевского, Грибовский пришел к важным выводам. Атаман не был уроженцем Пустовойтовки, откуда лишь происходила его жена. У Петра Калнышевского был родной брат Андрей Калныш, владелец зимовника (хутора) в Запорожье, умерший в 1764 г. Это дает основания полагать, что «Калныш» было прозвище или фамилия их отца.

В 2020 г. нами были проведены изыскания в московских и петербургских архивах, где были изучены фонды, отражавшие разные периоды жизни Калнышевского. Поскольку деятельность атамана на различных должностях в Сечи, а также участие в русско-турецкой войне и связи с екатерининскими вельможами были уже неоднократно изучены, основные поиски были сконцентрированы на материалах Соловецкого монастыря и Святейшего синода.

Стоит отметить, что монастырский фонд уже был ранее исследован в 1887 г. Д.И. Эварницким, который изучил его еще в нетронutom виде, до вывоза документов с Соловков. Эварницкий сумел установить помещения, в которых содержался кошевой, нашел многочисленные документы, где было отмечено участие его в церковных таинствах. К сожалению, в отличие от обычных приходов

в монастыре возраст исповедовавшихся указывали только для монахов, поэтому год рождения атамана выяснить не удалось.

При изучении комплекса хозяйственных документов времени пребывания Калнышевского на Соловках нами были обнаружены казначейские записи о выдаче узнику годового содержания, которое было немалым — один рубль в день¹. Всего по сохранившимся казначейским документам выдача денег Калнышевскому зафиксирована с 1779 по 1798 г. (1779, 1781, 1784, 1785, 1786, 1787, 1789, 1798 гг.). В 1781 г. была заведена особая тетрадь, куда записывали ежемесячную выдачу денег солдатам для передачи кошевому атаману². После 1798 г. материалы монастырского архива в значительной степени утрачены.

Наибольший интерес представляет тот факт, что выдачи содержания 1785 и за последующие годы были в основном с указанием, что деньги переданы казначеем непосредственно узнику с приложением его личной гербовой печати. Формулировка записи была однотипной. В ней содержалось указание, за какой период времени выдавали деньги, ссылка на указ и итоговая сумма: «По ордеру выдано арестанту Петру Колнышевскому кормовых денег за сей [...] год за вторую (первую) половину [...] по указу поданному рубль на день итого сто восемьдесят четыре рубли»³.

В 1788 г. порядок был изменен: деньги выдавались солдатам «для вносу держащемуся бывшему сечи запорожской кошевому», при этом солдаты расписывались и прикладывали печать Колнышевского⁴. В следующем 1789 г. деньги снова брались самим заключенным с прежней формулировкой⁵.

Особую ценность представляет запись о выдаче за 1798 г., когда были сделаны оговорки, свидетельствующие о том, что использовалась именно личная печать бывшего кошевого, который ставил ее вместо подписи: «По получению сих денег ему Колнышевскому росписаться [...], по получению сих денег вместо росписи приложена его Колнышевского печать»⁶.

Всего в материалах Соловецкого фонда РГАДА было выявлено девять оттисков печати Колнышевского разной степени сохранности, поставленных в промежутке от 1785 до 1798 г. Также в статье В. Грибовского имеется упоминание о копии документа с печатью Калнышевского — в описании письма 1801 г. с просьбой бывшего кошевого атамана оставить его на Соловках [4. С. 83].

Факт пользования кошевым личной печатью дает возможность добавить определенные штрихи к его жизни на Соловках, где он, очевидно, пользовался большей свободой, чем остальные арестанты. Наличие у Калнышевского собственной гербовой печати позволило идентифицировать последнего кошевого с определенным шляхетским родом. Данное открытие имеет значение не только в ключе исследования его происхождения, но и вносит вклад в изучение процесса оказывания благородного сословия в XVII–XVIII вв.

Найденный герб составлен в традициях польской геральдики. На геральдическом щите польской формы изображены две параллельно стоящие вертикальные сабли, обращенные лезвиями друг к другу, обе острием вниз.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5514. Л. 13.

² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5421. Л. 1–8.

³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5353. Л. 18; Ед. хр. 5390. Л. 5об.; Ед. хр. 5413. Л. 2.

⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5461. Л. 2, 5, 14.

⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5499. Л. 25, 35.

⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5514. Л. 13.

На шлеме находится традиционная шляхетская корона, а по бокам — намет, оба типологически характерные для польской геральдики. Клейнод состоит из пяти страусовых перьев, на которых изображена сабля острием вверх. По бокам от клейнода написаны буквы «П» (слева) и «К» (справа), вероятно, обозначающие Петр Калнышевский. Данный герб не содержится ни в Общем гербовнике дворянских родов Российской империи, ни в Малороссийском гербовнике В.К. Лукомского и В.Л. Модзалевского. Однако он есть в большинстве польских гербовников. В современном Правобережном гербовнике Евгена Чернецкого опубликован герб Калушовский, абсолютно идентичный гербу Калнышевского, и указано, что его носила шляхетская семья Калусовских (Калусовські), проживавшая в 1795–1827 гг. в Тарашанском уезде Киевской губернии⁷. В фонде Центральной комиссии для ревизии действий дворянских депутатских собраний ЦДИАК сохранились дела 1840–1842 гг. о шляхетском происхождении семьи Калусовских, проживавших в Киевской и Волынской губерниях [13. С. 198].

Особенность польской геральдики заключается в том, что один и тот же герб может носить сразу несколько шляхетских фамилий, до 400 включительно. Крайне редко встречаются фамильные гербы, принадлежащие представителям только одного рода. Как правило, они называются по фамилии рода. В наиболее полном польском гербовнике Адама Бонецкого есть герб Калушовский (Kałuszowski), который принадлежал представителям одной семьи, носившим фамилию Калушовских, Калусовских (Kałusowski) или Калушевских (Kałuszewski). Составитель гербовника подчеркивает, что в данном случае речь идет о представителях одного и того же рода, по-разному записанных в исторических документах⁸. Внешне герб совершенно идентичен личному гербу П. Калнышевского. Подобное изображение содержится в большинстве авторитетных польских гербовников: у Б. Папроцкого, Я. Горчина, К. Несецкого и Ю. Островского⁹. Граф Островский также привел словесное описание герба: «В поле красном две сабли рукоятками вверх, плечами острия обращены друг к другу, а в центре золотая повязка поперечно сколочена. Над шлемом в короне на пяти страусовых перьях сабля колышется вверх по диагонали влево»¹⁰. Вариант Чернецкого имеет два несущественных отличия: сабля стоит вертикально на клейноде, а не под углом, и отсутствует поперечная повязка, связывающая сабли. На печати Калнышевского и на всех польских вариантах герба сабля размещена по диагонали.

На основании имеющихся данных об идентичности личного герба П.К. Калнышевского гербу Калушовских, уникальности его использования одной единственной семьей, а также проживанием ее в соседних местностях Малороссии и Волыни, можно утверждать, что последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Калнышевский происходил из шляхетского рода Калусовских. Наличие инициалов «П. К.» на печатке говорит о том, что она была выполнена по его персональному заказу. Мы считаем маловероятной возможность узурпации Калнышевским герба по нескольким причинам. Присвоение

⁷ Правобережний гербівник.. Біла Церква: Вид. Олександр Пшоньківський, 2006. Т. 1. Шляхта Васильківського, Тарашанського та Звенигородського повітів. Уклад Є. Чернецький С. 57, вклейка.

⁸ Boniecki A. Herbarz polski. T. 9. Warszawa, 1906. T. 9. S. 176–177.

⁹ Gorczyn J.A. Herby Królestwa Polskiego. Krakow, 1653. S. 59. Niesiecki K. Herbarz polski. Lipsk, 1840. Tom V.S. 20. Ostrowski J. Księga herbowa rodów polskich. Warszawa, 1897. Zes. 1. S. 219. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Krakow, 1584. S. 864.

¹⁰ Ostrowski J. Zes. 2. S. 129.

чужого дворянского герба было категорически воспрещено еще императором Петром I (16 ст. Табели о рангах). Необоснованное использование Калнышевским редкого герба Калусовских, широко известного на Украине шляхетского рода, не могло остаться незамеченным. Тем более, невозможно рационально объяснить, зачем бывшему запорожскому атаману использовать чужой дворянский герб в заключении на Соловках.

Остается без ответа вопрос, каким образом фамилия Калусовский превратилась в Калнышевский? Скорее всего, «Калныш» было прозвище атамана, а не фамилия, закрепившаяся в использовании. Подобных примеров немало. Можно привести казацкого гетмана Петра Сагайдачного, происходившего из шляхетского рода Конашевичей [19]. Сагайдачный — прозвище, происходящее от слова сагайдак, колчан, долгое время считалось его настоящей фамилией, а Конашевич — отчеством от имени Конон. Однако он использовал прозвище наравне с родной фамилией. Также и Калныш могло быть прозвищем, происходящим от слова калыно — болото или от топонима — села Калнишовка Винницкого повета Брацлавского воеводства.

Примеров перехода шляхты в казачество немало. По подсчетам историков в середине XVII в. до 2500 шляхтичей из нескольких сотен фамилий «оказались». Казацко-польская война и начавшиеся в 1648 г. погромы шляхты вызвали ее массовую миграцию на запад. Меж тем, коронная шляхта не приняла беженцев с распростертыми объятиями. Потому многие из них вынужденно перешли на сторону казаков. Со временем часть этих шляхтичей утратила польские фамилии, которые были заменены прозвищами или отчествами. Да и сами казаки редко записывали фамилии. Однако к фамильным гербам оказаченные шляхтичи относились крайне сентиментально [30. С. 21–22]. Они не только сохранили их в виде печаток, но и привили казакам моду на геральдические символы. Во многом это было связано с тем, что в польской традиции герб был главным атрибутом шляхтича.

Обратимся к истории Калусовских. Происхождение этого рода хорошо обеспечено как архивными источниками, так и историографией. По мнению большинства исследователей, это была русская семья, известная во Владимирском старостве Волыни с конца XV в. Родословную таблицу первых поколений Калусовских составила на архивных материалах историк волынской шляхты Ирина Ворончук [2. С. 232–233], однако, далеко не все источники оказались в поле ее исследования. Обратимся к первоисточникам. Первый подлинный документ, связанный с историей рода, относится к 1475 г., когда некто пан Михно Калусовский стал свидетелем при продаже села Дажев на Волыни¹¹. 28 июля 1495 г. великий князь литовский Александр Ягеллончик разрешил своему дьяку Манцу Калусовскому обменять купленную им землю в Лутове Дорогичского повета на три двора в Вербично Владимирского повета¹². А через семь лет, 8 мая 1502 г., уже король польский Александр Ягеллончик выдал Манко Калусовскому жалованную подтвердительную грамоту на купленные им имения во Владимирском повете. Очевидно, что Михно, Манец и Манко — есть один и тот же человек, вероятнее всего, Михаил Калусовский. Из текста грамоты ясно, что он был уже не молод и ранее служил писарем при отце правящего

¹¹ Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie (AKSS). / Wyd. Br. Gorczak. Lwow, 1887. Т. 1. 1366–1506. S. 72.

¹² Акты, относящиеся к истории западной России. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. С. 93.

монарха, Казимире IV Ягеллончике, и продолжил уже при Александре. Король утвердил вечно в отчизну Калусовскому, его жене и детям три купленных ими села Винники, Калусов и Вербично¹³. На основании этих актов мы можем сделать вывод, что фамилия Калусовский не является производной от названия населенного пункта Калусов, как утверждалось в историко-краеведческой литературе [25. С. 436]. Сами же Калусовские были пришлыми, а не местными жителями. От этого топонима происходит совершенно другая шляхетская фамилия — Калуский — герба Рогала, не родственная Калусовским.

В первой полноценной переписи войска Великого княжества Литовского 1528 г. числятся два представителя рода: Петр Калусовский с двумя конями в земле Волынской и Василий Калусовский в земле Жомойтской (Жмудской) с одним конем¹⁴. Это упоминание доказывает наличие родственных связей семьи в Жемайтии, на севере Литвы, а возможно и прибалтийское происхождение рода. Впоследствии род распался на две крупные ветви: волынскую православную и литовскую католическую. Последнюю мы не будем рассматривать в данной статье. Важным источником по истории семьи Калусовских является Список обывателей земли Волынской повета Владимирского, присягнувших на присоединение земли Волынской к Польше 17 июня 1569 г. В нем упомянут состав семьи Калусовских. Отдельно записан пан Иван Петрович Калусовский, судья гродский владимирский, его братья паны Гневош и Иван Петровичи Калусовские, Федор Васильевич и Василий Романович Калусовские [9. С. 19, 20].

Петр и его старший сын Иван Калусовские были весьма влиятельными людьми на Волынской земле в XVI в. 31 июня 1521 г. пан Петр выступил свидетелем при заключении договора мены землями между владимирским старостой князем Андреем Александровичем Сангушком и помещиками Ставецкими¹⁵. 20 сентября того же года Петр Калусовский засвидетельствовал акт епископа Володимирского и Берестейского Ионы. Подпись свою Калусовский скрепил уже известным нам гербом¹⁶. А 9 декабря 1523 г. был составлен еще один важный документ о мене между маршалком Андреем Михайловичем Сангушковичем-Кошерским и его дядей вышеупомянутым старостой А.А. Сангушком. Среди свидетелей договора были именитые люди Волыни: князь Ф.Ф. Четвертинский, князь И.В. Козечич, пан П. Калусовский и еще несколько человек. Под этим актом Калусовский вместо подписи поставил свою печать: фамильный герб и две буквы «П» и «К», по левую и правую стороны от клейнода соответственно¹⁷. Это крайне важно для нашего исследования, ибо печать П.И. Калнышевского представляла тот же самый герб с двумя буквами «П» и «К». Вероятно, это обозначало не только инициалы атамана, но и его символическую преемственность от тезки и дальнего предка, пользовавшегося идентичным оттиском.

Участие Калусовского в подписании множества имущественных документов между наиболее влиятельными персонами Волыни объясняется просто: он был в числе пяти доверенных лиц короля Сигизмунда, имевших право решения имущественных и административных споров во Владимирском старостве.

¹³ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. СПб., 1863. Т. 1. 1361–1598. С. 29, 30.

¹⁴ Перепис войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Минск: Бел. навука, 2003. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1. С. 151, 159.

¹⁵ AKSS. Lwow, 1890. Т. 3. 1432–1534. С. 207.

¹⁶ AKSS. Т. 3. С. 211.

¹⁷ AKSS. Т. 3. С. 256, 257.

Это подтверждается подписанными королем в 1526 г. официальными письмами и данными поручениями¹⁸. В документе 1534 г. впервые четко определен статус Петра Калусовского — он назван «земянин господарский»¹⁹, что в XVI в. обозначало военного шляхтича на королевской службе, владевшего землей. Последнее документальное упоминание имени Петра Калусовского относится к 9 ноября 1547 г. — это testament (завещание) князя Федора Андреевича Сангушка, маршалка волынского, старосты владимирского и винницкого. При составлении завещания присутствовали самые близкие князю люди: епископ Владимирский и Берестейский Геннадий, родная сестра князя, а также приближенные пан Тихно Кисель и пан Петр Калусовский²⁰. Интересно, что в 1537 г. под одним из спорных дел среди свидетелей стоял не только Петр, но и некто Иван и Богдан Романовичи Калусовские, вероятно, племянники последнего²¹. Умер Петр Калусовский предположительно в 1549 г., оставив трех сыновей Ивана-старшего, Ивана-младшего (Яна) и Гневоша-Ивана.

16 декабря 1549 г. во Владимире рассматривалось дело вдовы Петра Калусовского, Настасьи, и его сыновей против панов Петра и Олехна Богдановичей Загоровских. Еще при жизни Калусовский заложил Загоровским свое село Перевалы во Владимирском повете, а после его смерти Загоровские отказывались возвращать Калусовским земли. Только после вмешательства владимирского старосты и волынского маршалка П.П. Кишки Загоровские согласились отдать вдове Настасье Калусовской имение Перевалы вместе с закладной грамотой ее покойного мужа в обмен на уплату суммы залога без процентов²².

Известна и судьба родовых поместий сел Калусов и Вербичное. Калусово Владимирского повета в 1545 г. принадлежало Петру Калусовскому, который с его доходов должен был содержать две городни Владимирского замка. В 1570 г. — его сыновьям Гневошу и Ивану. В 1577 г. большей частью села владел уже внук Петр Иванович — четырьмя домами и пятью огородами, племянник Василь Романович Калусовский — тремя домами и тремя огородами, и сын Иван — тремя домами и пятью огородами. В 1583 г. половиной села владели уже другие шляхтичи, а из Калусовских совладельцами оставались братья Иван и Гневош Петровичи [27. С. 479—480].

Село Вербичное в 1545 г. к моменту ревизии Владимирского замка принадлежало Петру Калусовскому с братьями, которые должны были за свой счет содержать одну городню Луцкого замка. В 1570 г. селом Вербично совместно владели Гневош и Иван Петровичи (по семь домов и три огорода), а также Федор Васильевич (два дома, три огорода). В 1577 г. Вербичным владели совместно Василь Романович и Иван Петрович Калусовские. По данным 1583 г., село все еще принадлежало семье [27. С. 166—167].

Старший сын Иван Петрович занимал различные должности в управлении Владимирским староством. Самые ранние упоминания о нем относятся к 1566—1567 гг., когда в ряде хозяйственных документов он проходил как приятель местного помещика Лаврентия Оранского²³. Иван и все его братья отличались конфликтным, буйным характером. Так, в 1566 г., присутствуя

¹⁸ AKSS. Т. 3. С. 282—288.

¹⁹ AKSS. Т. 3. С. 461.

²⁰ AKSS. Lwow, 1890. Т. 4. 1535—1547. С. 565.

²¹ AKSS. Т. 4. С. 101.

²² AKSS. Lwow, 1910. Т. 6. 1549—1577. С. 4, 5.

²³ АЮЗР. Киев, 1909. Ч. 8. Т. 3. С. 120.

по просьбе пана Семена Оранского в его имении Лазкове на свадебном обычае «преносинах», когда сын помещика женился на дочери пана Черчицкого, Калусовский попал в неприятную историю. Переусердствовавшие в праздновании гости затеяли ссору и хорошенько избили Ивана Калусовского, на что он подал письменную жалобу²⁴. С тех пор началась кровная вражда между Калусовскими и Оранскими, продолжавшаяся долгие годы и отразившаяся в судебных делах того времени. Так, весной 1575 г. три брата Иван, Ян и Гневош и их родственник Демьян Гулевич тяжело избили, ограбили и заключили в городскую тюрьму Владимира Михаила Оранского и пана Григория Волчка. Особенно горячим характером отличался Гневош, в июне того же года натравивший своих крестьян на войтов местного пана Богушевича²⁵.

В большей части документов того времени Иван Петрович Калусовский проходит как волынский землянин (помещик) и владимирский городской судья²⁶, в 1570-е годы часто решавший имущественные споры, в том числе по наследственным делам о земельной собственности. Калусовский регулярно привлекался в качестве официального свидетеля при заключении сделок или составлении завещаний волынской аристократии. Так, он упомянут как свидетель в завещании княгини Магдалены Чарторийской, составленном в пользу ее сына Михаила²⁷. В 1568 г. Калусовский вел крайне скандальное судебное дело между княжной Мариной Николаевной Збаражской и ее бывшим мужем Василием Петровичем Загоровским. После расторжения брака княжна обвинила его в том, что он принудил ее после заключения брака в качестве приданного отписать ему ее материнские имения. В ходе судебной тяжбы она была вынуждена признать, что оговорила бывшего супруга из жадности и претензий более к нему не имеет²⁸.

Известно, что в 1576 г. Иван Калусовский во время пребывания по делам службы в Варшаве успел поссориться с беглым русским князем Андреем Михайловичем Курбским²⁹. Пик карьеры Ивана Петровича Калусовского приходится на 1588 г., когда он упомянут уже как волынский подвоевода, правая рука воеводы князя Януша Острожского³⁰. В 1583 г. Иван Петрович совладел с сестрами землян Савицких селом Бутятичи Владимирского повета [27. С. 148–149], а также с неким Яцко Летенским селом Литин Ковельского повета (восемь домов и четыре огорода) [27. С. 24–25]. Также ему продолжали принадлежать семейные поместья Калусово и Вербичное.

С религиозной точки зрения доподлинно известно, что Иван Калусовский придерживался православной веры. В частности, 1 июля 1595 г. он присутствовал при знаменитом выступлении епископа Львовского и Каменец-Подольского Гедеона Балабана в городском суде Владимира-Волынского, отрицавшего участие в переговорах об унии между православной и католической церквями. При внесении протестации Гедеона в суде в качестве свидетелей присутствовали противники унии князь К.К. Острожский и его

²⁴ АЮЗР. Ч. 8. Т. 3. С. 287.

²⁵ Опись актовой книги Киевского центрального архива № 2049. Сост. И.М. Каманин. Киев, 1893. С. 14, 34.

²⁶ АЮЗР. Киев, 1911. Ч. 8. Т. 6. С. 288, 292, 305.

²⁷ АЮЗР. Киев, 1907. Ч. 8. Т. 4. С. 29, 306, 307, 447.

²⁸ АЮЗР. Ч. 8. Т. 3. С. 167, 168.

²⁹ Руська (Волинська) метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воеводства). 1569–1673. Київ, 2002. С. 280.

³⁰ АЮЗР. Ч. 8. Т. 3. С. 87.

приближенные: белоцерковский подстароста князь Дмитрий Курцевич, шляхтич Иван Калусовский, депутат от волынского воеводства Демьян Гулевич, киевский хорунжий Бутович и другие [10. С. 150].

Родственные связи определяли и административное влияние. Иван Калусовский был женат на Настасье Гулевич, родной сестре Демьяна, крупного волынского землевладельца. С тех пор браки между этими двумя семьями заключались неоднократно, но часто случались и конфликты между различными ветвями рода. Так, в январе 1593 г. Иван Петрович и Настасья подверглись вооруженному нападению своих племянников Александра, Петра и Яско Гневошевичей Калусовских и двоюродного брата Федора Васильевича [22. С. 337–338]. Во время нападения были ранены слуги хозяев и повреждено имущество. Александр Калусовский вручил жене дяди «одповедную цидулю», в которой обещал мстить ей и всему потомству дяди за нанесенные обиды. Вспомним, что и сам Иван Петрович в молодые годы отличался конфликтным характером. Так, со своим братом Гневошем в 1573 г. он угрожал помещику Федору Солтану мстить ему, его слугам и подданным [22. С. 90–91]. И здесь в центре конфликта также была женщина. Более покладистым характером отличался третий из сыновей Петра — Ян Калусовский, женатый на Федоре Колпитовской: в 1585 г. в ходе конфликта с Михаилом Литинским они дали обещание решить конфликт путем приятельского соглашения [22. С. 547], т.е. без традиционного избиения челяди и погрома поместья «обидчика».

Известностью пользовался и упомянутый выше Федор Васильевич Калусовский, землянин волынский, в 1571 г. выступавший в судах в качестве уполномоченного представителя князя Януша Збаражского³¹. 20 декабря 1581 г. он получил привилей на городничество Владимирское³² и занимал должность городничего Владимира-Волынского до 1613 г.³³ Во время бескорольев 1576 г. двоюродные братья Федор Васильевич и Гневош Петрович Колусовские оказались в разных политических лагерях. Федор был умоцованным — поверенным в делах князей Вишневецких [22. С. 167, 169], Гневош присоединился к группе князя Острожского [14. С. 467]. Он также находился на коронной службе, что подтверждается документом от 19 февраля 1566 г., где сказано, что королевский дворянин Гневош Калусовский вручил вызов кременецкому старосте Николаю Збаражскому на суд о самозахвате им села Пляшево земель Луцкого замка [24. С. 1067].

Большинство упомянутых представителей рода Калусовских пользовались фамильными печатями с гербом Калусовский. Современный украинский герольдист Олег Однороженко привел подробное описание особенностей и различий гербовых печатей Калусовских XVI в. [1. С. 69]. В частности, он указывает, что их герб представлял собой Н-образный знак в виде соединенных поясом сабель, лежащих остриями вниз на красном поле. На древнейшей известной печати Мацка Калусовского 1504 г. в немецком щите изображен знак в виде буквы «К». Но уже на печатях Петра Калусовского 1523 г. (в испанском щите), 1532 г. и 1542–1546 гг. (в немецком щите) с поясом образуют букву «Н», с перекрещенными верхними концами и закругленными в разные стороны нижними. Первая печать Гневоша Петровича 1567 г. содержала в ренессансном щите знак

³¹ АЮЗР. Ч. 8. Т. 6. С. 341–345.

³² Руська (Волинська) метрика. С. 301.

³³ Документи Брацлавського воеводства 1566–1606 років. Упоряд. М. Крикун, О. Піддубняк. Львів, 2008. С. 452; АЮЗР. Ч. 8. Т. 6. С. 384.

в виде двух сабель концами в разные стороны, которые были соединены поясом. На второй печати 1571 г. находился знак в виде буквы «Н», с перекрещенными верхними концами и закругленными в разные стороны нижними. Третья печать Гневоша Калусовского 1573–1574 гг. имела знак в виде буквы «Н», с ответвлениями вверх и закругленными в разные стороны нижними концами. Изображение с первой печати Гневоша Калусовского повторено на печати Адама Калусовского 1568 г., а также на печатях Ивана Петровича Калусовского 1569 и 1571–1576 гг. На печатях Настасьи Ивановны (1558 г.) и Василия Романовича (1576 г.) можно увидеть аналогичное изображение, но в щите не ренессансной, а немецкой геральдической формы [16. С. 252]. Очевидно, в бытовом использовании герб имел несколько вариаций.

В документах XVII в. количество носителей фамилии «Калусовский» возросло, стало сложнее выяснять их родственные связи. Так, известно, что в 1595 г. в Брацлавском воеводстве проживал некто пан Гавриил Колусовский, а уже в 1606 г. в Виннице находился пан Войтех Калушовский³⁴. В 1632 г. в период междуцарствия волынская шляхта издала постановление о мерах к обеспечению внутренней и внешней безопасности, а также об устройстве судопроизводства и приведения приговоров в исполнение. Среди подписавших документ было большинство именитых волынских панов, в том числе отец и сын Вацлав и Михаил Калусовские³⁵. Последний был известной фигурой, близко общался с семьей князя Иеремии Вишневецкого, находился в деловых отношениях с луцкими иезуитами, даже в 1618 г. в Варшаве участвовал в подписании с ними некоего договора³⁶.

Главой семейства Калусовских в первой половине XVII в. был упомянутый выше Вацлав Калусовский, отец Константина, Михаила, Николая, Самуила, Яна и Яроша Калусовских. Жизнь этой семьи пришлось на сложный период польско-казацких войн на Украине. О супруге Вацлава – Авдотье – известно немного. Она происходила из знаменитой шляхетской семьи Гулевичей герба Новина. Отец Авдотьи – Гневош Семенович Гулевич – владел несколькими селами в Луцком повете³⁷. После гибели старшего поколения семьи Гулевичей в польско-казацкой войне, Вацлав Калусовский стал опекуном несовершеннолетних родственников своей жены³⁸. Однако и он вскоре пострадал от казаков. В 1656 г., будучи уже вдовой, Авдотья жаловалась во Владимирский городской суд, что в 1655 г. при погроме казаками ее имения Любитов был почти полностью утерян семейный архив Калусовских³⁹. И это неудивительно, так как многие члены семьи служили у князей В.-Д. Заславского и И. Вишневецкого, двух главных борцов с казацкими восстаниями.

Николай Вацлавович Калусовский был приближенным князя Иеремии Вишневецкого и оставил дневник, который сейчас хранится в фонде Оссолинских в отделе рукописей Львовской научной библиотеки НАН Украины

³⁴ Документы Брацлавского воеводства. С. 619, 620, 938, 940, 1033.

³⁵ Архив Юго-Западной России (АЮЗР). Киев, 1861. Ч. 2. Т. 1. Постановления дворянских провинциальных сеймов в юго-западной России. С. 175, 178.

³⁶ Руська (Волинська) метрика. С. 588–589.

³⁷ *Boniecki A. Herbarz polski*. Т. 7. Warszawa, 1904. Т. 7. S. 394–395.

³⁸ Національно-визвольна війна в Україні. 1648–1657. Збірник за документами актових книг. В.В. Київ, 2008. С. 164.

³⁹ Національно-визвольна війна в Україні. С. 379.

[31. С. 105]. В 1669 г. он написал проникновенный посмертный панегирик патрону⁴⁰.

В армии Иеремии состоял и волынский маршалок Михаил Вацлавович Калусовский. Он был настолько близок к князю, что в мемуарах привел точные, по мнению современных исследователей завышенные, суммы, потраченные Вишневецким на войну [18. С. 57–58]. Известно также, что Михаил часто переписывался с женой князя Гризельдой Вишневецкой [17. С. 7]. Упоминание о нем сохранилось и в документах сеймика волынских дворян 1662 г. как об одном из делегатов от Владимирского повета⁴¹. В одном из писем в июле 1663 г. Михаил Калусовский очень точно охарактеризовал современное ему внутривоеводческое положение на Украине: «Хозяин валашский, гетман запорожский и третий визирь турецкий всегда должны быть готовыми к смерти. Скользкая их судьба [...], казаки своего гетмана или утопят, или на совете между собой убьют, чего тут примеры имеем» [23. С. 125]. Наибольшую симпатию среди гетманов у него вызывал перешедший на сторону короля Павел Тетеря, в том же году неудачно атаковавший город Глухов: «Добрый, целомудренный муж [...], но как и со своим гетманством, так и своей жизнью не очень определившийся».

Многие Калусовские в 1653–1654 гг. служили в пропольских казацких хоругвах: у королевского ротмистра Кшиштова Корецкого и у подчиненного князю Владиславу-Доминику Заславскому ротмистра Александра Цеклинского. У последнего на военной службе состояли Гавриил, Роман и Самуил Калусовские⁴². Сохранилась информация о жизни Самуила Вацлавовича Калусовского, поручика казацкой хоругви в полку князя Заславского⁴³, также управляющего его селами Красноселка и Гордеевка [27. С. 293]. Во время войны с казаками на него неоднократно подавались жалобы и обвинения в грабежах и самоуправстве. 11 марта 1650 г. вдова Анна Брама жаловалась в Луцкий городской суд, что в июне–июле 1649 г. поручики Калусовский и Ян Парис разорили ее поместье село Бочаница и захватили немало голов скота: 80 волов, 120 коров, восемь лошадей, двух жеребят, 200 овец и 50 коз⁴⁴. В апреле 1650 г. в Главный Люблинский трибунал были направлены жалобы князя Федора Святополк-Четвертинского, утверждавшего, что в мае 1649 г. ротмистры Станислав Гурский и Самуил Калусовский со своими людьми разорили его село Сеянцы, угнав скот и нанеся убытки и «обиды» княжеским людям⁴⁵. А в 1651 г. в суде рассматривалась жалоба некоего Яцека Ясликовского. По его утверждению, Самуил Калусовский с вооруженной толпой слуг силой освободил из рук поляков православного священника Тихона Лажка, обвинявшегося в содействии казакам, сожжении нескольких дворов и похищении хлеба в имении Ясликовских Колодежно⁴⁶. Однако вскоре Самуил пострадал сам. 7 июня 1651 г. ему вместе с женой Мариной и слугами пришлось убежать от взбунтовавшихся коронных казаков и отряда татар. Оказавшись в селе Мокрец Владимирского повета в имении семьи Козиков, они были достигнуты

⁴⁰ Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. / Упор. Ю. Мишик. Київ, 2013. Т. 2: (1650–1651). С. 477–478.

⁴¹ АЮЗР. Киев, 1888. Ч. 2. Т. 2. С. 151–152.

⁴² АЮЗР. Ч. 2. Т. 2. С. 110–112.

⁴³ Національно-визвольна війна в Україні. С. 536.

⁴⁴ Національно-визвольна війна в Україні. С. 122, 135.

⁴⁵ Національно-визвольна війна в Україні. С. 142, 165.

⁴⁶ АЮЗР. Киев, 1914. Ч. 3. Т. 4. С. 610–611.

преследователями, сжегшими имение. В пожаре были уничтожены личные вещи и документы Самуила⁴⁷.

От действий взбунтовавшихся казаков пострадали и другие представители рода. Пан Ярош Калусовский подал жалобу на зверское убийство в 1648 г. его двоюродного брата Николая, сына И.П. Калусовского, с женой Софией Окунинской. Во время казацкого восстания они не успели отступить с польскими войсками и бежали из своего поместья в лес, где прятались от повстанцев. Наконец, принужденные голодом они вышли к селу Радович, где получили хлеб и кров в доме священника. Но это оказалось ловушкой, и по наводке попа той же ночью в дом ворвалась толпа крестьян и забила их обухами насмерть, а потом похоронила в селе⁴⁸.

Доподлинно известно, какие поместья принадлежали семье Вацлава Калусовского в середине XVII в.⁴⁹ В установленном волынским сеймиком 14 мая 1649 г. четырехкратном подымном налоге упомянуты села Вербичное и Глоботинская Волька, принадлежавшие Ярошу Калусовскому, находившиеся в управлении Вацлава. 12 января 1651 г. Вацлав числится совладельцем сел Любитов и Любитовская Волька. В 1652 г. ему наследовали сыновья Михаил, Констанций, Ян и Самуил, являвшиеся совладельцами Вербичного, Люботина, Люботинской и Глоботинской Волек — всего 66 дворов, а также отдельно Констанций принадлежала часть села Копильня. Аналогичный состав имущества зафиксирован в налоговых документах 1653 г. Михаил Вацлавович также числился совладельцем села Уховецк Ковельского повета. Кроме упомянутых населенных пунктов, известно, что Вацлаву и его супруге принадлежало также село Малышово Городище в Киевском повете, которое они в 1642 г. продали коронному канцлеру Яну Замойскому по его просьбе⁵⁰.

В 1638 г. в составе войска Иеремии Вишневецкого под Лубнами одной из гусарских хоругвей командовал пан Адам Калушовский⁵¹. В отличие от других современников ему представителей рода, Адам уже был ревностным католиком. Известно, что в 1660 г. он пожертвовал 200 злотых на Троицкий костел в Затурцах, а также на содержание госпиталя при нем еще 30 злотых [7. С. 536]. На службе у Вишневецкого находился также и Александр Гневошевич Калусовский, присутствовавший при кончине князя 20 августа 1651 г. в местечке Паволоч и отправивший оттуда на следующий день письмо, описывавшее моральное состояние польского войска: «Несчастливые времена настали, несколько разъездов добрых людей не учинили никакого вреда неприятелю, с конфузией и опасностью своей должны были отступать. Это, однако, не подорвало боевого духа в войске. Теперь смерть князя Вишневецкого поразила нас»⁵².

Потомство Адама Калусовского проживало в Малороссии, как минимум, до середины XIX в. Так, в 1847 г. в Киевское дворянское собрание были приняты братья Феликс и Сильвестр Ивановичи Калусовские с сыновьями

⁴⁷ Національно-визвольна війна в Україні. С. 217.

⁴⁸ АЮЗР. Ч. 3. Т. 4. С. 371–372.

⁴⁹ Національно-визвольна війна в Україні. С. 144, 550, 607–609, 721, 826.

⁵⁰ Опись актовой книги Киевского центрального архива. Житомирская гродская, записовая и поточная, 1590, 1601, 1602, 1612, 1613, 1621, 1622, 1623, 1627, 1629, 1635, 1636, 1638, 1642 и 1644 годов / (Сост. К. Козловский). Киев, 1872. С. 48.

⁵¹ Летопись событий Самоила Величка. Издана временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1864. Т. 4. Приложения. С. 226.

⁵² Джерела з історії. Т. 2. С. 591.

первого: Марианом, Леоном и Феофилом Феликсовичами, а в 1873 г. в родословную книгу были включены дети Леона: Мария и Александр. Происхождение Феликса и Сильвестра описано до середины XVII в. Отцом их был Иван Мартинович Калусовский, дедом Мартин Самуилович, прадедом Самуил Васильевич, а прапрадедом Василий Адамович Калусовский⁵³.

Сохранились фрагментарные сведения и о семье Яна Вацлавовича Калусовского, владельца села Любитов Ковельского повета [25. С. 473]. В 1666 г. в землях Луцкого замка у него произошел конфликт с соседом Степаном Вержбицким, обещавшим вешать его крестьян⁵⁴. В 1679 г. новые владельцы имения Вацлав Янович Калусовский и жена его Констанция (рожд. Рупневская) помирились с соседями и даже подарили Ядвиге Вержбицкой одного крестьянина с винокурней и правом перевести их на свои земли⁵⁵.

Гражданская война разделила не только население Правобережной Украины, но и целые семьи. Так, среди Калусовских были и те, кто открыто поддерживали казаков. Нам известен сотник Григорий Колушовский, участвовавший в Казацком посольстве на Варшавский сейм 1659 г.⁵⁶ [18. С. 126]. Примечательно, что в списке он указан среди представителей от дворян, а не от казаков, что подтверждает его принадлежность к семье Калусовских. Вероятно, именно от Григория и пошла та «казацкая» ветвь Калусовских, к которой принадлежал и атаман Петр Калнышевский.

В середине XVII в. волынская ветвь Калусовских окончательно раскололась на две части — православную и католическую. Принятие частью Калусовских католичества сложно точно хронологически зафиксировать. Известно, что Петр Гневошевич Калусовский, проживавший в 1640-е годы на Волыни, состоял в Луцком православном Крестовоздвиженском братстве, отстаивавшем интересы православия в воеводстве. Его имя числится в шляхетном отделении известного «Помянника» братства 1652 г. — списке шляхтичей, не принявших ни католицизм, ни унию, и сохранивших верность православию [6. С. 603]. Он был захоронен в Зимненском Святогорском успенском монастыре, игумену которого Паисию Люстицкому еще в 1632 г. отписал 30 злотых и по 10 злотых Владимирским «русскому» и «лядському» (польскому) госпиталям. В этом монастыре были похоронены и многие Гулевичи. Так, в 1630 г. Богдана Гулевич, жена Михаила Вацлавовича Калусовского, пожертвовала 50 злотых с завещанием захоронить ее тело в монастыре [7. С. 517, 518, 537].

Калусовские активно жертвовали православным храмам. Шляхтичи традиционно делали крупные денежные вклады в церкви, в которых они собирались найти свое последнее упокоение. В 1627 г. некто Юрий Калусовский внес пожертвование церкви Святого Михаила в Черницах. Среди западнорусских шляхтичей, принявших участие в избирательном сейме 8 ноября 1632 г., можно встретить также имя Дамиана Калусовского⁵⁷. Согласно составленному им в 1657 г. завещанию он передал православной церкви Святого Архангела Михаила в Радовичах 50 злотых. Аналогичное завещание захоронить себя по православному обычаю составил и проживавший в 1648 г. в селе Михали

⁵³ Список дворян Киевской губернии. Киев, 1906. С. 112.

⁵⁴ АЮЗР. Ч. 6. Т. 1. Киев, 1876. Ч. 6. Т. 1. С. 98.

⁵⁵ АЮЗР. Ч. 6. Т. 1. С. 120–122.

⁵⁶ Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. / Упор. Ю. Мищик. Т. 4: (1655–1658). Київ, 2015. Т. 4: (1655–1658). С. 407.

⁵⁷ АЮЗР. Ч. 2. Т. 1. С. 220.

шляхтич Захарий Калусовский, оставивший местному храму Святого Михаила в дар 200 злотых⁵⁸ [16. С. 536]. Таким образом, активная религиозная благотворительность атамана Петра Калнышевского была не следствием его простонародного происхождения, как полагал краевед, а скорее укоренившейся в веках традицией.

Исследователь шляхты М. Юзефович указал, что в 1700 г. принявшими католицизм Калусовскими было возведено несколько католических костелов в Константинове и Чуднове⁵⁹. Один из членов семьи Бернард Калушовский в 1733 состоял конверзом (светским братом) в Луцком доминиканском монастыре [20. С. 338]. Известностью также пользовался и пан Михаил Колушовский, мечник волынский, владевший в 1725 г. поместьями Вербницы (Вербичное) и Лоботын (Люботин), женатый на Констанции Крушельницкой⁶⁰. Скорее всего, православная и католическая ветви рода существовали параллельно друг другу. Большая часть Калусовских под своей фамилией продолжала жить на территории малороссийских губерний. К XIX в. семья расселилась по различным губерниям империи: ее представители были внесены в дворянские родословные книги Волынской (1868), Киевской (1847), Могилевской (1849, 1854), Минской (1840, 1861), Виленской и Ковенской губерний (1850)⁶¹.

Однако простонародное происхождение жены и родственников атамана может вызвать сомнения в его аристократических корнях. В данном вопросе нет противоречия. По мере увеличения числа потомков многие шляхетские семьи разорялись, дробили и теряли свои родовые земли, их потомкам приходилось уходить на новые места. Так появилось такое явление, как чиншевая шляхта — беспоместные дворяне, бравшие земельные наделы в аренду у помещика. По имущественному положению они не сильно отличались от зажиточных крестьян. В ведомостях о чиншевой шляхте Звенигородского повета Киевской губернии за 1795 и 1811 г. упоминается семья чиншевиков Калусовских, проживавших в селе Чижовка, состоявшая из главы — Василия Осиповича Калусовского 1735 г. рождения, его жены Евгении Ивановны (1741 г.), сыновей Федора и Григория с внуками Павлами, а также дочери Доминикии с внучкой Зосей (Софией Андреевной Ростовской)⁶². Значит, семью Калусовских постигла та же участь, что многие другие шляхетские семьи — разорение и переход в чинш. Отметим, что Василий Осипович был современником Петра Калнышевского.

Данное исследование не ставит точку в изучении биографии и происхождения кошевого атамана Калнышевского, скорее открывает его новую страницу. Учитывая не только шляхетское происхождение семьи, но и активное участие многих родственников в борьбе с казацкими восстаниями XVII в., можно предположить, что отец атамана осознанно использовал прозвище вместо родовой фамилии. Находит семейную предысторию и религиозная благотворительность атамана. Определен примерный круг географических объектов, связанных с историей его семьи, в материалах которых следует искать и непосредственное происхождение самого Петра Ивановича. Использование гербовой

⁵⁸ Національно-визвольна війна в Україні. С. 206, 388.

⁵⁹ АЮЗР. Ч. 4. Т. 1. Киев, 1867. С. XLI.

⁶⁰ Boniecki A. T. 9. Р. 177.

⁶¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 23 Дела о дворянстве «К», 1813–1894 гг. Опись. С. 77.

⁶² Державный архив Киевской области. Ф. 280. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 133об.; Ед. хр. 252. Л. 58.

печати говорит о том, что, несмотря на смену фамилии, Калнышевский однозначно ассоциировал себя с родом Калусовских. Более точные материалы о его родословной следует искать в различных российских, украинских и польских архивах именно по его наследственной фамилии.

Авторы статьи выражают благодарность за консультации д.и.н. К.Ю. Ерусалимскому.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР – Архив Юго-Западной России
ДАКО – Державный архив Киевской области, Киев
НАН – Национальная академия наук Украины
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва
ЦДИАК – Центральный державный исторический архив Украины, Киев
AKSS – Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5514. Расходная книга денежной казны. 1798–1799 гг.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5421. Записная тетрадь выдачи кормовых денег бывшему кошевому П.И. Колнышевскому.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5353. Л. 18. Книга расходная денежной казны 1785 г.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5390. Л. 5об. Книга расходная денежной казны 1786 г.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5413. Л. 2. Книга расходная денежной казны 1787 г.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5461. Книга расходная денежной казны. 1788 г.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5499. Приходно-расходная книга. 1789 г.
РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 5514. Книга расходная денежной казны. 1798 г.
Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 23. Дела о дворянстве «К», 1813–1894 гг. Опись.
Державный архив Киевской области (ДАКО). Ф. 280. Оп. 2. Ед. хр. 7. Ревизские сказки дробной шляхты Звенигородского повета, 1795 г.
ДАКО. Ф. 280. Оп. 2. Ед. хр. 252. Ревизские сказки шляхты Звенигородского повета, 1811 г.
Акты, относящиеся к истории западной России. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики.
Акты, относящиеся к истории южной и западной России. СПб., 1863. Т. 1. 1361–1598.
Архив Юго-Западной России (АЮЗР). Киев, 1861. Ч. 2. Т. 1. Постановления дворянских провинциальных сеймов в юго-западной России; Киев, 1888. Ч. 2. Т. 2; Киев, 1914. Ч. 3. Т. 4. Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого; Киев, 1867. Ч. 4. Т. 1; Киев, 1876. Ч. 6. Т. 1. Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI–XVIII вв. (1498–1795); Киев, 1909. Ч. 8. Т. 3. Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI–XVII вв.; Киев, 1907. Ч. 8. Т. 4. Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв.; Киев, 1907. Ч. 8. Т. 5. Акты об украинской администрации XVI–XVII вв.; Киев, 1911. Ч. 8. Т. 6. Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв.
Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. / Упор. Ю. Мицик. Київ, 2013. Т. 2: (1650–1651); Київ, 2015. Т. 4: (1655–1658).
Документи Брацлавського воеводства 1566–1606 років. / Упор. М. Крикун, О. Піддубняк. Львів, 2008.
Летопись событий Самоила Величка. Издана временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1864. Т. 4. Приложения.

Національно-визвольна війна в Україні. 1648–1657. Збірник за документами актових книг. В.В. Київ, 2008.

Опись актовой книги Киевского центрального архива № 2049. / Сост. И.М. Каманин. Киев, 1893.

Опись актовой книги Киевского центрального архива. Житомирская городская, записовая и поточная, 1590, 1601, 1602, 1612, 1613, 1621, 1622, 1623, 1627, 1629, 1635, 1636, 1638, 1642 и 1644 годов / Сост. К. Козловский. Киев, 1872.

Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Минск: Бел. навука, 2003. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1.

Правобережний гербівник. / Уклад Є. Чернецький. Біла Церква: Вид. Олександр Пшоньківський, 2006. Т. 1. Шляхта Васильківського, Таращанського та Звенигородського повітів.

Руська (Волинська) метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воєводства). 1569–1673. Київ, 2002.

Список дворян Киевской губернии. Киев, 1906.

Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie (AKSS). / Wyd. Br. Gorczak. Lwow, 1887. Т. 1. 1366–1506; Lwow, 1890. Т. 3. 1432–1534; Т. 4. 1535–1547; Lwow, 1910. Т. 6. 1549–1577.

Boniecki A. Herbarz polski. Warszawa, 1904. Т. 7; Warszawa, 1906. Т. 9.

Gorczyński J.A. Herby Królestwa Polskiego. Krakow, 1653.

Niesiecki K. Herbarz polski. Lipsk, 1840. Т. 5.

Ostrowski J. Księga herbowa rodów polskich. Warszawa, 1897. Zeszyt I, Zeszyt II.

Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Krakow, 1584.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Алфьоров О., Однороженко О.* Українські особові печатки XV–XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ. Харків: Просвіта, 2008.
2. *Ворончук І.О.* Родоводи Волинської шляхти XVI – першої половини XVII ст.: реконструкція родинних структур: методологія, методика, джерела. Київ: Вища школа, 2009.
3. *Гаврилюк І.В.* 3 історії надвірних військ українських магнатів (1653–1655 рр.) // Київська старовина. 2011. Вип. 5(401).
4. *Грибовський В.* Калнишева сім'я // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2011. Т. 23. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. С. 81–91.
5. *Грибовський В.* Петро Калнишевський: нарис біографії. // Петро Калнишевський та його доба. Документи та матеріали. / Упоряд. В. Грибовський, В. Мільчев, І. Синяк. Київ: Видавництво, 2009.
6. Девятисотлетие Православия на Волыни. 992–1892 г. Житомир, 1892. Ч. 1.
7. *Довбищенко М.В.* Волинська шляхта у релігійних рухах (кінець XVI перша половина XVII ст.). Київ, 2008.
8. *Ефименко П.С.* Калнишевский, последний атаман Запорожской Сечи // Русская старина. 1875. Т. 14. Ноябрь 1875.
9. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. I.
10. *Жукович П.Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901.
11. *Коцур Г.Г.* Евангелия, подаренные кошевым атаманом Запорожской Сечи Петром Калнышевским // Вестник академии знаний. Краснодар. № 4 (7). 2013.
12. *Кулаковский П.* Козацьке посольство на сейм 1659 року // Гадяцька унія 1658 року. Київ, 2008. С. 109–127.
13. *Лисенко С., Чернецький Є.* Правобережна шляхта (кінець XVIII–XIX ст.). Біла Церква: Вид. О.В. Пшоньківський, 2007.
14. *Літвін Г.* З народу руського. Шляхта Київщини, Волині та Брацлавщини (1569–1648) / Пер. з польськ. Лесі Лисенко. Київ, 2016.
15. *Ніколаїчук Ф.* Родина Калнишевского // Киевская старина. 1892. Т. 37. Май 1892 г.
16. *Однороженко О.А.* Українська родова геральдика доби середньовіччя та раннього модерну (XIV–XVIII ст.). Дисертація доктора історичних наук. Київ, 2009.

17. Плевако І.Г. Сеймик Волинського воеводства в другій половині XVII століття. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Львів, 2007.
18. Рудницький Ю. Ієремія Вишневецький: спроба реабілітації: есеїстична розвідка. Львів, 2008.
19. Сас П.М. Чесний рицар Петро Конашевич-Сагайдачний. Київ: Інститут історії України, 2012.
20. Сінкевич Н.О. Laudare benedicere praedicare: Домініканський орден на Волині в кінці XVI – на початку XIX ст. Київ: Кайрос, 2009.
21. Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Сост. из подлинных документов Запорожского сечевого архива. 2-е изд. Одесса, 1846. Ч. 2, 3.
22. Старченко Н.П. Стратегії та ритуали конфлікту: шляхетський соціум Волині зламу XVI і XVII ст. Джерела та інтерпретації. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2020.
23. Степанков В.В. Політична еліта України: процеси становлення, сфера діяльності, міжгрупові взаємини, політичні погляди (1648–1676 рр.). Дисертація кандидата історичних наук. Кам'янець-Подільський, 2019.
24. Теодорович Н.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Почаев, 1889. Т. 5. Уезды Ровенский, Острожский и Дубенский.
25. Теодорович Н.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Почаев, 1903. Т. 5. Ковельский уезд.
26. Україна в Центрально-Східній Європі. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2015. Вип. 15.
27. Цинкаловський О. Стара Волинь і Волинське Полісся. (Краєзнавчий словник – від найдавніших часів до 1914 року). Вінніпег, 1984. Т. 1.
28. Эварницкий Д.И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский. Новочеркасск, 1887.
29. Эварницкий (Яворницкий) Д.И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб., 1888. Т. 2.
30. Яковенко Н.М. Шляхта в козацькій революції середини XVII ст. (полемічні зауваги до схеми В'ячеслава Липинського) // Козацькі війни XVII століття в історичній свідомості польського та українського народів. Львів; Люблін, 1996. С. 21–30.
31. Mediaevalia ucraïnica: Ментальність та історія ідей. Київ, 1998. Т. 5.

REFERENCES

1. Alf'orov O., Odnorozhenko O. *Ukrains'ki osobovi pechatky XV–XVII st. za materialamy kyivs'kykh arkhivoskhovyshch*. Kharkiv: Prosvita, 2008. (In Ukrain.)
2. *Deviatysolettie Pravoslaviia na Volyni*. 992–1892 g. Zhitomir, 1892. Ch. 1. (In Ukrain.)
3. Dovbyshchenko M.V. *Volyns'ka shliakhta u relihiinykh rukhakh (kinets' XVI persha polovyna XVII st.)*. Kyiv, 2008. (In Ukrain.)
4. Evarnitskii (Iavornitskii) D.I. *Zaporozh'je v ostatkakh stariny i predaniakh naroda*. SPb., 1888. T. 2. (In Russ.)
5. Evarnitskii D.I. *Poslednii koshevoi ataman Pëtr Ivanovich Kalnishevskii*. Novocherkassk, 1887. (In Russ.)
6. Havryliuk I.V. Z istorii nadvirnykh viis'k ukrains'kykh mahnativ (1653–1655 rr.). *Kyivs'ka starovyna*. 2011. Vyp. 5 (401) (In Ukrain.)
7. Hrybovs'kyi V. Kalnysheva sim'ia // *Scientific notes. Collection of works of young scientists and graduate students*. Kyiv, 2011. P. 81–91. Vol. 23. Institute of Ukrainian Archaeography and Source Studies of NAS of Ukraine. (In Ukrain.)
8. Hrybovs'kyi V. Petro Kalnishevs'kii: naris biografii. *Petro Kalnishevs'kii and his epoch. Documents and materials* / Compilers: V. Hrybovs'kyi, V. Mil'chev, I. Siniak. Kyiv: Vidavnistvo, 2009. (In Ukrain.)
9. Iakovenko N.M. Shliakhta v kozats'kii revoliutsii seredyny XVII st. (polemichni zauvahy do skhemy V'iateslava Lypyns'koho). *Cossack wars of the XVII century in the historical consciousness of the Polish and Ukrainian peoples*. Lviv; Lublin, 1996, Pp. 21–30. (In Ukrain.)
10. Jefimenko P.S. Kalnishevskii, poslednii ataman Zaporozhskoi Sechi // *Russkaia starina*. Tom 14. Noiabr' 1875. SPb., 1875. (In Russ.)
11. Kotsur G.G. Jevangeliia, podarennyje koshevym atamanom Zaporozhskoi Sechi Petrom Kalnyshevskim // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. Krasnodar. № 4(7). 2013. (In Russ.)
12. Kulakovs'kyi P. Kozats'ke posol'stvo na seim 1659 roku. *The Treaty of Hadiach, 1658*. Kyiv, 2008. P. 109–127. (In Ukrain.)

13. Litvin H. *Z narodu rus'koho. Shliakhta Kyivshchyny, Volyni ta Bratslavshchyny (1569–1648)* / Per. z pol's'k. Lesi Lysenko. Kyiv, 2016. (In Ukrain.)
14. Lysenko S., Chernets'kyi Ie. *Pravoberezhna shliakhta (kinets' XVIII–XIX st.)*. Bila Tserkva: Vyd. O.V. Pshon'kivs'kyi, 2007. (In Ukrain.)
15. *Mediaevalia ucrainica: Mental'nist' ta istoriia idei*. Kyiv, 1998. T. 5. (In Ukrain.)
16. N[jkolaichuk]. F. Rodina Kalnishevskogo. *Kijevskaia starina*. 1892. T. 37. Mai. (In Ukrain.)
17. Odnorozhenko O.A. *Ukraïns'ka rodova heral'dyka doby seredn'ovichchia ta rann'oho modernu (XIV–XVIII st.)*. Dysertatsiia doktora istorychnykh nauk. Kyiv, 2009. (In Ukrain.)
18. Plevako I.H. *Seïmyk Volyn'skoho voevodstva v druhii polovyni XVII stolittia*. Avtoferat dysser-tatsiï na zdobuttia naukovoï stupenia kandydata istorychnykh nauk. L'viv, 2007. (In Ukrain.)
19. Rudnyts'kyi Iu. *Ieremiia Vyshnevs'kyi: sproba reabilitatsiï: eseïstychna rozvidka*. L'viv, 2008. (In Ukrain.)
20. Sas P.M. *Chesnyï rytsar Petro Konashevych-Sahaidachnyi*. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny, 2012. (In Ukrain.)
21. Sinkevych N.O. *Laudare benedicere praedicare: Dominikans'kyi orden na Volyni v kintsi XVI – na pochatku XIX st.: monohrafiia*. Kyiv: Kaïros, 2009. (In Ukrain.)
22. Skal'kovskii A.A. *Istoriia Novoi Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo. Sost. iz podlinnykh do-kumentov Zaporozhskogo sechevogo arkhiva*. 2-je izd. Odessa, 1846. Ch. 2, 3. (In Russ.)
23. Starchenko N.P. *Stratehii ta rytualy konfliktu: shliakhets'kyi sotsium Volyni zlamu XVI i XVII st. Dzherela ta interpretatsiï*. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny NANU, 2020. (In Ukrain.)
24. Stepankov V.V. *Politychna elita Ukraïny: protsesy stanovlennia, sfera diial'nosti, mizhhrupo-vi vzaïemyny, politychni pohliady (1648–1676 rr.)*. Dysertatsiia kandydata istorychnykh nauk. Kam'ianets'-Podil's'kyi, 2019. (In Ukrain.)
25. Teodorovich N.I. *Istoriko-statisticheskoe opisanije tserkvei i prikhodov Volynskoi jeparkhii*. Pocha-jev, 1889. T. 2. Ujezdy Rovenskii, Ostrozhs'kii i Dubenskii. (In Russ.)
26. Teodorovich N.I. *Istoriko-statisticheskoe opisanije tserkvei i prikhodov Volynskoi jeparkhii. Kov-el'skii ujezd*. Pochajev, 1903. T. 5. (In Russ.)
27. Tsynkalovs'kyi O. *Stara Volyn' i Volyn's'ke Polissia. (Kraïeznavchyï slovnyk – vid naïdavnishykh chasiv do 1914 roku)*. Winnipeg, 1984. T. 1. (In Ukrain.)
28. *Ukraïna v Tsentral'no-Skhidniï Ievropi*. Kyiv: Instytut istoriï Ukraïny NANU, 2015. Vyp. 15. (In Ukrain.)
29. Voronchuk I.O. *Rodovody Volyn's'koï shliakhty XVI – pershoï polovyny XVII st.: rekonstruktsiia ro-dynnykh struktur: metodolohiia, metodyka, dzherela*. Kyiv: Vyshcha shkola, 2009. (In Ukrain.)
30. *Zhizn' kniazia Andreia Mikhailovicha Kurbskogo v Litve i na Volyni*. T. 1. Kijev, 1849. (In Russ.)
31. Zhukovich P.N. *Seimovaia bor'ba pravoslavnogo zapadnorusskogo dvorianstva s tserkovnoi uniei (do 1609 g.)*. SPb., 1901. (In Russ.)

Информация об авторах

Анатолий Анатольевич Оксенюк,
 кандидат исторических наук,
 заместитель директора Государственного
 научно-исследовательского музея
 архитектуры им. А.В. Щусева по научной
 работе, г. Москва, Российская Федерация;
 ORCID 0000-0003-3974-7075
 oksenuk2@yandex.ru

**Владимир Владимирович
 Хутарев-Гарнишевский**,
 кандидат исторических наук,
 старший преподаватель Московского
 государственного института культуры,
 г. Химки, Российская Федерация;
 ORCID 0000-0001-9218-0739
 w.hutarew@gmail.com

Information about the author

Anatolii A. Oksenyuk,
 Candidate of Historical Sciences,
 Deputy Director
 of the A.V. Shchusev State Research
 Museum of Architecture;
 ORCID 0000-0003-3974-7075
 oksenuk2@yandex.ru

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky,
 Candidate of Historical Sciences,
 Senior Lecturer at the
 Moscow State Institute of Culture;
 ORCID 0000-0001-9218-0739
 w.hutarew@gmail.com

Славяноведение, 2021, № 4, с. 79–101

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 79–101

DOI: 10.31857/S0869544X0015973-3

Оригинальная статья /
Original Article

Еще раз к вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина

© 2021 г. Н.В. Пак

Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

nataliya.pak@gmail.com

Аннотация. Житие Антония Римлянина, авторство которого приписывается рукописной традицией игумену новгородского Антониева монастыря Андрею, ученику и духовному отцу Антония, известно в двух редакциях. В настоящей статье вводятся в научный оборот литературные источники редакции Б, благодаря которым подтверждается гипотеза Е.Д. Захаровой о том, что редакция Б вторична по отношению к редакции А, и появляется возможность датировать редакцию Б XVI в. Время создания более ранней редакции А остается неизвестным.

Ключевые слова: восточнославянская агиография, древнерусская агиография, критика текста, текстология, Житие Антония Римлянина, Кирилл Скифопольский, Житие Евфимия Великого, Житие Зосимы и Савватия Соловецких.

Благодарность. Благодарю И.Б. Фрейдмана, советника Генерального директора Новгородского музея-заповедника, за любезно предоставленную копию сборника материалов международной конференции «Антоний Римлянин и его время».

Ссылка для цитирования: Пак Н.В. Еще раз к вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 79–101. DOI: 10.31857/S0869544X0015973-3.

Once again to the question of the editions of the Life of Antonius the Roman

© 2021 N.V. Pak

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
(St. Petersburg, Russian Federation)

nataliya.pak@gmail.com

Abstract. The Life of Antonius the Roman, in the manuscript tradition attributed to hegumen of the Antoniev monastery in Novgorod Andreas, who was a disciple and spiritual father of Antonius, is known in two editions. In this article, the literary sources of edition B are introduced into scientific use, thanks to which the hypothesis of E.D. Zakharova that edition B is secondary towards the edition A is confirmed and it becomes possible to date the edition B to the XVIth century. The time of creation of the earlier edition A remains unknown.

Keywords: East Slavic hagiography, Old Russian hagiography, textual criticism, Life of Antonius the Roman, Cyril of Scythopolis, Life of Euthymios the Great, Life of Zosimas and Sabbatius of Solovki.

Acknowledgement. I am grateful to Isak Freidman, the Adviser to the General Director of the Novgorod Museum-Reserve, for kindly providing a copy of the proceedings of the international conference «Antony the Roman and His Time».

Reference for citation: Pak N.V. Once again to the question of the editions of the Life of Antonius the Roman // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No 4. P. 79–101. DOI: 10.31857/S0869544X0015973-3.

Житие Антония Римлянина (†3 августа 1147 г.), создателя новгородского Антониева монастыря в честь Рождества Богородицы, принадлежит к числу малоизученных восточнославянских агиографических памятников. Повествование в Житии ведется от лица второго игумена монастыря Андрея (1147–1157 гг.), ученика и духовного отца Антония, который упомянут в заглавии памятника в качестве автора: «Житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония Римлянина, игумена бывшаго в Великомъ Новѣградѣ и создавшаго монастырь и храмъ во имя честнаго и славнаго Ея Рождества Пречистыя Владычицы нашея и Приснодевы Марии. Списано тоя же обители ученикомъ его священноинокомъ Андреемъ, иже бысть отецъ его духовный и по немъ тоя же обители игуменомъ» [10. С. 8]. Однако большинство исследователей относят сохранившийся текст не к XII в., а к XVI в., не исключая, что в его основе может лежать более раннее жизнеописание, действительно написанное учеником Антония Андреем [15. С. 170–171; 36. С. 246; 19. С. 675; 29. С. 173]. Существуют также обоснования датировки Жития более ранним временем: М.Н. Тихомиров отождествляет игумена Андрея с тезоименным игуменом, который упоминается в летописи под 1499 г., и датирует Житие концом XV в. или началом XVI в. [34. С. 235–238, 241]; Н.А. Макаров отмечает близость ярко выраженной антилатинской направленности Жития к некоторым сочинениям конца XV – начала XVI в., в частности к Повести о новгородском Белом Клобуке, а также их сюжетную близость и на этом основании датирует Житие 90-и годами XV в. [16. С. 203].

Житие Антония Римлянина не вошло в Великие Минеи Четьи митрополита Макария; иногда этот факт рассматривается как свидетельство того, что в период составления корпуса Житие еще не существовало [6. С. 591; 11. С. 147; 3. С. 97; 23. С. 21].

В большинстве списков Житие имеет пространное предисловие (нач. «Понеже всякъ без мысли начиная вещь, якоже во тмѣ шествуетъ...») и сопровождается Похвальным словом и Сказанием о чудесах и обретении мошей («О преложении честнаго и многочюдеснаго тѣла преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония чудотворца Римлянина, иже в Великом Новѣграде», нач. «По преставлении же преподобнаго отца нашего Антония чудотворца лѣтомъ минувшимъ 451-му лѣту...»). Последний памятник подписан именем Нифонта, монаха Антониева монастыря, который был одним из инициаторов открытия мошей Антония, состоявшегося 1 июля 1597 г. Кроме имени автора Сказание содержит точную дату написания – 22 марта 1598 г. Некоторые исследователи приписывают Нифонту также составление или редактирование Жития [15. С. 171; 13. С. 306–311; 6. С. 590–592; 4. С. 295–300; 10. С. 755], но эта атрибуция не общепризнана [34. С. 235; 11. С. 147–148; 37. С. 141]. Вероятным

автором Жития и Похвального слова называли также книжника макарьевско-го круга игумена новгородского Хутынского монастыря Маркелла, который в 1558 г. оставил игуменство и прожил шесть месяцев в Антониевом монастыре [16. С. 203–204. Прим. 2; 29. С. 173].

В XVII в. была сделана запись чудес, датированных 1646–1678 гг. Из поздних переработок Жития известны проложная редакция, помещенная под 3 августа в печатном Прологе 1643 г. [19. С. 676], переработка новгородского книжника Бориса Козынина, сохранившаяся в единственной рукописи XVII в.¹, и редакция Четьих Миней Димитрия Ростовского [11. С. 140. Прим. 8; 35. С. 47–53]. В XIX в. печорским книжником Иваном Степановичем Мяндиным была составлена старообрядческая редакция Жития [5. С. 879–884].

Рукописная традиция памятника довольно обширна, хотя и уступает по количеству списков не только Житию Сергия Радонежского², но и Житию Зосимы и Савватия Соловецких³, Сказанию об убиении Бориса и Глеба⁴, житиям Александра Свирского⁵, Варлаама Хутынского⁶ и Леонтия Ростовского⁷. Н.П. Барсуковым собраны сведения о 49 списках XVI–XVIII вв. [2. Стлб. 48–50], Е.Д. Захаровой — еще о 82 списках XVI–XIX вв. [11. С. 137–139]; семь списков XVII–XIX вв. из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника проанализированы Н.А. Пикалевой [21] и позднее кратко описаны Д.Б. Терешкиной [33. С. 59–67]. Таким образом, в настоящее время известны примерно 130 списков Жития Антония Римлянина⁸.

Текстологический анализ 34 списков, проведенный Е.Д. Захаровой, выявил две редакции памятника, условно называемые редакциями А и Б [11. С. 140–144]. Основные разночтения редакций приходятся на ту часть текста, в которой говорится о преставлении Антония: «Во всем произведении, а здесь в особенности, редакция Б более распространена, более многословна, нежели редакция А. Имеются в виду следующие отрывки.

а) Обращение братии к Антонию с просьбой избрать игумена в редакции Б в два раза превышает объем этого отрывка в редакции А.

б) Отрывок об избрании игуменом инок Андрея. В редакции Б об этом говорит сам Антоний в пространном обращении к братии. В редакции А такое обращение отсутствует — здесь об избрании сообщает инок Андрей.

в) Редакция Б содержит текст наставления умирающего Антония своему преемнику, которое переходит в наставление всей братии. Этот отрывок полностью отсутствует в редакции А. [...]

¹ РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). № F.I.729. 80-е гг. XVII в. (см. [25. С. 135–144]).

² Исследователи насчитывают около 450 списков разных редакций Жития [9. С. 265. Прим. 1].

³ С.В. Минеевой проанализировано 360 списков XVI–XVII в. [17. С. 15]. Этот памятник назван одним из самых популярных произведений древнерусской агиографической литературы XVI в. [17. С. 9].

⁴ Наиболее полный обзор списков памятника содержит сведения о 226 рукописях [40. Р. 1–82].

⁵ Около 300 списков середины XVI–XIX вв. упоминаются А.Е. Соболевой [32. С. 293].

⁶ 199 списков разных редакций Жития и 23 фрагмента привлечены к анализу Л.А. Дмитриевым [8. С. 271–281].

⁷ Сохранилось более чем в 200 списках [38. С. 159–160].

⁸ Точное число списков нельзя назвать без детальной проверки перечней. Так, Н.П. Барсуковым не указаны номера двух рукописей из собрания Н.С. Тихонравова, вследствие чего невозможно установить их современные шифры; перечень Е.Д. Захаровой дублирует некоторые списки Барсукова (например № 5, 26, 31, 34, 38, 43); среди семи новгородских списков один относится к редакции Димитрия Ростовского [21. С. 76; 33. С. 60].

г) Редакция Б передает расширенный, по сравнению с редакцией А, текст обращения Антония к братии перед смертью уже после того, как им избран новый игумен.

д) Редакция Б также пространнее передает текст заповеди Антония братии» [11. С. 142].

Различия редакций в других частях текста характеризуются следующим образом:

«1. Редакция Б использует прием “перехода” от одной части повествования к другой, что усиливает стилистическую связность текста. [...]

2. Текст редакции А более конкретен в “географическом” отношении. Ее автор был, очевидно, жителем Новгорода. [...]

3. Редакция А более последовательно сохраняет авторское “я” инок Андрея, нежели редакция Б. [...] В большинстве случаев прямая речь инок Андрея исключается из редакции Б. Очевидно, редакция А полнее отразила в себе элементы предполагавшейся В.О. Ключевским безыскусной записки, которая могла быть составлена в Антониевом монастыре» [11. С. 143–144].

В результате анализа исследовательница приходит к такому выводу: «Проведенное сопоставление позволяет говорить о более полном, более обработанном тексте Жития в редакции Б и менее искусном, более конкретном в редакции А. Возможно, редакция Б являлась переделкой более ранней редакции А, причем переделка носила в основном характер вставок и распрощаний текста редакции А» [11. С. 144].

По предварительным данным можно заключить, что редакция Б была менее известна, чем редакция А: Е.Д. Захарова отнесла к редакции А 28 из просмотренных ею 34 списков Жития, а к редакции Б — шесть списков [11. С. 141–142]; Н.А. Пикалева отнесла пять из семи новгородских списков к редакции А и один список — к редакции Б [21. С. 76].

Гипотеза Е.Д. Захаровой о взаимоотношении редакций Жития Антония Римлянина не была ни опровергнута, ни подтверждена никем из исследователей. Более того, даже выделение двух редакций в некоторых работах ставится под сомнение. Так, Фр. Ромоли пишет о двух вариантах единственной редакции Жития [24. С. 145–146; 23. С. 13], не приводя для своих текстологических построений никакой аргументации. Автор при этом не упоминает единственную работу, посвященную редакциям Жития [11], и проводит свой анализ на материале редакции Б по изданию 1858 г. (с ошибочным указанием 1848 г.). Первый вариант текста по Ромоли (он отнесен к 70–80 годам XVI в., «к эпохе установления в Новгороде местного почитания святого») соответствует редакции Б по Захаровой, второй вариант текста (отнесен к последним годам XVI в., «когда перенесением мощей святого завершился процесс установления его культа, к Житию прибавили предисловие, похвальное слово и сказание об обретении мощей и случившихся тогда чудесах») — редакции А по Захаровой. Можно догадываться, что исследовательница основывается на распространенном представлении о том, что предисловие к Житию, Похвальное слово и Сказание о чудесах и обретении мощей написал один автор — монах Нифонт [23. С. 13, 21], и на дате, содержащейся в Сказании, — 22 марта 1598 г., которую расширительно понимает как дату написания всех перечисленных произведений. Наконец, Д.Б. Терешкина отмечает, что разночтения

в редакциях А и Б, выделенных Е.Д. Захаровой, «не столь значительны, чтобы считать их полноценными переработками текста» [33. С. 62].

Посвящая отдельную работу проблеме источников Жития Антония Римлянина, А.Ю. Яковенко формулирует задачи, «без решения которых [...] невозможно двигаться дальше» [39. С. 199]. Таковыми, по мнению исследователя, являются «проблема влияния на рукописно-книжную традицию Жития источников англосаксонского и ирландского круга⁹ (включая типологизацию икон, явленных в воде), проблема влияния культа святителя Николая (и культа воды, родников?) на текст Жития; проблема обращения к итальянскому наследию на Руси в XV–XVI вв. и др.» [39. С. 199].

В настоящей статье решаются частные текстологические задачи изучения Жития Антония Римлянина и предлагаются дополнительные аргументы в пользу предположения Е.Д. Захаровой о зависимости более поздней редакции Б от более ранней редакции А и о том, что мы имеем дело со вставками в редакции Б (а не с пропусками в редакции А). Эти аргументы лежат в области источников Жития, которыми, по крайней мере для редакции Б, вопреки ожиданиям, оказались жития русских и византийского святых.

Исследователями было отмечено, что в Житии использованы духовная грамота Антония Римлянина и купчая на монастырские земли, поданная в 1573 г. игуменом Антониева монастыря Мисаилом царю Ивану IV по поводу тяжбы за землю с новгородскими посадскими людьми [13. С. 307–308; 4. С. 295–300; 34. С. 236]. Сопоставляя редакции Жития, Е.Д. Захарова приходит к выводу, что обе редакции «использовали духовную грамоту Антония, причем редакция Б использовала ее полнее» [11. С. 143]. В редакции Б, отмечает исследовательница, «как и в духовной, присутствует мысль о том, что без позволения братии ни один из нее не может стать игуменом. Эта мысль отсутствует в списках редакции А» [11. С. 143].

С выводом Е.Д. Захаровой о том, что составители обеих редакций обращались к духовной Антония Римлянина и что редакция Б распространяет текст редакции А, согласуется еще один факт.

В описании преставления Антония редакция Б содержит девять вставок из Жития Зосимы и Савватия Соловецких, при этом в редакции А заимствованных эпизодов не обнаруживается. Курсивом выделены изменения, сделанные в редакции Б по сравнению с редакцией А, полужирным шрифтом — заимствования из Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Эпизод преставления приводится без сокращений по двум редакциям. Эпизод преставления Зосимы Соловецкого приводится также без сокращений. Строчными буквами а), б), в), д) обозначены выделенные Е.Д. Захаровой эпизоды¹⁰; прописными буквами А), Б), В), Г), Д), Е), Ж), З), И) — вставки из Жития Зосимы и Савватия Соловецких.

⁹ Впервые мотив плаванья на камне по морю в Житии Антония Римлянина связал с ирландской агиографией М.Ф. Мурьянов [18. С. 427]; см. также [31. С. 29]. О возможных фольклорных источниках этого мотива см. [26. С. 51–84; 27. С. 3–36; 14. С. 77–85].

¹⁰ Соотнести описание эпизода г) с конкретным местом Жития не удалось.

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
И, увѣдѣвъ преподобныи свое отшествие к Богу, призвавъ мя и нарече мене себѣ отца духовнаго, и добръ исповѣдавъ со слезами. И повѣда моему окаянъству преподобныи свое пришествие из Рима, и о камени, и о сосудѣ древяномъ — о делвѣ, сирѣчь о бочкѣ, еже исперва писано. И повелѣ ми вся сия по преставлении своемъ написати и Церкви Божии предати, чтущимъ и послушающимъ на пользу души и на исправление добрыхъ дѣлъ, в славу и честь Святѣи и Живоначалнѣи и Нераздѣлимѣи Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистѣи Богородицѣ. Мнѣ же о семъ в велицѣхъ удивлении бывшу. Преподобныи же Антонии призва братию и рече имъ: «Братия моя и спостницы, молю убо васъ, се нынѣ отхожду от жизни сея ко Господу Богу моему Иисусу Христу, да молитесь за мя Бога и Пречистую Богородицу по преставлении моемъ, да измут милостивии аггели душу мою и да избѣгну сѣтеи вражиихъ и от воздушныхъ мытарствъ вашими святыми молитвами, понеже грѣшенъ есмь. Вы же изберите себѣ на игуменство от братии на мое мѣсто отца и учителя, и пребудите у него въ постѣ и в молитвѣ, и в трудѣхъ, в пощениихъ и во бдѣннихъ, и въ слезахъ,	<i>О преставлении преподобнаго отца нашего Антония Римлянина. //</i> И увѣдѣ преподобныи свое отшествие к Богу. Призва мене, священноинока Андрея. И нарече себѣ мене отца духовнаго, и добръ исповѣдавъ со слезами, и повѣда моему окаянъству преподобныи свое пришествие из Рима — и о камени, и о сосудѣ древяномъ о делви, сирѣчь о бочки, еже исперва писана. И повелѣ ми вся сия по преставлении своемъ написати и церкви Божии предати, чтущимъ и слушающимъ на ползу души, и на исправление добрыхъ дѣлъ въ славу и в честь Святѣи и Живоначалнѣи неразѣлимѣи Троицы, Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистѣи Богородицы. Мне же о семъ в велицѣхъ удивлении бывшу. <i>И по семъ</i> призва братию, и рече имъ: «Братия моя и спостницы, молю убо васъ. Се нынѣ отхожду от жизни сея къ Господу Богу моему Иисусу Христу. Да молитесь за мя <Бога>¹² и Пречистую Богородицу въ преста//влении моемъ. Да измут аггели милостивии душу мою, и да избѣгну сѣтеи вражиихъ от воздушныхъ мытарствъ вашими святыми молитвами. Понеже грѣшенъ есмь. Вы же изберите себѣ на игуменство от братии на мое мѣсто отца и учителя. И пребудите у него в постѣ, и в молитвахъ, и во трудѣхъ, во бдѣннихъ, и во слезахъ. <i>Еще же молю вы, о немже изыдосте, о томъ и подвижаетесь и о своемъ спасении не нерадите.</i>	О преставлении преподобнаго Зосимы¹¹. И по сихъ(ъ) разумѣвъ рабъ Божий Зосима игуменъ отхождение свое къ Господу, и призываетъ(ъ) братию, и глаголаше: «Се убо, о чада и братия, отхожу свѣта сего и предаю васъ(ъ) Всемилостивому Богу и Пречистѣи Богородици. То кого хотите имѣти съ Богомъ игумена вмѣсто мене?»

¹¹ Здесь и далее текст рукописных источников цитируется в упрощенной орфографии; восстановленные буквы, которых нет в рукописи, в неоднозначных случаях заключаются в круглые скобки.

¹² В рукописи отсутствует, восстановлено по списку: РНБ. Ф. 717. № 984/1093.

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
еще же и в любви меж себе,	<i>И миръ и любовь между собою имѣте. И милостыни прилежите, и страннолюба не забываете. И аще тако пребудете, обитель сва Пречистыя Богородица никогда же не оскудѣет.</i>	
и в послушании ко игумену и ко отцемъ своимъ духовнымъ и ко старѣшимъ братии, писано бо есть: «Блажени ниции духомъ, яко тѣхъ есть Царство Небесное; блажени плачущиися, яко тии утѣшатся; блажени кротцыи, яко тии наслѣдятъ землю; блажени алчущи и жаждущи правды ради, яко тии насытятся; блажени милостивии, яко тии помиловани будут; блажени чистии сердцемъ, яко тии Бога узрятъ; блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекуются; блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть Царство Небесное; блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ вы, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуше имени моего ради; радуитесь и веселитесь, яко мзда ваша много есть на небесѣхъ».	Еще же молю вы, пребудите в послушании ко игумену, и ко отцемъ своимъ духовнымъ, ко старѣшимъ ¹³ братии. Писано бо есть: «Блажени ниции духомъ, яко тѣхъ есть Царство Небесное. Блажени // плачущеися, яко тии утѣшатся. Блажени кротцыи, яко тии наслѣдятъ землю. Блажени алчущи и жаждущи правды, яко тии насытятся. Блажени милостивии, яко тии помиловани будут. Блажени чистии сердцемъ, яко тии Бога узрятъ. Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекуются. Блажени изгнани правды ради, яко техъ есть Царство Небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ вы, и рекутъ всякъ зол глаголь, на васъ лжуше имени Моего ради. Радуитесь и веселитесь, яко мзда ваша много есть на небесѣхъ».	
И ина многая преподобныи наказавъ братии, поучивъ яже ко спасению.	И ина многа преподобныи наказавъ братии, и поучивъ яже ко спасению.	
а) Братия же, видѣвше преподобнаго в послѣднѣмъ издыхании, быша в велицѣмъ умилении, и в сѣтовании, и въ слезахъ многихъ, и рекоша: «О, добрыи нашъ пастырю и учителю, се нынѣ уже зримъ тя в послѣднемъ издыхании на кончинѣ вѣка. И нынѣ к кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточныхъ словесъ учения, и кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ?	а) Братия же, видѣвше преподобнаго в послѣднѣмъ издыхании, быша в велицѣмъ умилении, и в сѣтовании, и во слезахъ многихъ. И рекоша: «О, добрыи нашъ пастырю и учителю, // се нынѣ уже зримъ тя в послѣднемъ издыхании на кончинѣ вѣка. И нынѣ к кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточныхъ ¹⁴ словесъ учения? И кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ?	Братия же вси, яко едиными усты, възопиша, глаголюще: «Хотѣли быхомъ(ъ), отче пастырю и наставниче нашъ, вси погребени быти с тобою. Нѣ не есть то воля наша. Инъ бо есть судъ(ъ) Божии, и инъ человѣческый.

¹³ В публикации ошибочно «старѣшими».

¹⁴ В публикации ошибочно «медоточивыхъ».

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обрящещи пред Богомъ милость по отшествии своем от жизни сея, моли о нас неослабно Бога и Пречистую Богородицу. И здѣся, господине, избери намъ игумена от братии нашея, якоже годѣ твоѣи святыни, понеже тебѣ вся наша духовная таина извѣстна».	Но молим тя, угодниче Спасовъ, аще обрящещи пред Богомъ благодѣ и милость, и по отшествии своем от жизни сея моли о нас неослабнѣ Бога и Пречистую Богородицу. <i>см. ниже</i> А) Ты бо, отецъ наш, при тлѣннѣм сем житии имѣлъ еси попечение о нашемъ смирении. Молимъ тя, не остави насъ сирыхъ, и по твоѣмъ отшествии къ Богу. Б) А иже извѣсти отшествие твое къ Себѣ на вѣчныя обители Владыка Христосъ Богъ нашъ, тои можетъ тобою подати намъ пастыря и учителя, егоже хоцетъ, и правителя нашему спасению, и твоего преподобства // благословение и молитвы». В) И сиа рекше умолчаша, плачуще с рыданиемъ многымъ. б) Блаженныи же глагола имъ: «Чада моя, се уже предаю васъ в руцѣ Господни и Пречистыя Богородици. А о игуменѣ возложисте на Господа Бога и Пречистую Богородицу, и на наше смирение. То уже наставникъ вамъ вмѣсто мене да будетъ отецъ мои духовныи священноинокъ Андреи».	Б) А иже ти извѣсти отшествие твое къ Себѣ на вѣчныя обители Владыка Христосъ Богъ нашъ, то можетъ тобою подати намъ пастыря и учителя, егоже хоцетъ, тои и будетъ намъ наставникъ и правитель къ нашему спасению и твоего преподобства // благословение и молитвы. А) Ты бо, отецъ нашъ, при тлѣннемъ семъ житии имѣлъ еси попечение о нашемъ смирении. Молимъ(ъ) тя, отче, не остави насъ(ъ) сирыхъ(ъ) и по твоѣмъ отшествии къ Богу». <i>см. выше</i> В) И сиа рекше, умолчаша, плачуще рыданиемъ многымъ(ъ). Блаженныи же глагола имъ: «Чада моя, се уже предаю васъ в руцѣ Господни и Пречистыи Богородици. А о игумени възложисте на Господа Бога и Пречистую Богородицу, и на наше смирение. То уже наставникъ вамъ вмѣсто мене да будетъ Арсении».
б) Преподобныи же Антонии, избираетъ на игуменство и благословляетъ нашу худость, понеже быхъ ему исперва ученикъ и потомъ отецъ духовныи, како пасти христоименитое стадо.		

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
	в) <i>И тако предасть ему монастырь, и братию ему вручивъ, глаголя: «Се убо, брате Андрее, оставляю тя съ Богомъ строителя и кормника обители сеи святѣи. И всю братию о Бозѣ собранную.</i> <i>Но блюди брате прочее, да ничтоже от монастырскихъ оставится законъ от святыхъ апостолъ и пророкъ, и святыхъ вселенскихъ соборъ, иже имать церкви Божиа:</i> <i>и на пѣнии соборнѣмъ, и на трапезѣ ястия и пития, и // весь чинъ монастыря сего, и обычаи, уставленыи по Бозе нашимъ смиреніемъ.</i> <i>И Господь Бог исправит стопы ваша къ дѣланию заповѣди Его молитвами Пречистыя Госпожа¹⁵ Владычица наша Богородица и всѣхъ святыхъ.</i> <i>И Господь нашъ Иисусъ Христосъ да сохранитъ вы и утвердитъ вы в любви Своей.</i> <i>Аз же аще и телеснѣ отхожу от вас, но духомъ с вами неотступно пребуду.</i> <i>И о семъ разумно да будетъ вамъ. Аще обрѣлъ буду благодать предъ Богомъ, то обитель сиа по моемъ отшествіи умножится наипаче, и соберутся братии множество в духовной любви, и умножится святая сиа обитель всѣмъ обилствомъ духовнымъ, и в телесныхъ потребахъ не будете скорбни».</i> <i>И тако поучивъ ихъ довольно и духовнымъ лобзаниемъ целовавъ ихъ, и кождо по единому, и одаривъ ихъ молитвами и благословениемъ печатлѣ.</i>	И тако предасть ему монастырь, и братию ему вручивъ, глаголя: <i>«Се убо, о брате Арсение, оставляю тя съ Богомъ строителя и кормника святѣи обители сеи и всеи братии, о Бозѣ събранней.</i> Но блюди, брате, прочее, да ничтоже от монастырскихъ(ъ) оставится законъ от святыхъ(ъ) апостолъ и пророкъ, и святыхъ(ъ) вселенскихъ(ъ) соборъ, иже имать церкви Божиа: и на пѣнии събранѣмъ, (sic!) и на трапезѣ ястия и пития, и весь чинъ монастыря сего, и обычаи, уставленыи по Бозѣ нашимъ смиреніемъ(ъ). И Господь Богъ исправитъ стопы ваша к дѣланию заповѣдей Его молитвами Пречистыя Госпожи Владычица наша Богородица и всѣхъ(ъ) святыхъ(ъ), и раба Божиа Савватиа. И Господь нашъ Иисусъ Христосъ да съхранитъ вы и да утвердитъ(ъ) вы в любви Своен. Аз же аще телеснѣ отхожу от вас(ъ), но духомъ с вами неотступно пре//буду. И о семь разумно да будетъ вамъ: аще обрѣлъ(ъ) буду благодать предъ(ъ) Богомъ, тѣ обитель сиа по моемъ отшествіи умножится наипаче и съберутся братии множество въ духовнѣи любви, и умножится святая сиа обитель всѣмъ обилъствомъ (sic!) духовнымъ, и в телесныхъ(ъ) потребахъ(ъ) не будете скорбни». И тако поучивъ а довольно и духовнымъ лобзаниемъ(ъ) цѣловавъ ихъ(ъ) кождо по единому, и одаривъ ихъ(ъ) молитвами, и благословениемъ печатлѣ.

¹⁵ В публикации ошибочно «же».

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
д) И впредь полагаетъ преподобнии братии заповѣдъ, аще лучится избрати игумена, но избирати от братии, иже кто на мѣсте семь терпитъ. И аще князь нашьлетъ игумена или епископъ по насилію или по мздѣ, и тѣхъ преподобнии проклѣтию предасть; таже и о земли утвержая и глаголетъ: «О, братія моя, егда сѣдохъ на мѣстѣ семь, купилъ есмь село сие и землю и на рѣцѣ сеи рыбную ловитву на строение монастырю, цѣною изъ Пречистыя сосуда, сирѣчь из бочки. И аще кто начнетъ обидѣти васъ или наступати на сию землю, ино имъ судитъ Мати Божія». И давъ братии прощение и о Христѣ послѣднее цѣлование, и ставъ на молитвѣ и помолився на многъ часъ, аще убо и радостно тому быаше еже разрѣшиться от плоти и со Христомъ быти, но показуя, яко всѣмъ страшно чаша смертная, и многія же по воздухомъ истязателя имамы, паче же смиреніемъ ведыся, помолися к Богу сие глаголя. Молитва. Явися, Господи, и помози ми и избави мя от руку князя и власти и миродержителей тмы, да не покрыетъ мене темнии тѣхъ воздухъ,	д) И // вперед полагаетъ <преподобнии>¹⁶ братии заповѣдъ: «Аще лучится избрати игумена, то избирати от братии, иже кто на мѣстѣ сем терпитъ. И аще князь нашьлетъ игумена, или епископъ по насилію, или по мздѣ, <i>или которыхъ братъ нашъ от мѣста сего, а начнетъ хотѣти игуменства, кромѣ братскаго соборнаго изволения, егоже непроизволятъ братіа на игуменство</i>». Тоуже мздою или насиліемъ от князя или от епископа поставленъ будетъ, тѣхъ преподобнии проклѣтию предаетъ. Таже и о земли утвержая и глаголетъ: «О, братія моя, егда сѣдохъ на мѣстѣ семь, купилъ есмь село сие и землю, и на рѣцѣ сеи рыбную ловитву, на строение монастырю, цѣною изъ пречистыя сосуда, сирѣчь из бочки. И аще кто начнетъ обидѣти васъ или насту//пати на сию землю, ино имъ судитъ Мати Божія». И давъ братии прощение и о Христѣ послѣднее цѣлование. И ставъ на молитвѣ, <i>Г) и воздвигъ руцѣ горѣ, и знаменався животворящимъ крестомъ, прекрести лице свое, рекъ: «Миръ всѣмъ»</i>. И помолився на многъ часъ. Аще убо и радостно тому быаше, еже разрѣшиться от плоти и съ Христомъ быти, но показуя, яко всѣмъ страшна чаша смертная, и многія же по воздухомъ истязателя имамы. Паче же смиреніемъ ведыся, помолися к Богу, сие глаголя: Д) «Владыко человеколюбче, Господи, явися Господи и помози ми. И избави мя от руки князя и власти, и миродержителей тмы, да не покрыетъ мене темнии тѣхъ воздухъ,	Г) И въздвигъ руцѣ горѣ, и знаменався животворящимъ(ъ) крестомъ, и прекрести лице свое, рекъ: «Миръ всѣмъ». Д) Владыко Человеколюбче,

¹⁶ В рукописи это слово срезано краем листа и не прочитывается, в публикации отсутствует. Восстановлено по списку: РНБ. Ф. 717. № 984/1093.

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
ниже дымъ ихъ помрачить душу мою; укрѣпи мя, Господи мои, Господи, да преиду огненныя волны и глубины бездонныя, яко да не потоплень буду в нихъ, да не обрящетъ врагъ оклеветати мя, но да преиду миродержителя и лукаваго вожда ихъ, и от темныхъ князь и тартаръ избавлень да буду; и тако да явлюся пред тобою чистъ и непорочень и восприиму тобою обѣщанная благая святымъ твоимъ. Оле великаго и богоподражаннаго смиреномудрия и богопроповѣдника и апостоломъ подобна! Како можаху тому прикоснуться темнии князи, егоже Господь не к тому нарече раба, но друга и обща идѣже Тои тому вселитися, еже зрѣти славу Его. Сия вся вѣдѣи, смиренная паче изволи, иже не повреждаютъ, но паче укрѣпляютъ таковая, сего ради таковыя молитвы источи глаголы. И повелѣ священноиноку Андрею себе накадити и отходная пѣти. И возлежъ, отиде къ Богу в вѣчныи животъ и покои. И погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ со множествомъ народа града того со свѣщами и с кандилы, со псалмы и пѣнми и пѣсньми духовными,	ниже дым ихъ помрачить душу мою. Укрепи мя, Господи мои, Господи, да преиду // огненныя волны и глубины бездѣнныя, яко да не потоплень буду в нихъ. Да не обрящетъ врагъ оклеветати мя, но да преиду миродержителя и лукаваго вожда ихъ и от темныхъ князи тартаръ избавлень да буду. И тако да явлюся пред Тобою чистъ и непорочень. Е) <i>И сподоби мя одесную Тебе стати.</i> И восприати Тобою обѣщанная благая святымъ Твоимъ. Ж) <i>Егда приидеши въ славѣ судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его».</i> Оле, великаго и богоподражаннаго смиреномудрия <i>богоноснаго отца</i> и апостоломъ подобна! Како можаху тому прикоснуться темнии князи, егоже Господь <i>по водамъ на камени, аки аггела бесплотна, во плоти управляше.</i> И не к тому нарече раба, но <i>искренняго</i> друга. И обѣ//ша, идѣже будет Сам, и тому вселитися, еже зрѣти славу Его. Сия вся вѣдѣи, смиренная паче изволи, иже не повреждаютъ, но паче укрѣпляютъ таковая. Сего ради таковыя молитвы источи глаголы З) <i>и сиа рекъ.</i> И повелѣ священноиноку Андрею, отцу своему духовному, себе накадити и отходная пѣти. И возлежъ И) <i>на одрѣ своемъ,</i> и отиде къ Богу в вѣчныи покои. И погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ <i>съ священнымъ соборомъ</i> <i>и со множествомъ народа града</i> того, со свѣщами и с кадилы, со псалмы и пѣнми и пѣсньми духовными	Е) сподоби мя одесную тебе стати, Ж) егда приидеши въ славѣ судити живымъ и мертвымъ и въздати комуждо по дѣломъ(ъ) его». 3) Сиа рекъ, и възлеже И) на одрѣ своемъ. И тако предасть честную свою душу в руцѣ Божии преподобныи игумень Зосима в лѣто 6986 мѣсяца апрѣля въ 17 день. И тако погребенъ бысть братією честно с кандилы и со свѣщами, и с надгробнымъ пѣниемъ.

Житие Антония Римлянина		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
в лѣто 6650-е месяца августа въ 3 день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ Исакия, Далмата и Фауста.	в лѣто 6655 месяца августа, въ 3 день на память преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Исакия, Далмата и Фавста.	И тако скуташа честное и трудолюбное тѣло его. И положено бысть, илѣже бѣ самъ себѣ ископа гробъ своимъ рукама, за олтаремъ церкви свят(а)го Преображения Господа нашего Иисуса Христа ¹⁷ .
И положено бысть честное тѣло его в церкви Пречистыя Богородицы, еже самъ созда [10. С. 30, 32, 34].	И положено бысть честное тѣло его в церкви Пречистыя Богородица, юже самъ созда [28. С. 266–271].	

Из приведенного сопоставления видно, что список Великих Миней Четых I Стилистической редакции не был прямым источником редакции Б Жития Антония Римлянина, поскольку оно не содержит вторичные чтения этого списка («сбраниѣмъ» вместо «сборниѣмъ», «обительствомъ» вместо «обилъствомъ»), однако источником была именно эта редакция Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Датировка I Стилистической редакции первой четвертью XVI в. [17. С. 146] определяет нижнюю границу времени создания редакции Б Жития Антония Римлянина.

Фраза «Еще же молю вы, о немже изыдоште, о том и подвизаетесь и о своем спасении не нерадите» обнаруживает дословное совпадение с Житием Евфимия Великого, ср.: «Брат(и)я, о немже изыдоште, о томъ подвизаетесь, и о своемъ спасении не нерадите»¹⁸. Славянский перевод Жития Евфимия Великого предположительно датируется XI в., а старший список – концом XIV в. [1. С. 38–40]. Эта же фраза в том же переводе содержится еще в двух житиях русских святых, откуда она также могла быть заимствована составителем редакции Б Жития Антония Римлянина.

В Житии Дионисия Глушицкого, составленном диаконом Иринархом в 1495 г., выдержка из Жития Евфимия Великого читается в главе «О съставлении церкви болшиа от святаго» в составе поучения Дионисия братии. При заимствовании агиограф исключил слова «противитися чюднымъ мыслемъ, глаголя», «се же видите первѣе, яко подобаетъ постризающимся не имѣти своя воля, но первымъ нравомъ и уставомъ держати смѣреную мудрость и послушание», «глаголя» и «страшнаго»; остальной текст воспроизведен им дословно.

Житие Александра Ошевенского было составлено иеромонахом Феодосием в 1567 г. Заимствование из Жития Евфимия Великого попадает в текст этого Жития через посредство Жития Дионисия Глушицкого, поскольку дополнительно к тем же пропускам в нем обнаруживаются две замены: слова «и ждати присно» заменены словами «бояться присно», а слова «и бояться», в свою очередь, заменены словами «ужасатися и трепетати» (в Житии Дионисия Глушицкого в обоих случаях сохранены чтения перевода). Полуужирным шрифтом выделены совпадения между Житием Евфимия Великого и Житием Дионисия Глушицкого.

¹⁷ ГИМ. Синодальное собрание. № 993. Великая Минея Четья (апрель). До 1552 г. Л. 184а–184с.

¹⁸ РГБ. Ф. 304.1. № 745. XIV в. Л. 9.

Житие Евфимия Великого	Житие Дионисия Глушицкого	Житие Александра Ошевенского	
καὶ αὐτὸς πολλὴν πείραν ἔχων ἐδίδασκεν αὐτοὺς πρὸς ἕνα ἕκαστον τῶν ἀλλοτρίων λογισμῶν ἀνθίστασθαι, λέγων· ἀδελφοί, δι' ὃ ἐξήλθατε, ἀγωνίσασθε καὶ τῆς ἐαυτῶν σωτηρίας μὴ ἀμελήσητε. κατὰ πᾶσαν γὰρ ὥραν νήφειν ἡμᾶς καὶ ἐγρηγορέναι χρή· γρηγορεῖτε γάρ φησιν, καὶ προσεύχεσθε, ἵνα μὴ εἰσέλθῃτε εἰς πειρασμόν. τοῦτο δὲ πρῶτον γινώσκετε ὅτι δεῖ τοὺς ἀποτασσομένους τῷ βίῳ μὴ ἔχειν ἴδιον θέλημα, ἀλλ' ἐν πρώτῃ τάξει κρατεῖν τὴν ταπεινοφροσύνην καὶ τὴν ὑπακοήν καὶ ἀναμένειν καὶ μεριμνᾶν ἀεὶ ²² τὴν ὥραν τοῦ θανάτου καὶ τὴν φοβερὰν ἡμέραν τῆς κρίσεως, καὶ φοβεῖσθαι μὲν τὴν ἀπειλὴν τοῦ αἰωνίου πυρός, [41. S. 17].	И тѣ вельми хитръ сы, учаше кождо ¹⁹ противитися чюждымъ мыслемъ, глаголя: « Брат(и)я, о немже изыдосте, о томъ ²⁰ подвизаетея, и о своемъ спасеньи не нерадите. На всякъ бо часъ подобаетъ намъ бодрымъ быти. Бдите бо, глаголя, и молитесь, да не внидете в напасть. Се же видите первѣ, яко подобаетъ постризающимъся не имѣти своя воля, но первы//мъ нравомъ и уставомъ держати смѣреную ²¹ мудрость и послушание, и ждати и присно и пешися о часѣ <сѣ>мертиѣмъ, ²³ и страшнаго боятися прещения огня вѣчнаго ²⁴ .	И прежднии хождааше на пѣние, учаше кождо: « Братье, о немже изыдосте, о томъ подвизаетея, и о своемъ спасении не нерадите. На всякъ бо часъ подобаетъ намъ бодромъ быти — “бдите бо и молитесь, да не внидете в напасть” — — и ждати присно и пешися о часѣ смертиѣмъ, и боятися прещения огня вѣчнаго» [30. С. 111].	...сице же учаше. Глаголаше им: // «Братие! О немже изыдосте, о том и подвизаетея. На всякъ бо часъ подобаетъ намъ бодрымъ быти. Бдите бо и молитесь, да не внидете в напасть. — Боятися присно и пешися о часѣ смертнемъ, ужасатися и трепетати прещения огня вѣчнаго» [20. С. 248].

Других заимствований из Жития Евфимия Великого, Жития Дионисия Глушицкого или Жития Александра Ошевенского в Житии Антония Римлянина не обнаружено. Все три жития могли послужить его источником, но более вероятным представляется влияние Жития Евфимия Великого.

Остается понять, почему эпизод преставления подвергся редактированию. По всей видимости, завещание Антония братии, заключавшееся по большей части в напоминании семи евангельских заповедей блаженств, показалось редактору недостаточно конкретным и подробным. Редакция Б исправляет этот недостаток вставками из Жития Евфимия Великого («Еще же молю вы, *о немже изыдосте, о том и подвизаетея и о своем спасении не нерадите*»), из духовной Антония («или *которые брат нашъ от мѣста сего, а начнет хотѣти игуменства, кромѣ братскаго соборнаго изволения, егоже непроизволят братиа на игуменство, тоиже мздою или*

¹⁹ После второй «о» над строкой вписана «е».

²⁰ Далее над строкой вписана «и».

²¹ Буква «ѣ» исправлена из «е».

²² Вариант: ἀεὶ καὶ μεριμνᾶν [41. S. 17].

²³ Слог «сѣ» вписан над строкой.

²⁴ РГБ. Ф. 304.1. № 745. Л. 9–9об.

насилимъ от князя или от епископа поставленъ будет, тѣхъ преподобнии проклятию предаѣтъ») и из Жития Зосимы и Савватия Соловецких («Но блюди брате прочее, да ничтоже от монастырскихъ оставится законъ от святыхъ апостолѣ и пророкѣ, и святыхъ вселенскихъ соборѣ, иже имать церкви Божіа: и на пѣнии соборнѣмъ, и на трапезѣ ястїа и питїа, и весь чинъ монастыря сего, и обычаи, уставленыи по Бозе нашимъ смиренїемъ»; «И о семъ разумно да будетъ вамъ. Аще обрѣлъ буду благодать предъ Богомъ, то обитель сїа по моемъ отшествїи умножится наипаче, и соберутся братїи множество в духовной любви, и умножится святая сїа обитель всѣмъ обилствомъ духовнымъ, и в телесныхъ потребахъ не будете скорбни»). В этихъ заимствованияхъ важными могли быть не только сама заповѣдь, но и обещанїе изобилїа и процветанїа в случаѣ ея соблюденїа, поскольку к XVI в. Антонїевъ монастырь пришелъ в состоянїе запустенїа и упадка (об этомъ см. [22. С. 125–126]).

Вставки из Жития Зосимы и Савватия Соловецкихъ должны были также выполнять функцію подобающаго литературнаго обрамленїа завещанїа.

Вопросъ о томъ, являются ли дополненїа в редакціи Б вставками в первоначальный текстъ или пропуски в редакціи А следуетъ рассматривать какъ сокращенїа первоначальнаго текста, применительно къ новгородскимъ спискамъ Житїа, уже былъ сформулированъ Н.А. Пикалевой: «Определенїе фрагментовъ текста какъ вставокъ или пропусковъ в новгородскихъ спискахъ “Житїа Антонїа Римлянина” весьма затруднительно вследствие нерешенности вопроса о существованїи прототипическаго текста. Квалифицировать фрагментъ текста какъ вставку или, наоборотъ, пропускъ оказывается возможнымъ только **относительно**, на основѣ взаимной соотнесенности всехъ семи списковъ. При сопоставительномъ анализѣ новгородскихъ списковъ “Житїа Антонїа Римлянина” былъ выделенъ одинъ, а именно списокъ, датируемый второй половиной 17 вѣка (КП 30056–275 кр 97), который отличается большою текстовою полнотою, то естьъ является максимально развернутымъ на фонѣ другихъ шести списковъ. В немъ выделено четыре объемныхъ фрагмента [...], которыхъ нѣтъ в другихъ спискахъ и которые можно рассматривать какъ вставки относительно этихъ списковъ. С другой стороны, отсутствїе этихъ фрагментовъ в шести спискахъ можно признать пропусками на фонѣ пространнаго списка 17 вѣка» [21. С. 72]. В ходѣ исследованїа авторъ приходитъ къ выводѣ о томъ, что списокъ № 2 XVII в. (содержащїй редакцію Б по Захаровой) отличается «архаичностью лексическаго состава, не обусловленной временемъ его созданїа» [21. С. 158] (см. также [7. С. 38]). Темъ самымъ данныя лингвистическаго анализа вступаютъ въ прямое противоречїе съ выводомъ о распространенїи болѣе ранней редакціи А за счетъ вставокъ изъ трехъ источниковъ (духовной грамоты Антонїа Римлянина, Житїа Евфимїа Великаго и Житїа Зосимы и Савватїа Соловецкихъ), в результатѣ которыхъ возникла болѣе поздняя редакція Б. Очевидно, что здѣсь болѣшого доверїа заслуживаютъ выводы источниковѣдческаго исследованїа, а выводы лингвистическаго анализа нуждаются въ переосмысленїи.

*

Заимствованїа изъ Житїа Зосимы и Савватїа Соловецкихъ в I Стилистической редакціи имѣются и в редакціи Б Похвальнаго слова Антонїю Римлянину. С помощью заимствованїй изъ этого источника текстъ редакціи А Похвальнаго слова былъ расширенъ такъ же, какъ ранее былъ дополненъ текстъ редакціи А Житїа. Курсивомъ выделяются вставки в редакціи Б, полужирнымъ шрифтомъ — заимствованїа изъ Житїа Зосимы и Савватїа Соловецкихъ.

Похвальное слово Антонию Римлянину		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
...егоже взыска и вождель, сия обрѣте: землю кротку и безмльвну, тиху и безмятежну, красну, исполнь всякого утѣ//шения и радости. —	...и егоже взыска и вождель, сия и обрѣте землю кротку и безмльвну, тиху и безмятежну, красну, исполнь всякого утѣшения и радости. <i>Мы же, братие, слышавше сиа, воздадим преподобному хвалу, глаголюще сиче: Радуися, преподобне отче Антоние, велми подвизався во временнѣи сии жизни и по достоянию обогатився благода//тию Святаго Духа. Радуися, преподобне отче, создавши намъ обитель, тихое пристанище кромѣ мира суетнаго, и в ней божественнаго желания рачителя собравъ. Радуися, скорбным губителю нашего естества. Радуися, яко отгониши помыслы злобныя и всаждаеши страх пречестныхъ въ сердца вѣрныхъ. Радуися, скорбящим душою сладкое утешение и радости божественныя подателю. Радуися, иноком от навѣт вражнихъ избавителю, и врач многимъ болезнемъ исцѣлитель явися, яко честно сокровище духовное. см. выше Радуися, столпе огня божественнаго озарение духовно, от земля взявшись на высоту предложениемъ, небеснѣи славѣ самовидецъ явися. Радуися, плавающимъ правителю пречюднымъ показася, пристанище потопляемымъ лютѣ благоутишно явися и радостно хваля//щимъ всѣмъ тя заступление.</i>	И мы, братие, о сихъ(ъ) всѣхъ(ъ) немше мыслию разумно, и разсудимъ себѣ, въздадимъ хвалу преподобному, рекуш(е) сиче: см. ниже Радуися, преподобне отче Зосима, создавши намъ(ъ) обитель, тихо приста//нище в морскомъ островѣ. Радуися, кромѣ мира суетнаго пустыню съдѣлавыи и в ней божественнаго желания рачителя събравъ. Радуися, скръбныхъ(ъ) губителю нашего естества. Радуися, яко отгониши помыслы злобныя и всаждаеши страхъ пречистыхъ въ с(е)рдца вѣрныхъ(ъ). Радуися, скорбящимъ душою сладкое утѣшение и радости божественныя подателю. Радуися, инокомъ от навѣт(ъ) вражнихъ избавителю и врачъ многимъ болезнемъ(ъ) и цѣлитель явися, яко честно сокровище духовное, по достоянию обогатившеся благодатию Свят(а)го Духа. Радуися, столпе огня божественнаго, озарение, духовнѣ от земля взявшись на высоту предложениемъ небеснѣи славѣ самовидецъ явися. Радуися, яко плавающимъ правителю пречюднымъ показася и пристанище потопляемымъ лютѣ благоутишно явися, и радостно хвалящимъ тя всѣмъ(ъ) заступление.

Похвальное слово Антонию Римлянину		Житие Зосимы и Савватия Соловецких
Редакция А	Редакция Б	
	<i>Радуйся, преподобне, и богоблаженне, и богоносе отче наш Антоние, яко аггелски на земли пожилъ еси, велми подвизався во временнѣи сеи жизни въ молитвахъ, и в пощенихъ, и въ бдѣннихъ, и во всенощныхъ стояннихъ, поучаяся в заповѣдехъ Господнихъ по вся дни.</i> <i>Вседержителною десницею укрѣпляетъ, подобаяся блаженнымъ Антонию и Феодосию, и тако Богу угождая, тѣмъ обрѣлъ еси небесную лѣствицу, по неижде достиже горняго Иерусалима, чистаго ради житиѣ твоего.</i> <i>Сосудъ бысть Пресвятому Духу, пришедъ бо Христосъ со Отцемъ, и обитель в тебѣ сотвори.</i>	Радуйся, преподобне и богоблажен(н)е, и богоносе отче нашъ Зосимо, яко ангел(ь)скы на земли пожилъ еси, велми подвизався въ временней сеи жизни въ молитвахъ(ь) и в пощенихъ, и въ бдѣннихъ, и во всенощныхъ стоаниихъ, поучаяся в заповѣдехъ(ь) Господнихъ(ь) по вся дни и ноши, Вседръжителною // десницею укрѣпляетъ, подобаяся блаженнымъ Антонию и Феодосию, и тако Богу угаждаа, тѣмъ обрѣлъ еси небесную лѣствицу, по неижде достиже горняго Иер(у)салима чистаго ради житиѣ твоего. Съсудъ бысть Пресвятому Духу, пришедъ бо Христосъ съ Отцемъ(ь), обитель в тебѣ сотвори.
И нынѣ	И нынѣ, <i>треблаженне, предстоиши престолу Святыя Троица и, со аггелы Христа непрестанно славослова, неизреченную славу ясно зря.</i> <i>Отъ небесныхъ кругъ пѣвца своя назираеши, бого//носне отче Антоние, своихъ ради трудовъ от Бога даръ приалъ еси бѣсы прогонити и душа челоуѣкомъ просвѣтити.</i>	Нынѣ, <i>треблаженне, предстоиши престолу Святыя Троица, съ анг(е)лы Христа непрестанно славослова, неизреченную славу зря.</i> <i>Отъ небесныхъ кругъ пѣвца своа назираеши, богоносе отче Зосима. Своихъ(ь) ради трудовъ от Бога даръ приалъ еси бѣсы прогонити и душа челоуѣкомъ просвѣтити</i>²⁵.
троичнымъ свѣтомъ(ь) озаряемъ, свѣта трисолнечнаго наслажаяся, троичному предстоя престолу, свѣтозарными зарями просвѣщенъ, яко солнце пресвѣтло сия в(ь) горнемъ Сионе, моли, преподобне и всеблаженне, о ²⁶ насъ... ²⁷	Троичнымъ свѣтомъ озаряемъ, свѣта трисолнечнаго наслаждаяся, — свѣтозарными зарями просвѣщенъ, яко солнце пресвѣтло сия в горнѣмъ Сионѣ, моли, преподобне и всеблаженне, о нас... [28. С. 302–303].	

Процитированный фрагмент из I Стилистической редакции Жития Зосимы и Савватия Соловецких содержится также в Первоначальной редакции Жития Кирилла Новоезерского, созданной не ранее 1581 г. и не позднее конца XVI в. [12. С. 264–265]. Заимствование из Жития Зосимы и Савватия Соловецких

²⁵ ГИМ. Синодальное собрание. № 993. Великая Миняя Четвя (апрель). До 1552 г. Л. 200d–201b.

²⁶ В рукописи «у».

²⁷ РГБ. Ф. 228. № 108. XVI в. Л. 85об.–86.

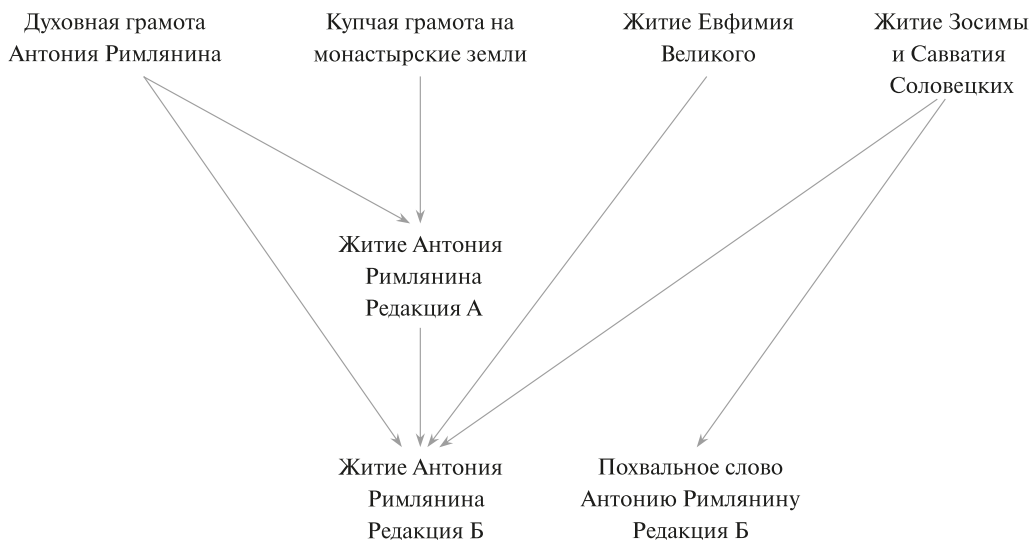
имеет в этом памятнике отклонения от источника, которые не позволяют считать его источником Похвального слова Антонию Римлянину: «утѣшитель» вместо «губителю», «сладкое утѣшение» вместо «скорбящим душою сладкое утѣшение», «от навѣтъ вражиихъ избавителю» вместо «иноком от навѣтъ вражиихъ избавителю», «столпе огнедуховенъ» вместо «столпе огня божественнаго озарение духовне», «пристанище радостно хвалящим тя, и всѣм заступление» вместо «пристанище потопляемым люте благоутишно явися и радости хвалящим тя всѣм заступление». Похвальное слово Антонию Римлянину также не могло стать источником Жития Кирилла Новоезерского, поскольку в последнем содержатся и другие заимствования из Жития Зосимы и Савватия Соловецких [12. С. 258–259, 262–263, 266–267]. Составитель редакции Б Похвального слова Антонию Римлянину и составитель Жития Кирилла Новоезерского, следовательно, обращались к Житию Зосимы и Савватия Соловецких независимо друг от друга.

Напротив, редакция Б Жития Антония Римлянина и редакция Б Похвального слова Антонию Римлянину – распространенные редакции двух памятников, посвященных одному святому, созданные на основе более ранних памятников, посвященных этому же святому, вероятнее всего, были составлены одним автором. Однако вопрос об их составителе нуждается в отдельном рассмотрении.

Таким образом, заимствования из Жития Евфимия Великого и Жития Зосимы и Савватия Соловецких подтверждают, что различия между редакциями А и Б Жития Антония Римлянина действительно являются редакционными (т.е. сделанными с определенной целью, сознательно) и что редакция Б вторична по отношению к редакции А. На основании полученных выводов следует отклонить предложение использовать лингвистические данные при выделении и характеристике редакций памятника [7. С. 42] вследствие неоднозначности в их интерпретации. При классификации рукописей представляется целесообразным основываться на описании различий редакций в статье Е.Д. Захаровой [11. С. 142–144]. Заимствования из установленных источников подтверждают также, что по крайней мере одна из редакций Жития Антония Римлянина, как предполагали некоторые исследователи, действительно была создана в XVI в., не ранее первой четверти столетия (редакция Б). При этом время составления редакции А остается неизвестным. Хотя дальнейшее изучение памятника, и уточнение датировки редакций в частности, видится затруднительным без привлечения сохранившейся рукописной традиции²⁸, обнаружение его неизвестных источников создает надежную основу также и для текстологических исследований. Текст источников может быть контрольным при пословном сличении списков обеих редакций (для редакции А будет значимым отсутствие следов влияния поздних источников, для редакции Б – точное совпадение с источниками вставок).

Взаимоотношения рассмотренных памятников можно представить в виде следующей схемы:

²⁸ Следует безусловно согласиться с замечанием О.А. Белобровой о том, что судить о датировке различных частей Жития и их происхождении нельзя до тех пор «пока не рассмотрены дошедшие до нас списки Жития и дополняющих его текстов Службы» [3. С. 99].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва), Отдел рукописей
 РГБ – Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей
 РНБ – Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГИМ. Синодальное собрание. № 993. Великая Миния Четья (апрель). До 1552 г. Л. 170а–201d. Житие Зосимы и Савватия Соловецких. I Стилистическая редакция.
 РГБ. Ф. 228 (собрание Д.В. Пискарева). № 108. XVI–XVII вв. Л. 68об.–89об. Похвальное слово Антонию Римлянину. Редакция А.
 РГБ. Ф. 304.I (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 745. XIV в. Л. 1об.–59. Житие Евфимия Великого.
 РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). № F.I.729. 80-е гг. XVII в. Л. 225–253об. Житие Антония Римлянина. Косинская редакция.
 РНБ. Ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря). № 984/1093. XVI в. Л. 193–212. Похвальное слово Антонию Римлянину. Редакция Б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афиногенов Д.Е. Славянский перевод Жития преп. Евфимия Великого: наблюдения о языке и авторе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 3(33). С. 38–42.
2. Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. XII с., 616 стлб., [2], VIII с.
3. Белоброва О.А. К изучению Жития Антония Римлянина // Монастырская культура: Восток и Запад / Составитель Е.Г. Водолазкин. СПб.: [б.и.], 1999. С. 93–101 (Приложение к альманаху «Канун»).
4. Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: Сборник статей / ред. издания акад. А.С. Орлов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 285–318.

5. Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей: Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника // Труды Отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 839–890.
6. Голубинский Е. История русской церкви. Т. I: Период первый, киевский или домонгольский. Вторая половина тома. 2-е изд., испр. и доп. М.: Университетская типография, 1904. [6], 926, XVIII с.
7. Дидковская В.Г. Лингвотекстологический анализ списков жития Антония Римлянина // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 35–43.
8. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 303 с.
9. Духанина А.В. Изучение языка и поэтики Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского в свете текстологии // Труды Отдела древнерусской литературы. 2017. Т. 65. С. 265–281.
10. Житие Антония Римлянина (Подготовка текста, перевод и комментарии О.А. Белобровой) // Библиотека литературы древней Руси. Т. 13: XVI век / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 8–35, 755–756.
11. Захарова Е.Д. К вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина // Древнерусская литература. Источниковедение: Сборник научных трудов / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. С. 137–148.
12. Карбасова Т.Б. Кирилл Новоезерский. История почитания: Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 560 с.
13. Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: К. Солдатенков, 1871. [4], IV, 466, IV, IV с.
14. Кузнецова В.С. О мотиве плавания на камне в фольклорной традиции и в рукописной книжности // Традиционная культура. 2015. № 3(59). С. 77–89.
15. Макарий [Булгаков]. История русской церкви. [1-е изд.]. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1857. Т. 3. [4], 340, IV с.
16. Макаров Н.А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2(12). С. 203–210.
17. Минеева С.В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. 796 с.
18. Мурьянов М. О новгородской культуре XII века // *Sacris Erudiri*. 1969–1970. Bd. XIX. S. 415–436.
19. Назаренко А.В. Антоний Римлянин // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 675–676.
20. Пигин А.В. Пространная редакция Жития Александра Ошевенского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / редкол. Т.Р. Руди, С.А. Семячко (отв. ред.). СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Т. 3. С. 206–309.
21. Пикалева Н.А. Лингвотекстологический анализ «Жития Антония Римлянина» в аспекте лексической вариантности (на материале новгородских списков): дисс. ... канд. филол. наук / Новг. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. 238 с.
22. Рамазанова Н.В. Две службы преподобному Антонию Римлянину в стихирах «Дьячье око» XVI–XVII вв. // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 8: Средневековая литургическая традиция и музыкальная культура Новгорода Великого: Сборник статей по материалам научно-творческого симпозиума «Бражниковские чтения» 2019 г. / сост. и науч. ред. М.С. Егорова, А.Н. Кручинина. СПб.; Саратов: Амирит, 2020. С. 111–128.
23. Ромоли Фр. Житие Антония Римлянина и средневековая восточнославянская агиографическая традиция // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 13–26.
24. Ромоли Фр. Житие Антония Римлянина: от местного к общему // Десятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы конференции. Рим–Пиза, 2–9 февраля 2020 г. М.: Индрик, 2020. С. 145–147.

25. Рыжова Е.А. Косинский список Жития Антония Римлянина в Новгородском трефологионе XVII века // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 135–144.
26. Рыжова Е.А. Архитектоника русской агиографии: композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма» (Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции) // Труды Отдела древнерусской литературы. 2009. Т. 60. С. 51–84.
27. Рыжова Е.А. Мотив «плавание святого на камне» в Житии Антония Римлянина и фольклоре // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / отв. ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. 2. С. 3–36.
28. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подготовка текстов и исследование Н.В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.
29. Секретарь Л.А. Житие Антония Римлянина // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь / отв. ред. В.Л. Янин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 172–173.
30. Семячко С.А. Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / изд. подг. Г.М. Прохоров и С.А. Семячко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 77–217.
31. Симонова А.А. Житие Антония Римлянина и духовная Антония Римлянина: к вопросу о европейских сходжениях в сюжете агиографии Новгорода // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 27–34.
32. Соболева А.Е. Новонайденные ранние житийные тексты об Александре Свирском // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 2(17). С. 290–308.
33. Терешкина Д.Б. Списки Жития Антония Римлянина в собрании Новгородского музея // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 59–67.
34. Тихомиров М.Н. О частных актах в древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 17. С. 225–244.
35. Федотова М.А. Житие Антония Римлянина в контексте Четых Миней Дмитрия Ростовского // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 44–58.
36. Фет Е.А. Житие Антония Римлянина // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. С. 245–247.
37. Фет Е.А. Нифонт // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 141.
38. Филипповский Г.Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1: (XI – первая половина XIV в.). С. 159–161.
39. Яковенко А.Ю. Восточнохристианские агиографические параллели в житии Антония Римлянина: к определению круга источников // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119): Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: [б.и.], 2020. С. 195–200.
40. Revelli Giorgetta. Monumenti letterari su Boris e Gleb / Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova: La Quercia Edizioni, 1993. [1], XI, 706 с.
41. Schwartz E. Kyrillos von Skythopolis. Leipzig: J.C. Hinrichs Verlag, 1939 (=Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur 4. Reihe 4. Band 2. Heft = 49. Band 2. Heft). 415 S.

REFERENCES

1. Afinogenov D.E. Slavianskii perevod Zhitia prep. Evfimiia Velikogo: nabliudeniia o iazyke i avtore. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serii 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia, 2015, no. 3(33), pp. 38–42. (In Russ.)
2. Barsukov N. *Istochniki russkoï agiografii*. St. Petersburg, M.M. Stasiulevich Press, 1882, XI p., 626 cols., [2], VIII p. (In Russ.)
3. Belobrova O.A. *K izucheniiu Zhitia Antonia Rimlianina. Monastyr'skaia kul'tura: Vostok i Zapad*, ed. E.G. Vodolazkin, St. Petersburg, 1999, pp. 93–101. (In Russ.)
4. Didkovskaia V.G. Lingvotekstologicheskii analiz spiskov zhitia Antonia Rimlianina. *Antoniï Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g., Velikiï Novgorod, 2020, pp. 35–43. (In Russ.)
5. Dmitriev L.A. *Zhitiinye povesti russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv. Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Dept., 1973, 303 p. (In Russ.)
6. Dukhanina A.V. Izuchenie iazyka i poetiki Epifanievskoi redaktsii Zhitia Sergiia Radonezhskogo v svete tekstologii. *Trudy Otdela drevnerusskoï literatury*, 2017, vol. 65, pp. 265–281. (In Russ.)
7. Fedotova M.A. Zhitie Antonia Rimlianina v kontekste Chet'ikh Minei Dimitriia Rostovskogo. *Antoniï Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g., Velikiï Novgorod, 2020, pp. 44–58. (In Russ.)
8. Fet E.A. Nifont. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, ed. D.S. Likhachev, Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Dept., 1989, iss. 2: (Vtoraia polovina XIV–XVI v.), part 2: L–Ia, pp. 141. (In Russ.)
9. Fet E.A. *Zhitie Antonia Rimlianina. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, ed. D.S. Likhachev, Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Dept., 1988, iss. 2: (Vtoraia polovina XIV–XVI v.), part 1: A–K, pp. 245–247. (In Russ.)
10. Filippovskii G. Iu. Zhitie Leontia Rostovskogo. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, ed. D.S. Likhachev, Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Dept., 1987, iss. 1: (XI – pervaiia polovina XIV v.), pp. 159–161. (In Russ.)
11. Golubinskii E. *Istoriia russkoï tserkvi*. Vol. I: Period pervyi, kievskii ili domongol'skii. Haft 2. 2nd ed., Moscow, Moscow University press, 1904. [6], 926, XVIII p. (In Russ.)
12. Iakovenko A. Iu. Vostochno-khristianskie agiograficheskie paralleli v zhitii Antonia Rimlianina: k opredeleniiu kruga istochnikov. *Antoniï Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g. Velikiï Novgorod, 2020, pp. 195–200. (In Russ.)
13. Karbasova T.B. *Kirill Novoezerskii. Istoriia pochitaniia: Issledovanie i teksty*. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2011, 560 p. (In Russ.)
14. Kliuchevskii V. *Drevnerusskie zhitia sviatykh kak istoricheskii istochnik*. Moscow, K. Soldatenkov Publ., 1871, [4], IV, 466, IV, IV p. (In Russ.)
15. Kuznetsova V.S. O motive plavaniia na kamne v fol'klornoï traditsii i v rukopisnoi knizhnosti. *Traditsionnaia kul'tura*, 2015, no. 3(59), pp. 77–89.
16. Makarii [Bulgakov]. *Istoriia russkoï tserkvi*. [1-st ed.]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1857, vol. 3, [4], 340, IV p. (In Russ.)
17. Makarov N.A. *Kamen' Antonia Rimlianina. Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 1984, iss. 2(12), pp. 203–210. (In Russ.)
18. Mineeva S.V. *Rukopisnaia traditsiia Zhitia prep. Zosimy i Savvatiia Solovetskikh (XVI–XVIII vv.)*. Moscow, Iazyki slavianskoï kul'tury Publ., 2001, vol. 1, 796 p. (In Russ.)
19. Mur'ianov M. O novgorodskoi kul'ture XII veka. *Sacris Erudiri*, 1969–1970, Bd. XIX, pp. 415–436. (In Russ.)
20. Nazarenko A.V. *Antoniï Rimlianin. Pravoslavnaia entsiklopediia*, ed. Aleksii II Patriarch of Moscow and All Russia, vol. 2, Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2001, pp. 675–676. (In Russ.)
21. Pigin A.V. Prostrannaiia redaktsiia Zhitia Aleksandra Oshevenskogo. *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii*, eds. T.R. Rudi, S.A. Semiachko, St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017, vol. 3, pp. 206–309. (In Russ.)

22. Pikaleva N.A. *Lingvotekstologičeskii analiz «Zhitiiia Antoniiia Rimlianina» v aspekte leksicheskoï variantnosti (na materiale novgorodskikh spisikov)*. Diss. kand. filol. nauk. Velikiï Novgorod, 2008. 238 p. (In Russ.)
23. Ramazanova N.V. Dve sluzhby prepodobnomu Antoniiu Rimlianinu v stikhirariakh «D'iach'e oko» XVI–XVII vv. *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni, iss. 8: Srednevekovaiia liturgicheskaia traditsiia i muzykal'naia kul'tura Novgoroda Velikogo: Sbornik statei po materialam nauchno-tvorcheskogo simpoziuma «Brazhnikovskie chteniia» 2019 g.*, eds. M.S. Egorova, A.N. Kruchina, St. Petersburg, Saratov, Amirit Publ., 2020, pp. 111–128. (In Russ.)
24. Revelli Giorgetta. *Monumenti letterari su Boris e Gleb. Literaturnye pamiatniki o Borise i Glebe*, Genova, La Quercia Edizioni, 1993. XI+706 p.
25. Romoli Fr. Zhitie Antoniiia Rimlianina i srednevekovaiia vostochnoslavianskaia agiograficheskaia traditsiia. *Antonii Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g., Velikiï Novgorod, 2020, pp. 13–26. (In Russ.)
26. Romoli Fr. Zhitie Antoniiia Rimlianina: ot mestnogo k obshchemu. *Desiatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniia: Materialy konferentsii*. Rim–Piza, 2–9 fevralia 2020 g., Moscow, Indrik Publ., 2020, pp. 145–147. (In Russ.)
27. Ryzhova E.A. Arkhitektonika russkoi agiografii: kompozitsionnyi epizod «vybor mesta osnovaniia monastyria ili khrama» (Motiv «plavanie sviatogo» v kontekste ustnoi traditsii). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 2009, vol. 60, pp. 51–84. (In Russ.)
28. Ryzhova E.A. Kosinskiï spisok Zhitiiia Antoniiia Rimlianina v Novgorodskom trefologione XVII veka. *Antonii Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g., Velikiï Novgorod, 2020, pp. 135–144. (In Russ.)
29. Ryzhova E.A. Motiv «plavanie sviatogo na kamne» v Zhitii Antoniiia Rimlianina i fol'klore. *Russkaia agiografia: Issledovaniia. Materialy*. Publikatsii, eds. T.R. Rudi, S.A. Semiachko, St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, vol. 2, pp. 3–36. (In Russ.)
30. Schwartz E. *Kyrrillos von Skythopolis*. Leipzig, J.C. Hinrichs Verlag, 1939 (= *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur* 4. Reiche 4. Band 2. Heft = 49. Band 2. Heft), 415 S.
31. Sekretar' L.A. Zhitie Antoniiia Rimlianina. *Velikiï Novgorod. Istoriia i kul'tura IX–XVII vekov: Entsiklopedicheskiï slovar'*, ed. V.L. Ianin, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, pp. 172–173. (In Russ.)
32. Semiachko S.A. Zhitie Dionisiia Glushitskogo. *Sviatye podvizhniki i obiteli Russkogo Severa: Ust'-Shekhonskiï Troitskiï, Spaso-Kamennyi, Dionis'ev Glushitskiï i Aleksandrov Kushtskiï monastyri i ikh obitateli*, eds. G.M. Prokhorov i S.A. Semiachko, St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2005, pp. 77–217. (In Russ.)
33. Simonova A.A. Zhitie Antoniiia Rimlianina i dukhovnaia Antoniiia Rimlianina: k voprosu o evropeiskikh skhozhdenniakh v suizhetike agiografii Novgoroda. *Antonii Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g., Velikiï Novgorod, 2020, pp. 27–34. (In Russ.)
34. Soboleva A.E. Novonaidennye rannie zhitiiyne teksty ob Aleksandre Svirskom. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 2020, no. 2(17), pp. 290–308. (In Russ.)
35. *Sviatye russkie rimliane: Antonii Rimlianin i Merkurii Smolenski*, podgotovka textov i issledovanie Ramazanovoj N.V., St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 392 p. (In Russ.)
36. Tereshkina D.B. Spiski Zhitiiia Antoniiia Rimlianina v sobranii Novgorodskogo muzeia. *Antonii Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria (1117–1119): Materialy nauchnoi konferentsii*, Velikiï Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g., Velikiï Novgorod, 2020, pp. 59–67. (In Russ.)
37. Tikhomirov M.N. O chastnykh aktakh v drevnei Rusi. *Istoricheskie zapiski*, 1945, vol. 17, pp. 225–244. (In Russ.)
38. Valk S.N. Nachal'naia istoriia drevnerusskogo chastnogo akta. *Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny: Sbornik statei*, red. A.S. Orlov, Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, pp. 285–318. (In Russ.)
39. Volkova T.F. Ivan Stepanovich Miandin — redaktor drevnerusskikh povestei: Nekotorye itogi izucheniia literaturnogo nasledii pechorskogo knizhnika. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 2006, vol. 57, pp. 839–890. (In Russ.)

40. Zakharova E.D. K voprosu o redaktsiiakh Zhitiiia Antoniiia Rimlianina. *Drevnerusskaia literatura. Istochnikovedenie: Sbornik nauchnykh trudov*, ed. D.S. Likhachev, Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Dept., 1984, pp. 137–148. (In Russ.)
41. Zhitie Antoniiia Rimlianina, podgotovka teksta, perevod i kommentarij Belobrovoj O.A., *Biblioteka literatury drevnei Rusi*, vol. 13: XVI vek, eds. D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko, St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 8–35, 755–756. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья Викторовна Пак,
кандидат филологических наук,
специалист по учебно-методической
работе кафедры судоходства на внутренних
водных путях, Государственный
университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова;
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-0307-2395;
e-mail: nataliya.pak@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Pak,
PhD in Philological sciences,
Specialist of educational and methodical work,
Department of Inland Shipping,
Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping;
St. Petersburg, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-0307-2395;
e-mail: nataliya.pak@gmail.com

Славяноведение, 2021, № 4, с. 102–116

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 102–116

DOI: 10.31857/S0869544X0015987-8

Оригинальная статья /
Original Article

Русская народная демонология и ее региональные особенности.
Часть 2. Поверья о черте. Демонологизация умерших.
Люди со сверхъестественными способностями

© 2021 г. Л.Н. Виноградова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская федерация)

Lnv36@yandex.ru

Аннотация. Первая часть статьи, опубликованная ранее в журнале «Славяноведение» (2021. № 2), была посвящена анализу поверий о духах природных и домашних локусов, а также о персонифицированных образах смерти и болезней. Во второй части рассматриваются русские поверья о черте, о демонических свойствах умерших людей, возвращающихся с того света, и о живых людях, наделенных сверхъестественными способностями (ведьмы, колдуны). Исследование осуществляется с учетом данных восточнославянской мифологии и служит целям создания в дальнейшем коллективного труда по сравнительной мифологии всех славянских народов.

Ключевые слова: русская мифология, народная демонология, персонажи нечистой силы, восточнославянская фольклорная общность.

Благодарность: Работа выполнена в рамках проекта «Низшая мифология славян: Новые методы и подходы к исследованию», поддержанного грантом РФФИ (№ 20-012-00300).

Ссылка для цитирования: Виноградова Л.Н. Русская народная демонология и ее региональные особенности. Часть 2. Поверья о черте. Демонологизация умерших. Люди со сверхъестественными способностями // Славяноведение. 2021. № 4. С. 102–116. DOI: 10.31857/S0869544X0015987-8.

Russian Folk Demonology and its regional features.
Part 2. Beliefs about the devil. Demonologization of dead people.
People with supernatural abilities

© 2021 L.N. Vinogradova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Lnv36@yandex.ru

Abstract. The first part of the article, published earlier in the journal “Slavic Studies” (2021. № 2), was devoted to the analysis of beliefs about the spirits of natural and domestic loci, as well as personified images of death and disease. The second part examines the Russian beliefs about the demonic properties of the dead people, returning from the other world, and about living people endowed with supernatural abilities (witches, sorcerers). The research takes into account the data of East Slavic mythology and serves the purpose of creating a collective work on the comparative mythology of all Slavic peoples.

Keywords: Russian mythology, folk demonology, characters of evil spirits, East Slavic folklore community.

Reference for citation: Vinogradova L. N. Russian Folk Demonology and its regional features. Part 2. Beliefs about the devil. Demonologization of dead people. People with supernatural abilities // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No 4. P. 102–116. DOI: 10.31857/S0869544X0015987-8.

В первой части статьи были рассмотрены такие группы демонологических образов, как духи природных локусов (леший, водяной, полевой дух, болотник, полудница, блуждающие огоньки, русалка); духи домашнего пространства (домовой, банник, хлевник, амбарник, ласка и др.); святочные духи (*святё, святке, шуликуны*); образы—персонификации смерти и болезней. Вторая часть посвящена поверьям о чёрте, о демонических свойствах умерших людей, возвращающихся с того света, и о живых людях, наделенных сверхъестественными способностями (ведьмы, колдуны). Задачей статьи является изучение региональной специфики русской низшей мифологии. Исследование осуществляется с учетом данных восточнославянской мифологии и служит целям создания в дальнейшем коллективного труда по сравнительной мифологии всех славянских народов

Поверья о чёрте. Так же, как и в других славянских этнокультурных традициях, в русской низшей мифологии образ чёрта занимает абсолютно лидирующие позиции, совмещая в себе признаки типологически разных демонологических персонажей.

Поскольку этому нечистому духу приписывается высший уровень вредности по сравнению с другими персонажами нечистой силы, он наделяется в разных русских диалектах бесконечным множеством эвфемистических названий, используемых для предотвращения его внезапного появления. В них отражаются признаки внешнего вида этого персонажа (*косматый, кудлатый, рогатый, черный, синий, антипка беснятый, куцый, хромоу черт, кривоу вражонок, лысый, красавец хвостатый* и др.), его нечистота (*нечистый, нечисть, неумытый, немытик*), незримость (арханг. *невидимко*), негативное отношение к нему людей (*проклятый, окаянный, враг, вражья сила, супостат, злой дух, худой дух, дурной, нехороший, недобрый, лукавый, лихорад, не наш*). Изредка встречаются и задабривающие или уменьшительные наименования: *доброхот* (калуж., орлов., смолен., брян.), *чёртышко* (арханг.).

Представления о происхождении и внешнем виде этого персонажа мало отличаются в разных регионах восточнославянской зоны, поскольку чёрт народной демонологии в значительной мере формировался на основе религиозно-книжного и иконографического образа-стандарта (антропоморфная фигура с рогами, копытами, хвостом; свергнутый с небес богопротивник). В разных русских поверьях чёрт, бес, дьявол, сатана обычно воспринимались как один и тот же персонаж — злой дух. Лишь изредка фиксировались утверждения типа:

«Черт чертом, а дьявол сам по себе» либо «Черт не есть бес. Бес – собственно искусьитель, враг человека, производитель греха» [3. С. 533]. Кое-где чёрт характеризовался как менее вредоносный и более добродушный персонаж, который чаще шутит с человеком, чем наносит ему реальный вред (орлов.). Более того, ему приписывалась способность отплатить добром за оказанную услугу. Ср. сюжет о том, как чёрт в знак благодарности за свое спасение согласился идти в солдаты вместо мужика, спрятавшего его во время грозы от молнии (архангел.). Вместе с тем повсеместно распространены представления о том, что у каждого человека есть свой недобрый дух-искусьитель, подталкивающий к греху, который постоянно сидит на левом плече человека.

В числе оборотнических зооморфных ипостасей чёрта в русской мифологии обычно выступают: змея, свинья, кошка, мышь, заяц, лягушка, сорока, встреченный на пути человека барашек, овечка. Реже фиксировались предметные его воплощения: клубок ниток, ворох сена, камень. Однако в сюжетных рассказах этот персонаж чаще всего имеет вид обычного человека, в котором можно распознать нечистую силу по тщательно скрываемым зооморфным признакам. Другим опознавательным знаком было отсутствие у антропоморфной фигуры чёрта тени (новгород.).

Хотя злой дух характеризуется как персонаж вездесущий, не ограниченный конкретным локусом обитания, все же наиболее типичными местами его земного пребывания назывались водоемы, омуты, болота, заросли камыша, лесные чащи, овраги, а также перекрестки дорог, где черти якобы любят собираться все вместе для игр и забав. Считалось, что черти становятся наиболее активными и вредоносными в святочный период, на Пасху, в дни летнего Ивана и на Петра. По единичным севернорусским свидетельствам, в Вербное воскресенье черти справляют свои свадьбы.

Основной набор злокозненных функций или привычных занятий, свойств этого персонажа может быть восстановлен по указателям сюжетов русских быличек и поверий. Наиболее типичными являются следующие мотивы и сюжеты: черти забирают себе души умерших грешников; подталкивают к самоубийству человека, балующегося с веревкой, после чего душа самоубийцы служит чёрту в качестве ездовой лошади; заключают договор с колдунами о помощи им при жизни в обмен на их души; вселяются в человека, делая его бесноватым; похищают новорожденного младенца, подкладывая вместо него в колыбель полено (чурку, веник); пугают ночных прохожих, заводят путника в непроходимые чащи; участвуют в качестве духов-прорицателей в молодежных гаданиях; чёрт-любовник посещает женщин, тоскующих по своим умершим мужьям. Черти в виде деревенских парней приходят к девушкам на посиделки; те из них, кому удастся распознать нечистую силу по хвостам или копытам, сбегает, а оставшихся черти губят. Они принуждают музыканта играть на своей гулянке, одаривают его подарками, которые впоследствии оказываются мусором. Чёрт в виде одинокого барашка появляется на пути проезжего, а будучи взятым в повозку, пугает человека громким хохотом и исчезает.

В качестве нейтральных выступают следующие действия и привычки поведения чертей: эти нечистые духи охраняют папоротник во время его чудесного цветения, не подпуская к нему людей; стараются спрятаться во время грозы от преследующего их грома; боятся молитвы и освященных предметов; неуязвимы для выстрелов из ружья обычной пулей, их можно сразить только медной пуговицей; чёрт считается создателем вина и табака; будучи семейным духом,

он приглашает бабу-повитуху принять роды у своей жены-чертихи и ряд других [10. С. 177–181; 3. С. 311–313; 8. С. 475–477; 6. С. 371–372].

В Тульской губернии зафиксированы поверья о том, как чёрт (*шут*) спорил с Богом, что сумеет спрятаться от небесной кары (от грома) под домашнюю скотину, под камень, за человека-угодника и т.п. — на что Бог отвечает: «Ты, шут, нигде от меня не спрячешься!» [5. С. 14–15].

Одной из ипостасей чертей и бесов считался в русской мифологии **вихрь** (как и во всех восточнославянских традициях). Повсеместно распространены были поверья о том, что в вихре летает нечистая сила, называемая *вихровый* (смолен.), *вихорный* (тульск.), *вихрик* (вологод.). Если бросить в вихрь нож, то он может поранить находящегося в нем духа. Подобные представления отражаются в народной фразеологии, объясняющей происхождение вихревого ветра: вихрь — это *возня чертей* (вологод.), *игра бесов* (курс.), *свадебный поезд нечистой силы* (архангел.), *венчание сатаны с ведьмой* (с.-рус.), *свадьба лешего с лешухой* (костром.). Реже возникновение вихря связывалось с актом самоубийства людей.

К категории мелких чертей и бесов относится в русской мифологии **икота** — вселяющийся в нутро человека нечистый дух, делающий людей бесноватыми или вызывающий разные психические заболевания (разновидность кликушества). Наиболее массовыми и повсеместными оказываются эти поверья на Русском Севере, в частности они широко распространены в районе Верхокамья среди русских старообрядцев-беспоповцев поморского согласия, где кроме термина *икота/икотка* используется его вариант — *пошибка*. В круге поверий об этом персонаже отсутствуют сведения о его происхождении и о его судьбе после изгнания из тела больного. Момент проникновения духа в человека соотносится с фактом случайно проглоченной мухи, букашки или попавшей в питье соринки. Все главные мифологические характеристики этого персонажа проявляются в рассказах об уже проникшем в тело человека духе, который причиняет вред здоровью, вызывает невротические приступы, самостоятельно передвигается внутри тела человека, навязывает ему свои вкусы в выборе пищи и питья, мешает молиться и креститься, не дает выполнять те или иные работы, проявляет себя особым акустическим поведением (разговаривает, кричит, ухает, ругается, матерится, воеет) и т.п. Считалось, что *икота* сообщала человеку, в котором сидела, свое личное имя, пол, возраст, пересказывала свою человеческую историю жизни до вселения. Однако при изгнании этого существа из тела бесноватого (с помощью церковных обрядов) оно выглядело, по утверждению очевидцев, как какие-нибудь хтонические животные или насекомые (крыса, змея, лягушка, паук и т.п.). Из-за связи с нечистой силой бесноватые считались ясновидящими, способными предсказать будущее. К ним приходили односельчане, чтобы узнать о пропаже вещей и скота, о судьбе отсутствующих членов семьи, о своем будущем.

Еще одна разновидность чертей, поверья о которых очень популярны в русской мифологии, — это множество мелких духов, выступающих в роли **мифических помощников колдуна** (и других «знающих» людей), получившего их в награду от главного чёрта при составлении договора о продаже души. По отношению к ним использовались следующие названия: с.-рус. *помощники, работники, солдатики, маленькие, шутики, шишиги, кузутики*. Они описываются как маленькие одинакового вида человечки, одетые в короткие штанишки и красные рубашки, но могли обернуться и животными. Согласно пермским данным, колдуны держат своих зооморфных помощников

(принявших вид маленьких животных-детенышей — зайчиков, мышат, котят, цыплят и т.п.) в какой-нибудь емкости: в сосуде, банке, коробочке, корчаге, кадке, лукошке [11. С. 124–128]. Основная их характеристика — множество маленьких существ, проворных, мгновенно появляющихся, быстро выполняющих поручения и требующих новой работы. Они помогали охотнику попадать точно в цель, насаживали колдуну на удочку рыбу, служили подмастерьями у пастухов и мельников, подсказывали, где искать пропавшую вещь и т.п. Однако, если не занять их постоянной работой, они могли стать вредоносными по отношению к своему хозяину, поэтому «знающие» люди вынуждены были придумывать для них трудновыполнимые задачи: пересчитывать иголки на елках, листья на осине; разбирать по крупинкам сыпанное вместе ржаное зерно с льяным семенем; вить веревки из песка и т.п. Считалось, что если колдун не избавится в конце жизни от своих чертенят-помощников, они долго мучают его перед смертью.

Значительно реже встречаются подобные верования в южнорусской мифологии, где духи-помощники называются *коргоруши*, *коловерши* (саратов., тамбов.). Они выполняют требования ведьмы приносить ей по ночам из чужих домов продукты или деньги.

Несколько отличается от множества духов-помощников одиночный **образ змея-обогапителя**, которого выращивает для себя «знающий» человек из так называемого петушиного яйца. Но его мифологическая функция — способствовать обогащению своего хозяина — является общей для группы мифических помощников колдуна. По ярославским поверьям, каждый петух в течение своей жизни должен снести одно яйцо (на седьмом или девятом году жизни). Его надо носить под мышкой несколько недель, и тогда вылупится уж, который будет носить деньги хозяину [1. С. 98]. На Вологодчине его называли *большачонок* (одно из названий домового), а в Олонецкой губернии — *змея-деньгоносица*.

Демонологизация умерших людей. Поверья о возвращающихся с того света душах умерших (либо о встающих из могилы мертвецах) в русской народной демонологии занимают столь же значимое место, как это наблюдается и в поверьях других славянских народов. Причины, вынуждающие умерших появляться в мире живых и посещать свои дома, в целом совпадают у всех восточных славян, а типология образов персонажей-покойников имеет ряд особенностей. В русской народной демонологии к категории вредоносных «ходячих» покойников относятся прежде всего умершие колдуны и ведьмы (из-за их прижизненной связи с чёртом), а также другие «знающие» люди, которые «не сдали перед смертью своих чертей».

Кроме того, склонными к посмертному хождению признавались самоубийцы, люди, погибшие от запоя (*опойцы*), вероотступники, а также те, что умерли без покаяния. Широко известны представления о том, что самоубийцы «поступают в присягу» к чёрту, что черти ездят на них, принуждают служить себе. «Удавленники» ходят по ночам с веревкой на шее, пугая людей. Реже встречаются поверья о способности самоубийц влиять на погоду: вызывать засуху или затяжные дожди, если они были похоронены — в нарушение обычая — на кладбище (пензен.).

По севернорусским представлениям, беспокойными духами, которых не принимает земля и которые обречены на посмертное хождение, становятся также преступники, злодеи, которых проклинали родители или

священнослужители. Считалось, что тела проклятых не разлагаются в земле, а будучи похороненными, они незримо пребывают на своей могиле или на месте гибели — «не живя и не умирая».

Наиболее типичные русские названия выходящих из могилы умерших колдунов: с.-рус., центр.-рус. *живой покойник*, *еретик*, *еретник*, *ерестун*, *умран*; ю.-рус. *упокойник*, *мертвец*. В Орловской губернии зафиксирован редкий для русской мифологии термин *упырь*, более характерный для украинских и белорусских верований. Категория душ умерших колдунов и ведьм, а также самоубийц представлена в русской мифологии наибольшим числом поверий и рассказов на сюжеты о том, как они выходят по ночам из могилы и с досады, что земля их не принимает, «заедают», «загрызают» или душат любого встречного.

Менее кровавыми, но тоже опасными считались ходячие покойники из числа умерших родственников, которые продолжали вторгаться в жилое пространство человека даже по истечении сорока дней после смерти (когда приход умерших в свои дома считался дозволенным). Хотя, как считалось, эти духи возвращаются в свои дома без намерения навредить родне (они требовали себе поминальную пищу, старались помочь по хозяйству, навещали тех, по кому особенно скучали), но сам по себе контакт с иномирным пришельцем оказывался для людей губительным. Особой популярностью пользуется сюжет о приходе умершего мужа к своей жене. Если она слишком долго оплакивала мужа, он являлся к ней, выполнял хозяйственные дела (заготавливал дрова, приводил в порядок двор), оставался с ней ночевать. Со временем становился все более агрессивным: однажды сорвал с нее нательный крест, намеревался задушить, чтобы забрать ее с собой [7. С. 22].

Подобные рассказы в русской мифологии часто сопровождаются комментариями, отражающими распространенное верование, что вторгаются в мир человека не сами умершие, а черти, принявшие их облик. Одни и те же типовые сюжеты о духе-любовнике относятся то к ходячим покойникам, то к чёрту, то к летающему огненному змею.

Под названием *огненный змей* подразумевается персонаж, который в виде святающегося существа или объекта летает к тоскующим по своим умершим мужьям женщинам, а проникнув в дом, принимает облик отсутствующего человека. Считалось, что по своей генетической природе это чёрт или ходячий покойник. Покойнические признаки огненного змея (в его антропоморфной ипостаси) проявляются в такой телесной аномалии, как отсутствие кожного покрова на спине, в результате чего сзади «видны кишки и кости» (орлов.). Русские народные названия этого персонажа: *летучий змей*, *огненный змей*, *змей-любак*, *волокита*, *летун*, *налёт* и др. Основные его признаки — это летящее в ночном небе существо в виде огненной полосы (змей, комета с хвостом, горящая метла, светящийся шар, оставляющий за собой огненный след), которое летит к дому своей избранницы и прямо над его крышей рассыпается искрами. Проникнув в дом через печную трубу, змей является женщине в виде ее мужа (или красивого молодого парня). Эта связь оказывается губительной для женщин: они чахнут, худеют, болеют; иногда рожают детей с признаками нечистой силы (с хвостом, рожками, крылышками на спине). Для быличек на эту тему характерен сюжет о распознавании в мифическом любовнике нечистой силы, после чего огненный змей произносит типовую реплику: «Ага, догадалась!» — и прекращает свои визиты. Подробный указатель восточнославянских сюжетов этой тематической группы составлен Н.К. Козловой [4].

Мифологизация людей, наделенных сверхзнанием. Повесть о колдунах, ведьмах и других «знающих» людях являются одним из наиболее устойчивых фрагментов русской народной демонологии, частично сохраняющих актуальность и в настоящее время. Он представлен большим числом повсеместно распространенных поверий и рассказов о колдовстве/ведовстве, которые в разных региональных традициях закреплены то за образом колдуна как главного представителя в ряду «знающих» людей (севернорусская мифология), то за образом ведьмы (западная и южнорусская традиция).

Значительный круг мифологических мотивов является общим для колдуна и ведьмы. Считалось, что оба персонажа могли быть двух типов: *урожденные*, *природные* (т.е. унаследовавшие магические способности от «знающих» родителей) и *обученные* (приобретшие сверхзнание с помощью нечистой силы). Кроме того, иногда выделяется третья категория «знающих» — *добровольные* (сознательно вступившие в связь с чёртом ради получения сверхзнания) и *невольные*, т.е. те, кому умирающий колдун (ведьма) насильно передает свою колдовскую силу. Повсеместно считалось, что свою магическую силу колдуны и ведьмы получают от нечистой силы, которая им служит при жизни, но завладевает их душами после смерти. Благодаря пособничеству чёрта, они приобретают сверхъестественные способности: понимают язык животных, узнают о колдовских свойствах трав, умеют менять свою ипостась или стать невидимыми, могут летать по воздуху и т.п. Среди особенностей внешнего вида часто упоминается наличие незаметного хвостика у ведьмы. Колдун же характеризуется как персонаж без зооморфных признаков: как черноглазый мужик, угрюмый, со злобным взглядом, иногда хромым или безрукий. Кое-где считалось, что он отбрасывает две тени (тульск.). И колдуна, и ведьму можно распознать по отражению в глазах в виде человечков, перевернутых вверх ногами.

В наборе мифологических характеристик этих персонажей в качестве обязательных фигурируют сюжеты об их мучительной смерти и посмертных хождениях; о попытках перед смертью передать «своих чертей» кому-нибудь из окружающих людей. Во многом идентичными оказываются вредоносные функции колдунов и ведьм: оба персонажа считались способными наслать порчу на участников свадьбы, болезни на людей и скот, отобрать молоко у чужих коров и урожай с хлебного поля, превратить человека в волка и ряд других. Вместе с тем, каждый из этих двух «знающих» наделяется рядом своих специфических характеристик.

Ведьма в русской мифологии имеет ряд диалектных названий: *ведунья*, *вещица*, *знатуха*, *колдунья*, *еретица*, *волхва*, *ворожейка*, *закликуха* и др. Для этого персонажа высоко значимым оказывается мотив оборотничества (в отличие от колдуна, для которого это второстепенный признак). Считалось, что она могла принять вид любого животного, чаще всего — сороки, свиньи, кошки, собаки, либо некоторых предметов: клубка ниток, решета, сита, колеса, катящейся бочки, движущейся копны сена. Зафиксировано множество сообщений, касающихся способов перевоплощения ведьм: они выбирают для этого особые места (перекрестки, овинные ямы, гумно, подполье, печной шесток¹), где затыкают в землю или в пол семь (девять, двенадцать) ножей, либо кладут на землю веревку (коромысло, мялку для пеньки и т.п.) — и «перекидываются», т.е. кувыркаются через эту преграду или перепрыгивают через нее. Севернорусская ведьма (называемая чаще *колдуньей*) обычно изображается как старуха

¹ Шесток — площадка из глины или кирпича перед устьем русской печи.

с растрепанными седыми волосами и костлявыми руками. В южнорусских поверьях этот персонаж иногда представлялся в виде молодой привлекательной женщины. Активизация вредоносной деятельности ведьм, как считалось, повышалась в определенные календарные праздники: на святки, Благовещение, в дни свв. Егория, Ивана и Петра.

Приписываемые ей в русской мифологии вредоносные функции можно признать типовыми, совпадающими с основными стереотипами поведения всех разновидностей восточнославянских «ведьминских» образов. Среди них основными злокозненными действиями, отмечаемыми повсеместно, является выдаивание магическим способом молока у чужих коров и отбирание урожая злаковых культур с чужого поля. Прокравшись ночью в чужой хлев, ведьма-оборотень доит молоко в подойник или в кожаный мешок; либо она перевязывает вымя дойной коровы волоском, чтобы отобранное молоко перешло к ее корове (воронеж.). Ей также приписывалась способность отбирать молоко, не прикасаясь к чужому скоту: расставив в своем хлеву молочные горшки, она выкалала клички соседских коров, после чего ее посуда наполнялась молоком, а у чужих коров уменьшались надои. При отбирании молока ведьма могла «пригвоздить к месту» караулившего ее в хлеву хозяина коровы; она спрашивала его: «Ты сыдыш?» Он отвечал: «Сыжу!» — «Ну сыды ж себе до свита!» — и хозяин оставался оцепеневшим вплоть до рассвета [12. С. 122]. По народным представлениям, остатки молока у испорченной коровы сохраняют какую-то магическую связь с самой ведьмой: если понесшие убытки хозяева начнут кипятить такое молоко на ритуальном костре, виновница кражи будет испытывать страшные мучения (саратов., пермск.).

Реже фиксировалась способность ведьмы отбирать яйценоскость у соседских кур: она залезала под куриную нашеств в своем курятнике и кудахтала курицей, а потом тащила в дом целый подол яиц (орлов.).

Широко распространены также поверья об умении ведьм отбирать урожай с ржаного поля, делая вредоносные «заломы» (горсть переломленных колосьев) или «пережины» (узкие полоски сжатых колосьев, проложенные накрест из одного конца поля в другой). Для этого она вылетала по ночам из трубы своего дома верхом на кочерге, помеле, в ступе. Считалось, что таким способом ведьма отнимает урожайность злаков в свою пользу или забирает себе «спорину», «приполон», т.е. всю пользу с зерна, обильный умолот, высокое качество муки. Люди верили, что если сжать колосья с «пережатого» поля и сжечь их, то ведьма-*пережиница* заболит тяжелой болезнью (владимир., костром.).

Из других злокозненных действий этого персонажа часто упоминаются: способность напускать на людей всевозможные болезни; насылать порчу на молодоженов, вызывая их бесплодие; привораживать девуку к парню или разлучать супругов; пугать ночных прохожих, сбивать их с ног, душить, преследовать человека в виде животного и т.п. С севернорусским и сибирским образом ведьмы, именуемой *вещицей*, связан сюжет о том, что она в виде сороки прилетает к беременным женщинам и вынимает из их утробы еще не родившихся детей, заменяя их каким-либо предметом (головней, веником, краюшкой хлеба, льдинками и т.п.). Лишь в редких случаях упоминается способность ведьм превращать людей в волков (орлов., тульск.). Ведьма разезжает ночью по селу верхом на осиновой палке, выдергивает у петухов перья, вяжет из них пучки и разгоняет ими дождевые тучи; либо она для этой цели размахивает своим фартуком (воронеж.).

В южнорусской мифологии отражены некоторые единичные свидетельства о способности ведьм влиять на погоду: она могла вызвать засуху, разгоняя тучи (воронеж.), или снимала с неба луну и звезды (астрахан., курск., тульск.). Жители юго-западных областей России верили, что ведьма прячет у себя в горшках град, дождь, бурю, выпуская их по своему усмотрению.

Сравнительно мало распространены в России представления о полетах ведьм на свои совместные сборища в ночь на Иванов или Петров день. Считалось, что в облике сорок они слетаются все вместе на гору, на высокое дерево. Либо они летают в собственном своем обличье на хлебной лопате, на «лутотшке» (липовой палке со снятой корой). Подробностей об их времяпрепровождении на этих сборищах в русских свидетельствах встречается немного: ведьмы жгут костры, свишут и пляшут вокруг них, варят вредоносные зелья, чтобы травить людей (калуж.). Чаше фиксируется эпизод о человеке – свидетеле приготовлений ведьмы к полету, который последовал за ней, намазавшись колдовской мазью.

Большой цикл быличек посвящен теме распознавания ведьм односельчанами. Наиболее популярным можно признать сюжет о том, как хозяин коровы калечит ведьму-оборотня, пришедшую в его хлев отбирать молоко, и затем на другой день по характеру увечья пытается определить, которая из женщин села окажется покалеченной. По отдельным поверьям, распознать в обычной женщине опасное существо можно было, если идя за ней следом, показать ей кукиш: ведьма непременно обернется назад через левое плечо (курск.). Стараясь определить, кто из односельчанок занимается колдовством, люди наблюдали за поведением женщин в церкви на большие праздники: ведьмы стараются прикоснуться к церковным атрибутам или стоят задом к алтарю.

Чтобы не навредила ведьма, рекомендовалось при встрече с ней ударить ее наотмашь, но только один раз. Упавшая от удара ведьма станет якобы просить: «Ударь еще!», но этого делать нельзя [5. С. 39].

Особый раздел в цикле поверий о ведьмах образуют повсеместно распространенные нарративы о ее трудном умирании и посмертном хождении. Считалось, что душа обычного умирающего человека покидает дом, вылетая через окно, а души ведьм и колдунов бесы могут унести только через пролом в потолке. Поэтому при затянувшейся агонии «знающих» людей родственники старались приподнять потолочную балку. Свои мучения ведьма могла прекратить сама, если ей удавалось вовремя передать кому-нибудь свое сверхзнание или своих чертей-помощников.

Умершая ведьма, ставшая ходячим покойником, изображается в южнорусской мифологии как менее опасный дух по сравнению с умершим колдуном. Сообщалось, что она приходила ночью в свой дом, требовала от родственников поминальной еды, пыталась забрать с собой своего грудного ребенка, пугала домочадцев, мстила своим прижизненным обидчикам и т.п. Большую угрозу для живых представляли, по севернорусским данным, умершие ведьмы-колдуньи, именуемые *еретница*, *еретница*, о которых говорили, что они нападают на ночных прохожих, кусают их, пьют кровь, пытаются загрызть [3. С. 172].

Колдун. В названиях этого персонажа (преимущественно севернорусских) отражаются представления о его сверхзнании: *знаток*, *знатливый*, *ведьмак*; о его принадлежности к группе магических специалистов: *колдун*, *волховник*, *ворожец*, *кудесник*, *чародей*, *чернокнижник*; о его вредоносности и связях

с нечистой силой: *еретик, порчельник, опасный, бесистый, чертятник, чертознэй* и др. Колдунов считали более зловредными и более «сильными» магическими специалистами, чем ведьмы-колдуньи, над которыми они имели определенную власть. По севернорусским поверьям, среди них было мало *урожденных*, а больше обученных, сознательно вступивших в связь с чертями или прочитавших «черную книгу». Большой комплекс поверий и быличек посвящен теме, связанной со способами приобретения человеком колдовского сверхзнания. Для достижения этой цели считалось обязательным отречься от своей родни, от Бога и царствия небесного, совершить ряд богохульных действий: снять нательный крест, наступить ногами на икону, посвятить себя Сатане, продав свою душу.

По сравнению с ведьмами, колдуны менее склонны к оборотничеству. По одним поверьям, они могли принять вид кота, собаки, свиньи, иногда — волка или медведя. По другим — «колдуны вообще не могли переменить своего человеческого образа» [13. С. 167]. И напротив, для мифологии Нижнего Поволжья этот мотив в наборе признаков колдуна является одним из ведущих [8. С. 212].

Различались два типа этих персонажей: колдуны «сильные» и «слабые». Представителям первой группы приписывалась способность управлять погодой (вызывать градобитие, бури, вихри), повелевать опасными животными (волками, змеями), оборачиваться волком и превращать человека в животных, насылать болезни одним своим взглядом. Одним из критериев этого различения служат целительские способности тех и других: «слабые» колдуны могли только вредить, насылая порчу (на людей, скот, урожай), а «сильные» умели и портить, и снимать порчу — по своему усмотрению. На этом разграничении разных типов магических специалистов построены многочисленные сюжеты о единоборстве двух колдунов, пытавшихся доказать сопернику свое преимущество. Чаще всего это происходило, по многочисленным народным поверьям, на сельской свадьбе, охранять которую родители новобрачных приглашали непременно «сильного» колдуна. В противном случае было трудно избежать порчи со стороны колдунов-недоброжелателей: при поездке на венчание запряженные кони не могли стронуться с места либо по пути в церковь распрягались, падали; жених с невестой внезапно заболевали; свадебные гости начинали вдруг лаять по-собачьи; вся свадьба могла превратиться в стаю волков и т.п. Если колдуну удавалось оградить свадьбу от подобных бедствий, то и тогда во время свадебного застолья среди гостей находился кто-нибудь, желающий доказать свое преимущество в деле колдовства: двое колдунов демонстрировали друг перед другом свое магическое мастерство.

Главной вредоносной функцией колдуна повсеместно считалось у него насыла́ть порчу на людей, скотину, домашнюю птицу, на урожай, на фруктовые деревья. Следствием такой порчи могли быть увечье или смерть человека, разные недуги или серьезные заболевания, бесплодие молодоженов, ссоры в семье, вселение в тело жертвы «икоты», «подсаживание бесов» в новый дом, неудачи в хозяйстве, падеж скота, пропажа молока у коров, утрата урожая, порча воды в колодце, неполадки с печью (когда дым идет внутрь дома), нашествие вредных насекомых или грызунов, пожары и т.п. [9. С. 476—477]. Чаще всего порча насыла́лась взглядом, либо «по ветру», либо через прикосновение, либо с помощью магического слова, путем подбрасывания вредоносных предметов, закручиванием «заломов» в злаковом поле или способом выстригания

узкой полоски во ржи («пережины»). Хитрые колдуны насылали порчу словами похвалы, угощением вредоносным «наговорным питьем» и т.п.

По одним поверьям, все эти бедствия устраивали так называемые черные *знатки*, а кроме них были еще и «полезные» колдуны, выполняющие функции знахарей. Однако по другим, более массовым поверьям, один и тот же колдун «мог ладить на зло, а мог ладить и на добро». К числу полезных для человека действий колдунов в русской мифологии относятся следующие: они охраняют свадьбу; снимают порчу и сглаз; лечат болезни; обезвреживают вредоносные «заломы» и «пережины»; помогают пастуху пасти скот; умеют «закрывать» коров, пасущихся на пастбище, чтобы их не видели волки; «налаживают» охотнику ружье, делая его метким; обеспечивают удачу в рыболовстве; изгоняют домашних насекомых; распознают причину бедствий; толкуют сны, предсказывают будущее; находят потерянный скот или пропавшие вещи [9. С. 478–496].

По южнорусским представлениям, делая «пережины» в чужом поле, колдуны привязывают к ногам ножницы и передвигаются на них среди ржаных всходов, как на лыжах, выстригая колоски (орлов., тульск.). В Костромском крае рассказывали, что колдуны состригают колосья ножницами, двигаясь над полем вниз головой, не оставляя на земле следов ног.

Во всех делах колдунов — и в заботах о собственном хозяйстве, и во вредоносных действиях по отношению к односельчанам — им помогают чертенья-помощники, которые служат им до конца жизни своего «хозяина». Но во избежание мучительной смерти и тяжелой посмертной участи колдуны (как и ведьмы) старались избавиться от этих нечистых духов, т.е. передать кому-нибудь «свой отряд чертей» (vladimir.).

В наборе основных мифологических признаков колдуна сравнительно редко встречаются мотивы, связанные с попытками его распознавания односельчанами, поскольку имена «сильных знатков» обычно были хорошо известны всей округе, а сами колдуны не скрывали (в отличие от ведьм) своего сверхзнания и гордились им. Зато весьма подробно разработаны сюжеты о трудной смерти колдунов и об их посмертном хождении.

Репутацией «знающих» в русской мифологии пользовались в той или иной степени люди определенных профессиональных занятий: плотники и печники, пастухи и коновалы, мельники и кузнецы, пчеловоды, паромщики, портные, бабы-повитухи, свадебные дружки и некоторые другие. Всем им приписывалась связь с нечистой силой, обеспечивающей успехи в овладении знаниями в своем ремесле.

Знахари/знахарки. Магические специалисты, именуемые *знахарями*, чаще всего характеризовались как люди, сверхзнание которых используется во благо человеку, причем считалось, что они получали свое «знание» от Бога, а не от нечистой силы (подобно колдунам). Снимая порчу и сглаз, помогая отыскать пропажу, предсказывая будущее, изгоняя вредоносных насекомых и т.п., знахари прибегают, как правило, к помощи святой воды, креста, молитвы либо целебных трав и кореньев. О знахарях говорили, что они «именем Божиим помогают» (смолен.).

Вместе с тем, по ряду свидетельств, у знахарей и знахарок тоже бывают на службе черти, которые исполняют все их приказания (новгород.). Более того, люди утверждали, что бывают «злые знахари», которые занимались вредоносной магией (нижегород.). По старым преданиям, первый знахарь знал свойства одних только полезных для человека трав, посеянных Богом. Но,

состарившись, захотел вернуть себе молодость и прибегнул к помощи дьявола, подсказавшего ему способ находить зловердные растения [3. С. 207].

Четкого разграничения знахарей и колдунов по признаку полезный/вредоносный в русских народных верованиях нет, но в целом преобладают представления о знахарях как врачей-лечителей и помощниках людей.

Волколак. Мифоним *волколак* в центральных и северных областях России не зафиксирован, но встречаются поверья о способности колдунов превращаться в волка (как и в любых других животных), чтобы вредить скотине своих недругов, или оборачивать свадьбу волками (арханг., вологод.). В западно-южнорусской мифологии более детально описываются магические способы, с помощью которых колдуны могли принять облик волка (кувыркание через воткнутый в землю нож) или превратить в волка другого человека (проклятием, «наговорным словом»). В этой региональной традиции термин *волколак* мог относиться и к «знающему» человеку, ставшему волком по своей воле, и к его жертве, насильно превращенной в волка.

Преимущественно для севернорусской мифологической традиции характерны поверья об особом статусе **про́клятых людей**, которых, как считалось, забирали к себе черти или лешие. Неосторожное произнесение слов типа: «Чёрт тебя побери!», «Леший бы тебя унес!», либо еще более опасных проклятий в адрес непослушных детей («Будь ты проклят!»), оценивалось в народе как факт отречения родителей от своих близких и как добровольная передача проклинаемого во власть нечистой силы. Проклятое дитя тут же исчезало и поступало в распоряжение злых духов, которые непрестанно водили его за собой по всем ближайшим окрестностям; похищенный ребенок даже мог видеть своих домашних и хотел окликнуть их, но он лишался голоса и оставался невидимым для людей. Пока участь ребенка еще не решена окончательно — останется ли он навсегда у нечистой силы или сможет вернуться к людям, у родителей остается надежда на его возвращение. Это было возможно при условии, что проклятый не дал сорвать с себя крест, не принял пищу от лешего, помнил своих родных, а те, в свою очередь, непрестанно молились бы за него, заказывали церковные службы и т.п. Тогда через какое-то время похищенных детей находили где-нибудь поблизости от деревни. Если же такое спасение долгое время не происходило, то это значило, что леший забрал ребенка к себе, накормил своей едой, и тот начал жить в его доме. Считалось, что он пополнил ряды других проклятых, живших в лесу «невидимым народом». Нечистая сила заставляла этих несчастных нести службу: похищать у людей оставленную без благословения пищу и питье, раздувать пожары в деревнях, заводить путников на бездорожье. Если удавалось вернуть себе проклятого ребенка, то он выглядел странным и одичавшим: кожа на нем была покрыта корой, он сторонился односельчан, с трудом мог разговаривать, его все время тянуло в лес. Вместе с тем, он приобретал некоторые признаки «знающего» человека: обладал даром ясновидения, к нему ходили за советом или чтобы узнать свое будущее.

С комплексом поверий о проклятых людях в русской демонологии связаны рассказы на широко известный в разных областях России сюжет о **подмен-ных шах**, т.е. о детях, которых проклинали родители и которые были похищены нечистой силой. А взамен украденного младенца черти или лешие оставляли в зыбке своего демонического ребенка-уродца, называемого *обмен*, *обменёнок*, *обменёныш*. Либо в качестве замены выступали подброшенные людям некие предметы: обгоревшее полено или осиновая чурка, или старый веник.

Однако для родителей эти предметы выглядели как точная копия украденного младенца, поэтому они много лет качали оборотня в колыбели, пытаясь его вырастить. В одном широко распространенном рассказе, по прошествии нескольких лет похищенная девочка подросла под опекой нечистой силы и, достигнув брачного возраста, присмотрела себе одного из сельских парней, подсказала ему способ сделать ее видимой и помочь вернуться к людям. Парень накинул на нее нательный крестик, — и она стала его женой. Вместе с мужем они нашли ее родителей и увидели, что те все еще качают в колыбели мнимого ребенка (осиновое полено), которое они тут же перерубили топором.

Менее известен в русской мифологии второй вариант поверий о подменышах, широко представленный в поверьях Украины и у западных славян. В этой версии сюжета главным действующим лицом оказывается демонический ребенок (*обменёнок*, *лешее детище*), подброшенный людям вместо украденного у них младенца мифическими женщинами: *обменихой*, *чертихой*, *лешачихой* (либо банным духом, полудницей). В архангельских и новгородских быличках подменыш изображается как странное существо с большой головой. Люди замечали, что он плохо рос, все время плакал, но постоянно просил еду: съедал по крынке молока и по караваю хлеба за один час; обладал небывалой силой («был силен, как конь»). Чтобы вернуть своего украденного младенца, люди должны были положить подменыша на пол перед горящей печью и бить его прутьями ольхи, тогда якобы лешачиха сжалится над своим чадом и вернет людям их ребенка.

К мифологическому кругу поверий и быличек относятся также сюжеты о кладоискательстве, в которых *клад* описывается, во-первых, как объект действий человека, добывающего клад (либо как объект действий нечистой силы, охраняющей его), а во-вторых, как особое мифическое существо, именуемое *кладовый бес*, *кладовик*, *кладенец*, — персонификация самого клада (определяемого как «живой» клад). Хозяевами и распорядителями кладов считались черти, духи-«хозяева» земных недр, легендарные первонаселенники края, разбойники. А в качестве духов-охранителей, приставленных сторожить сокровища, часто выступали души «нечистых» покойников или бесы: умершие люди-«опойцы», погибшие кладоискатели, умершие некрещенные дети. Их видели возле спрятанных кладов либо в виде животных — змеи, ящерицы, кошки, собаки, белой коровы, медведя, либо в виде чудовищ.

Образ «живого» клада имеет все признаки мифологического персонажа: он выходит из-под земли, «пересушивается» на поверхности в лунные ночи, показывается людям в виде животного или ночных огоньков, пугает криками, стонами, убегает от людей в виде зайца, иногда сам подсказывает, как действовать человеку, чтобы он сумел завладеть богатством. Наиболее надежным способом овладения кладом считалось ударить оборотня наотмашь — тогда он рассыплется золотом.

Заключение. Являясь составной частью восточнославянской мифологической системы, русская народная демонология отличается рядом характерных особенностей, одна из которых — отчетливое выделение двух ее локальных подсистем: северо-восточной и юго-западной. Первая подсистема имеет признаки тесного этнокультурного взаимодействия русского и финно-угорского населения. Это отражается прежде всего в поверьях (не типичных для других русских региональных традиций)

о множественных персонажах из группы духов—«хозяев» локусов, как природного, так и домашнего пространства; в более подробно разработанном круге поверий о чертях—помощниках колдуна и о проклятых людях, в поверьях об особых святочных духах и др. Юго-западный мифологический комплекс, в свою очередь, демонстрирует явные этнокультурные связи русских с другими восточнославянскими народами. Для него характерны персонажные сближения между русскими и белорусскими или украинскими мифологическими образами: русалки, кикиморы, полудницы, волколака, умерших некрещеных детей, подменыша и др. Вместе с тем, основной состав русских мифологических мотивов и сюжетов демонстрирует очевидные общеславянские корни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балов А. Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1901. № 4.
2. Былички и бывальщины Воронежского края. Воронеж: Научная книга, 2009.
3. Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998.
4. Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях (Мифический любовник): Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.
5. Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3.
6. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука. 1987.
7. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996.
8. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Хромова, Ю.М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007.
9. Мороз А.Б. Знатки, ведуньи и чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М.: Форум-Неолит, 2012.
10. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.
11. Русинова И.И. Пермские названия злых духов — помощников колдуна на севернорусском языковом фоне // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь, 2014. Вып. 9.
12. Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии. Хрестоматия / Сост., вступ. ст. и примеч. Г.Н. Мокшин. Воронеж: Истоки, 2013.
13. Ушаков Д. Материалы по народным верованиям великороссов // Пермские епархиальные ведомости. 1896. № 2—3.

REFERENCES

1. Balov A. Oчерki Poshechonia. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1901. № 4.
2. *Bylichki i byvalshchiny Voronezhskogo kraia*. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2009.
3. Vlasova M.N. *Russkie sueveria. Encyklopedicheskij slovar'*. SPb: Azbuka, 1998.
4. Kozlova N.K. *Vostochno-slavianskie bylichki o zmee i zmejach (Mificheskij ljubovnik)*: Ukazatel' siuzhetov i teksty. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2000.
5. Kolchin A. Verovania krest'jan Tul'skoj gubernii. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1899. № 3.
6. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenia Vostochnoj Sibiri* / Sost. V.P. Zinovjev. Novosibirsk: Nauka, 1987.
7. *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*. Sost. O.A. Cherepanova. SPb.: Izd-vo SPb un-ta, 1996.
8. *Mifologicheskie rasskazy i poverja Nizhegorodskogo Povolzhia*. Sost. K.E. Korepova, N.B. Khromova, Ju.M. Shevarenkova. SPb.: Tropa Trojanova, 2007.
9. Moroz A.B. *Znatki, veduny i chernoknizhniki: Koldovstvo i bytovaia magia na Russkom Severe*. M.: FORUM-NEOLIT, 2012.
10. Pomeranceva E.V. *Mifologicheskie personazhy v russkom folklоре*. M.: Nauka, 1975.

11. Rusinova I.I. Prmskie nazvania zlykh dukhov – pomoshchnikov kolduna na severno-russkom iazykovom foie. *Trudy Kamskoj arkheologo-etnograficheskoy ekspedicii Permskogo gosudarstvennogo gumaniterno-pedagogicheskogo universiteta*. Perm', 2014. Vyp. 9.
12. *Sujeveria i predrassudki krest'jan Voronezhskoj gubernii*. Khrestomatia. Sost., vstup. St., primech. G.N. Mokshin. Voronezh: Istoki, 2913.
13. *Ushakov D.* Materialy po narodnym verovaniam velikorossov. *Permskie eparkhialnye vedomosti*. 1896. № 2–3.

Информация об авторе

Людмила Николаевна Виноградова,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела этнолингвистики
и фольклора Института славяноведения
РАН, г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-4938-4808.
Lnv36@yandex.ru

Information about the author

Ludmila N. Vinogradova,
Dr. filological sciences, Leading Researcher,
Department of the Ethnolinguistic and folklore.
The Russian Academy of Sciences. Moscow,
Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-4938-4808.
Lnv36@yandex.ru

Мотивы странничества в житиях Христа ради юродивых (Прокопий Устюжский, Исидор Твердислов, Василий Блаженный)

© 2021 г. Ю.А. Ростовцева

Библейский портал ekzeget.ru
(Москва, Российская Федерация)

rostoyuliya@yandex.ru

Аннотация: В статье на материале древнерусских житий трех юродивых – Прокопия Устюжского, Исидора Твердислова и Василия Блаженного демонстрируется связь похабства и странничества. Показывается, что в целом ряде случаев страннические мотивы являются частью мифопоэтики указанных литературных памятников. Особое внимание уделяется мотивному и текстологическому сопоставлению агиографических произведений со «Словом о странничестве» («Лестница») преподобного Иоанна Синайского. Автор приходит к выводу, что изображение юродивого в виде земного странника можно отнести к топосам житийной литературы.

Ключевые слова: юродство, странничество, Прокопий Устюжский, Исидор Твердислов, Василий Блаженный.

Ссылка для цитирования: *Ростовцева Ю.А.* Мотивы странничества в житиях Христа ради юродивых (Прокопий Устюжский, Исидор Твердислов, Василий Блаженный) // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 117–126. DOI: 10.31857/S0869544X0015974-4.

Motives of wandering in the Lives of Christ for the sake of the fools (Prokopiý Ustyuzhsky, Isidor Tverdislov, Basil the Blessed)

© 2021 Yu. A. Rostovtseva

Bible Portal ekzeget.ru
(Moscow, Russian Federation)

rostoyuliya@yandex.ru

Abstract. The article uses the material of the ancient Russian lives of three fools: Procopius of Ustyuzha, Isidor Tverdislov and Basil the Blessed to demonstrate the connection between foolishness and spiritual journey. It is shown that in a number of cases, wanderer motifs are part of the mythopoetics of these literary monuments. Special attention is paid to the motivic and textual comparison of hagiographic works with the «Word on spiritual journey» («Ladder») of St. John of Sinai. The author comes to the conclusion that the image of the fool in the form of an earthly wanderer can be attributed to the topos of hagiographic literature.

Keywords: foolish, wandering, Procopius of Ustiug, Isidor Tverdislov, Basil the Blessed.

Reference for citation: Rostovtseva Yu. A. Motives of wandering in the Lives of Christ for the Sake of the Fools (Prokopy Ustyuzhsky, Isidor Tverdislov, Basil the Blessed) // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 4. P. 117–126. DOI: 10.31857/S0869544X0015974-4.

Юродство нераздельно связано с духовным странничеством. Жития Христа ради юродивых представляют собой репрезентацию двух видов этого феномена: пространственного перемещения и молитвенной устремленности горе, в Иерусалим Небесный. В данной статье я остановлюсь на анализе трех наиболее репрезентативных житиях — Прокопия Устюжского (~1303), Исидора Ростовского (Твердислова) (~1474) и Василия Блаженного (~1557). Выбор именно этих святых обусловлен их «первенством». Прокопий — первый юродивый, канонизированный русской православной церковью, «первым подражателем бл. Симеону и Иоанну, путем юродства взошедшим на небо» называет его архиепископ Филарет Гумилевский в своем труде «Русские святые, чтимые всею Церковью или местно» [6. С. 346]. В литературном же отношении, как показал С.А. Иванов, историю «русского похабства» следует начинать с блаженного Исидора [10. С. 247]. Выбор третьего святого обусловлен его значимостью в историко-культурном отношении: по справедливому наблюдению Л.М. Сабировой, «Василий Блаженный — это эпиграф к русскому юродству, его своеобразная энциклопедия» [16. С. 1]. И сегодня как дань народной памяти и любви высится на Красной площади собор, названный именем этого угодника Божия. Вопреки хронологии появления святых в истории, следует начать анализ древнерусских памятников с жития Исидора Твердислова, которое послужило источником для последующей житийной литературы о юродивых [10. С. 247].

Уже в самой древней «Полной» (1500–1508 гг.) [3. С. 31] редакции памятника тема странничества появляется с первых строк повествования. Так, агиограф описывает житие Исидора как «еже в вѣрѣ по градѣ(м) Х[рист]а ра(ди) странствие»¹. Характерно, что словосочетание «Христа ради» соседствует именно со словом «странствие», а не со словом буйство, невзирая на то, что новозаветные тексты способствовали выбору совершенно определенной риторики: «Мы (оубо) буй Хр[и]с(та) ради» (1 Кор. 4:10). Похвалу за земное странствие, а не за юродство можно встретить и в начале Памяти святому, содержащейся в Великих Минеях Четых митрополита Макария: «И играа, Исидоръ житие се преиде и небеснаго царства доиде» [7. С. 242]. Как истинный странник, «иноязычный среди иноязычного народа» (преп. Иоанн Лествичник) [13. С. 51], блаженный Исидор является иностранцем: «ѡ(т) западныхъ оубо странъ ѡ(т) латынскаго языка, ѡ(т) нѣмечьскыя же земля»². Неабсолютная достоверность известия — «нако же повѣдаю(т) нѣци»³ — указывает на устный источник [4. С. 437]. В научной литературе высказывались различные взгляды на природу этой житийной детали. Так, по мнению М.Д. Каган, иноземство святого «было вполне реальным, однако какая западноевропейская страна была родиной юродивого неизвестно» [11. С. 575]. По словам С.А. Иванова, иностранные корни Исидора, с одной стороны, напоминают об Андрее Царьградском и могут оказаться «литературным топосом», а с другой — производят

¹ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 99об.

² ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 100об. — 101.

³ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 100об.

впечатление подлинного факта [10. С. 248], к «пустым топосам» относит эту агиографическую черту О.В. Гладкова [2. С. 204]. Опираясь на последнюю гипотезу, можно предположить, что в литературном отношении иноземство подчеркивало чуждость похаба этому миру, актуализируя мотив странничества в земной юдоли. Если рассматривать указание на происхождение святого как элемент мифопоэтики, нельзя не заметить одной символической особенности: придя из немецкой земли, т.е. земли немой по отношению к вере в Божественное Слово, Исидор становится Твердисловом: «утверди бо умъ и со словом вкупѣ, еже обща к Богу» [7. С. 242].

Характерно, что взятие креста юродства также сопряжено в «Житии» с семантикой пути. Исидор приемлет «бжствено житіе», не иначе как приведя на память слова Евангелия: «аще (кто) хоцеть ꙗко мнѣ ити да ѿ(т)вържеться себе и възметь кр[е](с)тъ свои, и ꙗко мнѣ градеть»⁴. При этом крестный путь Исидора начинается с пространственного перемещения, о чем в различной словесной вариации автор жития говорит дважды: «и тако исходить из дому своего» [номер], «и тако ѿ(т) землѣ(и) о[те]чства своего ѿ(т)ходить, и къ (во) сточнымъ странамъ поиде възскати древле погжбленаго ѿ[те]чства»⁵.

Смысловой повтор заостряет внимание читателя на добродетели странничества. Именно с оставлением родины связывает последнюю преподобный Иоанн Лествичник, ставя в пример Авраама, «исшедшего из земли своей, рода своего и дому отца своего» (Быт. 12:1) [13. С. 53]. Особый смысл имеет и движение святого «к (во)сточнымъ странамъ». В Евангелии от Луки «Востоком» называется Сам Спаситель: «посѣтилъ есть насъ Востокъ свыше» (Лк. 1:78). Слова о взыскании «древле погубленного отечества» архиепископ Филарет Гумилевский связывал с возможным славянским происхождением святого: Исидор «родился где-то в Германии и, вероятно, около Бранибора (Бранденбурга), где бедные славяне теснимы и угнетаемы были немцами с бесчеловечною жестокостью» [5. С. 97]. На мой взгляд, речь идет о литературном мотиве: взыскание погибшего отечества коррелируется с поиском потерянного рая, который, согласно Библии (Быт. 2:8), находился на Востоке. Таким образом, более вероятен смысл, в соответствии с которым Исидор обрел святость догреховного Адама. В пользу этой гипотезы говорит и наречие «древле»: **«древле погжбленаго ѿ[те]чства»**, и хайретизм, которым открывается похвала святому: **«ра(д)уиса свѣтозарное с[о]лнце. ѿ(т) запа(д) възсавши. и къ востоку пришедыи. и древле погжбленное ѿ(т)[е]чство наслѣдовавши»**⁶. Если бы речь шла о фактическом отечестве, а не об аллегорическом, то как бы можно было его «наследовать» простому похабу, находящемуся на низшей ступени социальной иерархии?

В странствиях Исидор получает общественное подтверждение своего сакрального статуса: «и грады прохода и мѣста и многу досадоу бл[а]женныи, и оукореніе приємлетъ, и биеніе ѿ(т) безоумныхъ ч[е]л[ове]къ **яко юрѿ(д) вмѣнаемъ ими и безоумень**»⁷. Знаменателен и выбор похабом места своего обитания. В «Слове о странничестве» «Лествицы» Иоанна Синайского говорится, что, удаляясь от мира, должно подвижнику «избирать для жительства места, лишеныя случаев к утешению и тщеславию» [13. С. 53]. Именно таким местом становится «коуша

⁴ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 101об.

⁵ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 102.

⁶ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 112.

⁷ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 112.

въ хвастѣи непокровеной на мѣстѣ сжѣ въ градѣ среди блатца нѣкотораго»⁸. Как «непокровеная» лишена она утешения, как скрывающая от людей служит ограждением от тщеславия: «яко егда м[о]л[и]твѣ творити ему и невидимъ бж-деть ѡ(т) ч[е]л[ове]къ»⁹. Многие из этих страннических мотивов были заимствованы автором жития Прокопия Устюжского и ввиду этих заимствований стали причиной безосновательных научных выводов.

В своей фундаментальной работе «Смех как зрелище» А. М. Панченко отмечает любопытную особенность: «чтобы вступить на путь юродства, европейцу приходилось переселяться в Россию» [14. С. 94]. В качестве примеров такого «переселения» ученый приводит жития Исидора Твердислова и Прокопия Устюжского, причем в анахроническом порядке: сначала житие Прокопия, а потом ростовского юродивого. Данные текстологии в работе были проигнорированы, а потому «этимология» сведений об иноземстве святых осталась за рамками данного исследования. Как следствие, житийные тексты рассматривались в одной редакции, притом, как правило, не самой ранней. Вероятно, в противном случае ученому пришлось бы констатировать, что описанное им явление переселения будущих юродивых на Русь вовсе не составляет собой отдельный культурный феномен, но принадлежит области «движения текста» [15. С. 11]. Так, к примеру, хранящийся в Отделе рукописей РГБ список Жития Прокопия Устюжского¹⁰, который наиболее полно отражает «начальный вид “свода” середины XVI в.» [1. С. 110], совершенно не содержит данных об иноземном происхождении святого, изначально наделяя его русскими корнями и изображая жителем Устюга: «И мы хоше(м) написати ѡ преславно(м) се(м) пр(о)р[о]ч[е](с)тви(и) и ѡ неи(з)реченно(м) чю(де)си е(ж)[е] в наша лѣта содѣяша во градѣ устюгѣ. Бы(с)[т]ѣ нѣкий му(ж) оуро(д)[и]вы[и] Х[ри](с)[т]а ра(д)[и] имене(м) прокопеи, живаше в паперти оу ц[е]ркви с[в]ятыа Б[огоро](д)[и]ца ч[е](с)наго еа оупения»¹¹. Известная же словесная формула «Бывшу же ему ѡ(т) сѣверныхъ странъ ѡ(т) латыньска языка ѡ(т) немецкіа земли»¹², на которую указывал Панченко, появляется столетием позже в так называемом каноническом житии святого. Вместе с иноземством Прокопия указанный текст содержит целый комплекс мотивов, который вернее всего можно было бы соотнести с темой странничества. Так, из «немецкіа земли», т.е. земли немой, святой отправляется «в великіи пресловущіи новѣ градѣ»¹³ Новгород, который, являясь локусом «новой», истинной веры против веры ветхой, латинской, служит в то же время местом обретения подлинного благочестия, обновления Прокопия. Примечательно, что «Б[о]жїимъ бл[а]говоленїемъ» будущий русский похаб отправляется в Святую Русь не ранее того момента, когда «пришедшу [...] ему в совершенный возрастъ и в мужественныи»¹⁴. Этот парафраза тринадцатого стиха четвертой главы Послания апостола Павла к Ефесянам, вероятно, имел своей целью скрытое противопоставление просвещенного светом православной веры Прокопия — прежнему Прокопию, «скитающемуся всяким ветром учения» (Еф. 4:14). По наблюдению С. А. Сидорова, одной из побудительных причин странничества является «искание руководителей»

⁸ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 112.

⁹ ГАЯО. Оп 1. № 446 (196). Нач. XVI века. Л. 112.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 1365.

¹¹ ОР РГБ. Музейное собр. Ф. 178. Ед. хр. 1365. XVII век. Л. 4об.

¹² ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 5об.

¹³ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 6.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 5об. — 6.

в духовной жизни [18. С. 165]. По пришествии в Новгород, увидев «истинную [...] инепорочную х[ристо]ву вѣру»¹⁵, Прокопий тотчас преобразается в странника, озадаченного поиском наставника. В научной литературе не раз указывалось на анахронизм: духовным руководителем для пришельца из северных стран становится преподобный Варлаам Хутынский. Кроме указанного элемента мифопоэтики можно назвать и двойное упоминание о принятии Прокопием креста юродства Христа ради. В первый раз тема похабства появляется в новгородском отрывке жития в связи с тем, что Прокопий «облечеса в ра(з)дранныа ризы» и «раздаде все свое имѣніе нищимъ»¹⁶, к этим сведениям присовокупляется цитата из Послания апостола Павла к Коринфянам «буаа міра избра б[о]гъ, да премудрыа посрамитъ» (1 Кор. 1:27). По-видимому, объяснить «буйство» святого только лишь добровольной нищетой оказалось затруднительным, и агиограф вводит повторное известие об оставлении Прокопием своей Родины: «землю и отечество свое остави, и ниво чтоже вѣмѣнивь»¹⁷. По сути же составитель жития восхваляет первого русского юрода не за юродство, а за ту добродетель, которая на аскетическом языке называется странничеством. В третьем Слове «Лествицы» — книги, имевшей в Древней Руси огромную популярность, преподобный Иоанн поучает оставить отечество и родных по плоти ради «стремления к благочестию» [13. С. 46]. Тема странничества появляется в житийном произведении и позднее. Так, удрученный похвалами новгородцев Прокопий испрашивает благословение у отца своего Варлаама «оустремитиса в путнее шествіе ити к восточнымъ странамъ»¹⁸. Старец уговаривает его остаться в стенах монастыря, пока не стихнет людская молва. Однако подвигу иноческого уединения святой противопоставляет не юродство, благословение на которое даже не испрашивает, а странничество. Далее в деталях описываются скитания Прокопия: «И прох(ж)даше бл[а]женныи многіа грады и страны, лѣсы и дразги и блата мокрыа непроходимыа но все то ѡнъ с радостию веліею терпаше Хр[и]ста ради и хотя взыскати древле погибшаго отечества»¹⁹. Именно в странствиях, вслед за своим литературным предшественником, Прокопий обретает истинный путь к Богу: «якоже юродъ вменяется или яко безумень»²⁰. К Житию Исидора Твердислова восходят и сведения о странствии святого «к восточнымъ странамъ». Но помимо райских коннотаций, эти слова имеют здесь и иные. «Востокъ» — это еще и восход [19. С. 60], тепло утреннего солнца. Семантикой тепла наполнено и новое место пребывания Прокопия — Устюг. Придя «с северныхъ странъ», где в климатическом отношении могло быть не холоднее, чем на Руси, святой поселяется в городе, получившем свое название от соединения слова «устье» с названием реки «Юг», будто совершив, таким образом, странствие из холодной в благочестии земли в землю горячую в правоверии. Наряду с движением от полюса религиозного холода к полюсу тепла, Прокопий осуществляет перемещение из места, исполненного человеческого упокоения, почестей и похвал (Новгород), в место, лишенное «случаев к утешению и тщеславию», т.е. именно в такой локус, который признается наиболее удобным для совершения подвига странничества Иоанном Синайским [13. С. 53]. Придя в Устюг, святой

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 6–6об.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 10.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 10 об.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 11.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 12 об.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 37 Ед. хр. 104. XVII век. Л. 13.

«изволи жительствовати» на паперти церкви Успения Пресвятой Богородицы. На паперти успенского храма проводил свое жительство и другой странник — преподобный Алексий человек Божий. Не случайна здесь и тема успения. Прокопий избирает местом пребывания пространство, напоминающее о бренности человеческой жизни, исполняя на деле совет из Иоанна Лествичника: «сожителиницу неразлучную стяжи — память смертную» [13. С. 51].

Другим излюбленным местом для блаженного становится камень на берегу реки Сухоны, сидя на котором он возносит молитвы за тех, кто предал себя стихии. В конце жизни святой будет умолять, чтобы его погребли близ этого камня, освященного молитвой о путешествующих. Так, похаб избирает место упокоения близ странствующих. В поздних обработках тема странствия, ее контаминация с темой юродства приобретает более вербализированный вид. К примеру, в «Житии преподобного Прокопия Устюжского», изданного Обществом любителей древней письменности в 1893 г., святой восхваляется за то, что «в вѣре хр[и]-(с)тіанстѣй по градомъ Хр[и]-(с)та ради в странствіи» пребывал [8. Л. 9].

Однако ни в каком другом повествовании о юродивом тема странничества не приобретает такого размаха, такой широты, как в Житии Василия Блаженного, текст которого буквально усыпан цитатами и реминисценциями из третьего Слова «Лествицы». Уже в самом раннем списке памятника, содержащемся в Августовской Четвы Минеи 1600 г., юродивый прославляется как странник, оставивший «сродникъ своихъ» Господа ради: «любовию христовою оугасивъ любовь родителей, и ближнихъ любве чюдѣ. и оставль родъ свои и домъ отчѣскъ и градъ идѣже родися»²¹. Связь со «Словом о странничестве», которая имеет здесь лишь мотивный характер, впоследствии обретает черты полноценного текстового заимствования, в свете которого по-новому осмысливается и фрагмент об оставлении родителей. «Видите, — рассуждает агиограф, — добро опечалити родителя, а не бога, овъ бо созда и спасе, ови же множицею ихъ же возлюбиха погибоша, и муцѣ предашеся»²². Рассуждение это есть незакавыченная цитата из 12-го параграфа «Слова о странничестве». Для сопоставления приведем последнюю на древнерусском языке в составе рукописи первой половины XVII в.: «Добро ѡпечалити ро(д)[и] тела, а не г[о](с)[по]да, овъ и соз(д)а и сп[а]се. Ови (ж) множицею иже во(з)любиха погубиха і моуце предаша»²³. Очевидно, за исключением мены слова «Господь» на синонимическое «Бог» рука составителя Жития не коснулась отрывка. Развивая мысль о добродетелях Василия, средневековый книжник восхваляет его за то, что святой «отца имѣ отсѣчение бремя грѣховное, матеръ чистоту сквернѣ омытие, братию желание течение к горнему иерусалиму»²⁴. Вся эта риторика является парафразом 14-го параграфа «Слова о странничестве»: «бу(д)[еть] тебе о(т)[ѣ]цѣ, иж[е] обрешени грѣховнемъ спотру(д)[и] тиса могиі і хотаи м[а]ти ж[е] оумилеіе ѡ(т)мытитѣ ѡ(т) сквѣрны могущее, бра(т) же иж(е) к теченію горнемоу»²⁵. Однако этим агиограф не ограничивается, приводя в тексте пространное рассуждение о странничестве, восходящее к тому же источнику.

²¹ ГИМ. Ед. хр. 317 Августовская Минея Четвя. 1600. Л. 69.

²² ГИМ. Ед. хр. 317 Августовская Минея Четвя. 1600. Л. 69.

²³ ОР РГБ. Ф. 173.1 Ед. хр. 38. Первая половина XVII в. Л. 43об.

²⁴ ГИМ. Ед. хр. 317 Августовская Минея Четвя. 1600. Л. 70об.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 173.1 Ед. хр. 38. Первая половина XVII в. Л. 44.

Житие Блаженного Василия в составе Августовской Минеи	«Лествица» Иоанна Синайского («Слово о странничестве»)
«велико есть странничество конечно бываемое добро, яко же рече господь, смотрим да не како будет намъ странничество тшеславию вина странничество бо есть всѣхъ отлоучение. Странничество бо есть не забытна плача желателно. Странень есть и всѣхъ своихъ и чужихъ любви бѣгалъ ¹ ».	«смотри(м) да некако боудеть намъ странниче(с)-тво тшеславию вина. [...] странни(ч)[е]ство бо е(с)[ть] всѣхъ о(т)-лучение [...] стра(н)ничествоуаѣ е(с)[ть] незабытна плача желатель. Стране(н)[ѣ] иж(е) всакіа свои(х) и туж(д)іхъ любве бѣгатель ² ».

Помимо ошибок: «бѣгатель» — «бѣгалъ», «желатель» — «желателно», есть и сознательные вставки смыслового характера, например выражение «яко же рече господь», вследствие чего слова преподобного Иоанна Лествичника приобретают статус Божественных заповедей. Совершенно закономерно в этой связи, что блаженный Василий изображается «ходяи поутемъ заповедей господних»²⁶. Помимо списка Жития в составе Августовской Минеи, текстовые заимствования из «Слова о странничестве» можно заметить и в более поздней, Особой редакции Жития по списку № 41, где, например, присутствует характеристика Василия: «во своемъ языцѣ яко иноязыченъ», восходящая к 13-му параграфу «Слова о странничестве»: «странник тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа» [13. С. 51]. Также восхваляет святого за странничество в выражениях, которые восходят к «Лестнице», составитель Жития XVII в.

Житие Блаженного Василия	«Лествица» Иоанна Синайского («Слово о странничестве»)
«всѣми бл[а]г[и]ми мира сего обилень бывъ: недовѣдома пр[е]м[у](д)рость, необличае(м) смыслъ ³ ».	«странничество е(с)[ть] невѣдомаа пр[е]м[у](д)-рость, необличае(м) смыслъ ⁴ ».

Странничество занимает в житийном повествовании о Василии такое значительное место, что возводится в ранг подвига, соотносимого с юродством: «Видѣте блаженного страдания и терпѣния и странство и юродство Христа ради»²⁷. И «страдание» упомянуто, и «терпение», но только о странничестве, как и о главном делании святого, говорится, что оно было «Христа ради». Последнее обусловлено тем, что странничество в Житии рассматривается широко: и как физическое, пространственное перемещение с сакральной целью (оставление отечества, уход из родного дома, выбор места, лишенного поводов к утешению и тшеславию), и как движение духовное (мысль, неразлучная с Богом). Вместе с тем духовному странничеству Василия все же отдается преимущество, о чем свидетельствуют следующие сравнения: «подобень неясити пустыньней, но и та на время гнѣздо оустраять ко изведению птенцемъ, блаженный ж бо-гови предстоя всегда оумъ и душею і сердцемъ»²⁸. Как видим, физическому обретению приюта противопоставляется всегдашнее духовное предстояние Богу. В житийных редакциях XIX в. странническая риторика не только вербализирована, но и выделена графически. Так, в книге «Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые Московские чудотворцы» (1866) надлежащие отрывки текста обозначены курсивом:

²⁶ ГИМ. Ед. хр. 317 Августовская Минея Четья. 1600. Л. 75.

²⁷ ГИМ. Ед. хр. 317 Августовская Минея Четья. 1600. Л. 77–77об.

²⁸ ГИМ. Ед. хр. 317 Августовская Минея Четья. 1600. Л. 79об.

«Имѣя предъ собою непрестанно образъ земной жизни Божественнаго Подвигоположника, блаженный Василий по прибытіи въ Москву не имѣлъ нигдѣ постоянного пристанища, не имѣлъ *гдѣ главы поклонити*. Живя въ многолюдномъ городѣ, исполненномъ постоянныхъ заботъ и тревоженій житейскихъ, Блаженный Василий въ тоже время могъ сказать о себѣ словами Апостола: *не имамъ гдѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскую* (Евр. 13, 14) [17. С. 5]

По наблюдению И. И. Кузнецова, который первым издал тексты житий и похвальных слов Блаженного Василия, эти материалы говорят о подвигах святого «в самых общих чертах, совершенно почти не давая биографических о нем сведений» [12. С. 330]. Указанное обстоятельство нельзя назвать случайным. В контексте добродетели странничества святой мог изображаться иностранцем, как Прокопий Устюжский, или, что называется, безродным. Так, книжник приписывает блаженному Иоанну Московскому Чудотворцу изречение, знаменующее собой, что для юрода нет дома, семьи или отечества: «отъ кѣихъ родителей родися, не вѣмъ, но токмо се реку: остави отца и мать и вся сродники и красоту міра» (цит. по [9. С. 244]).

Страннические мотивы — это устойчивая часть поэтики житий Христа ради юродивых, вышедшая далеко за рамки агиографических текстов и ставшая сегодня не только достоянием гимнографии, но и истории культуры. Некоторое подтверждение тому — надпись на могильной плите канонизированной в XX в. блаженной Ксении Петербургской: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На сѣм месте погребено тело рабы Божией Ксении Григорьевой [...] осталась после мужа 26-ти лет, *странствовала 45 лет*, а всего жития 71 год». Собственно, о сорокапятилетнем многотрудном подвиге юродства святой и не говорится, за исключением краткой приписки: «называлась именем Андрей Григорьевич».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власов А. Н. Литературная история праведного Прокопия, Устюжского чудотворца // Житие святого праведного Прокопия Устюжского. М.: Памятники ист. мысли, 2003. С. 103–122.
2. Гладкова О. В. Древнерусский святой, пришедший с Запада (о малоизученном «Житии Исидора Твердислова, ростовского юродивого») // Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и самостоятельное творчество, М.: Азбуковник, 2002. С. 167–210.
3. Гладкова О. В. К истории текста жития св. Исидора Твердислова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3(61). 2015. С. 31–32.
4. Городилин С. В. Между «немеческою землею» и Ростовом: исторические реалии в Житии Исидора Твердислова // Slověne. Т. 7. № 2. 2018. С. 414–450.
5. Гумилевский Филарет (архиеп.). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Май. Чернигов: Тип. Ильинского монастыря, 1863. 194 с.
6. Гумилевский Филарет (архиеп.). Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. Опыт описания жизни их. Т. 2. Май, июнь, июль, август. СПб.: И. Л. Тузов, 1882. 585 с.
7. Житие Исидора Твердислова (14 мая. В той же день память святого Сидора, юродиваго Христа ради, нарицаемого Твердислова, ростовскаго чудотворца) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. XII. СПб., 2003. С. 242–254.
8. Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб.: Общество любителей древней письменности. Вып. 103. 1893. 324 с.

9. Житие, преставление и сказание о чудесах святого праведного и блаженного Иоанна, нарицаемого Большого Колпака, Московского и Вологодского Чудотворца. Краткая рукописная запись, находящаяся при Покровском соборе. Цит. по Ковалевский И. свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской Церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М., 1902. С. 244.
10. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
11. Коган-Тарковская М.Д. коммент. Память святого Сидора, юродивого Христа ради // Библиотека литературы Древней Руси. Т. XII. СПб.: Наука, 2003. С. 575–576.
12. Кузнецов И.И. (прот.) Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради Московские чудотворцы (историко-агиографическое исследование) // Записки Московского Археологического Института, изд. под ред. А.И. Успенского. Т. VIII. М.: Тип. Л.В. Пожидаевой, 1910. 494 с.
13. Лествичник И. игумен. Лествица. М.: Сибирская благовзвонница, 2011. 573 с.
14. Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
15. Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. М.-Л.: Наука. 1964. 102 с.
16. Сабирова Л.М. Житие Василия Блаженного — памятник древнерусской агиограммы XVI века (проблемы текстологии и литературной истории произведения). Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 1992. 22 с.
17. Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые Московские чудотворцы. М., 1866. 54 с.
18. Сидоров С.А. О странниках русской земли / Записки священника Сергея Сидорова с приложением жизнеописания, составленного его дочерью В.С. Бобринской. М.: ПСТГУ, 2019. 494 с.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 3. Володѣнье — вящшина. М.: Наука, 1976. 288 с.

REFERENCES

1. Gladkova O.V. Drevnerusskii sviatoi, prishedshii s Zapada (o maloizuchennom «Zhitii Isidora Tverdislova, rostovskogo iurodivogo»). *Drevnerusskaia literatura: tema Zapada v XIII–XV vv. i samostoiatel'noe tvorchestvo*, М.: Azbukovnik, 2002. pp. 167–210. (In Russ.)
2. Gladkova O.V. K istorii teksta zhitia sv. Isidora Tverdislova. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*. № 3(61). 2015. pp. 31–32. (In Russ.)
3. Gorodilin S.V. Mezhdū «nemech'skoiu zemleiu» i Rostvom: istoricheskie realii v Zhitii Isidora Tverdislova. *Slověno*. Т. 7. № 2. 2018. pp. 414–450. (In Russ.)
4. Gumilevskii Filaret (arkhiep.). *Russkie sviatye, chtimye vseiu tserkov'iu ili mestno*. Mai. Chernigov: Tip. Il'inskogo monastyrja, 1863. 194 p. (In Russ.)
5. Gumilevskii Filaret (arkhiep.). *Russkie sviatye, chtimye vseiu tserkoviiu ili mestno. Opyt opisaniia zhizni ikh*. Т. 2. Mai, iun', iul', avgust. SPb.: I.L. Tuzov, 1882. 585 p. (In Russ.)
6. Ivanov S.A. Blazhennye pokhaby: Kul'turnaia istoriia iurodstva. М.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2005. 448 p. (In Russ.)
7. Kagan-Tarkovskaya M.D. komment. Pamiat' sviatogo Sidora, iurodivogo Khrista radi. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Т. XII. SPb.: Nauka, 2003. pp. 575–576. (In Russ.)
8. Kuznetsov I.I. (prot.) Sviatye blazhennye Vasilii i Ioann Khrista radi Moskovskie chudotvortsy (istoriko-agiofraficheskoe issledovanie). *Zapiski Moskovskogo Arkheologicheskogo Instituta*, izd. pod red. A.I. Uspenskogo. Т. VIII. М.: Tip. L.V. Pozhidaevoi, 1910. 494 p. (In Russ.)
9. Lestvichnik I. igumen. *Lestvitsa*. М.: Sibirskaiia blagovzvonitsa, 2011. 573 p. (In Russ.)
10. Likhachev D.S. *Tekstologiya. Kratkii ocherk*. М. -L.: Nauka. 1964. 102 p. (In Russ.)
11. Likhachev D.S., Panchenko A.M. «Smekhovoi mir» *Drevnei Rusi*. L.: Nauka, 1976. 204 p. (In Russ.)
12. Sabirova L.M. *Zhitie Vasiliia Blazhennogo — pamiatnik drevnerusskoi agiogrammy XVI veka (problemy tekstologii i literaturnoi istorii proizvedeniia)*. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. SPb., 1992. 22 p. (In Russ.)
13. Sidorov S.A. *O strannikakh russkoi zemli. Zapiski sviashchennika Sergiia Sidorova s prilozheniem zhizneopisaniia, sostavlenno ego docher'iu V.S. Bobrinskoi*. М.: PSTGU, 2019. 494 p. (In Russ.)
14. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vypusk 3. Volodŋn'e — viashch'shina*. М.: Nauka, 1976. 288 p. (In Russ.)

15. *Sviatye blazhennye Vasilii i Ioann Khrista radi iurodivye Moskovskie chudotvortsy*. M., 1866. 54 p. (In Russ.)
16. Vlasov A. N. Literaturnaiia istoriia pravednogo Prokopiiia, Ustiuzhskogo chudotvortsia. *Zhitie sviatogo pravednogo Prokopiiia Ustiuzhskogo*. M. Pamiatniki ist. mysli, 2003. pp. 103–122. (In Russ.)
17. Zhitie Isidora Tverdislova (14 maia. V toi zhe den' pamet' sviatago Sidora, iurodivago Khrista radi, naritsaemogo Tverdislova, rostovskago chiudotvortsia). *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. T. XII. SPb., 2003. S. 242–254. (In Oldruss.)
18. *Zhitie prepodobnogo Prokopiiia Ustiuzhskogo*. SPb.: Obshchestvo liubitelei drevnei pis'mennosti. Vyp. 103. 1893. 324 p. (In Oldruss.)
19. Zhitie, prestavlenie i skazanie o chudesakh sviatogo pravednogo i blazhennogo Ioanna, naritsaemogo Bol'shogo Kolpaka, Moskovskogo i Vologodskogo Chudotvortsia. *Kratkaia rukopisnaia zapis'*, nakhodiashchaia pri Pokrovskom sobore. Tsit. po Kovalevskii I. sviashch. *Iurodstvo o Khriste i Khrista radi iurodivye vostochnoi i russkoi Tserkvi. Istoricheskii ocherk i zhitii sikh podvizhnikov blagochestiia*. M., 1902. P. 244 (In Oldruss.)

Информация об авторе

Юлия Александровна Ростовцева,
кандидат филол. наук, главный редактор
библейского портала ekzeget.ru
Москва, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>
rostoyuliya@yandex.ru

Information about the author

Yulia A. Rostovtseva,
Candidate of Philology,
Editor-in-Chief of the Bible portal ekzeget.ru/
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>
rostoyuliya@yandex.ru

J.M. Bak, G. Pálffy. *Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D.*
Budapest, 2020. 263 p.

Я.М. Бак, Г. Палфи. *Корона и коронации в Венгрии 1000–1916 гг.*

© 2021 г. О.В. Хаванова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

olkha9@hotmail.com

Ссылка для цитирования: *Хаванова О.В.* J.M. Bak, G. Pálffy. *Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D.* Budapest, 2020. 263 p. // *Славяноведение*. № 4. С. 127–129. DOI: 10.31857/S0869544X0015975-5.

J. M. Bak, G. Pálffy. *Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D.*
Budapest, 2020. 263 p.

© 2021 O.V. Khavanova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olkha9@hotmail.com

Reference for citation: *Khavanova O.V.* J.M. Bak, G. Pálffy. *Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D.* Budapest, 2020. 263 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 4. P. 127–129. DOI: 10.31857/S0869544X0015975-5.

С 2012 г. в Венгрии действует программа академической мобильности «Импульс» («Lendület»/«Momentum»), в рамках которой на срочной или бессрочной основе финансируются масштабные проекты в разных областях наук. В числе заявленных целей – развитие диалога науки и общества, пропаганда достижений венгерских ученых в стране и за ее пределами. Одним из первых поддержанных и по сей день успешно действующих проектов стал «Святая корона» на базе Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук (с 2019 г. – Исследовательского центра им. Л. Этвеша). В рамках

проекта в 2020 г. вышла в свет монография на английском языке медиевиста Я.М. Бака (1929–2020) и специалиста по истории раннего Нового времени, руководителя проекта Г. Палфи «Корона и коронации в Венгрии 1000–1916 гг.». Это синтетическая научная работа – первая столь подробная на английском языке, основанная на результатах новейших исследований. В силу детально проработанной структуры, богатой фактографии, высококачественных иллюстраций книга будет интересна широкой читательской аудитории.

Книга состоит из краткого предисловия, трех разделов, посвященных порядку

наследования, церемонии коронации и судьбе инсигний, и заключения; в приложение вошли хронологическая таблица коронаций и перемещений святой венгерской короны, избранная библиография, именной указатель и список правообладателей иллюстраций, которыми богато снабжено издание. Временные рамки книги — от условного 1000 г., когда Венгрия при первом короле Иштване I приняла христианство, о чем известно по скудным свидетельствам позднейших хроник, до 1916 г. — последней в истории страны коронации императора Карла I Габсбурга венгерским королем под именем Карла IV, от которой до наших дней дошел массив письменных источников официального и личного происхождения, фото- и кинодокументов. Между двумя датами около 60 коронаций 52 королей (некоторые короновались несколько раз) и двух правящих королей. На протяжении столетий менялась юридическо-правовая база, появлялся все более детальный церемониал, создавались материальные объекты высокой художественной ценности, приобретающие в силу традиции сакральный смысл.

Первый раздел знакомит читателя с эволюцией практики престолонаследования. В ранние века венгерской государственности сосуществовали, сменяя друг друга, принципы широко понимаемого родства с правителем и старшинства в правящем доме. В эпоху чередования иноземных династий в XIV — начале XVI в. (Анжу, Люксембурги, Ягеллоны и др.) вопрос престолонаследия решался выборами при все более активном участии высшей знати, а затем и шире — сословий королевства. С воцарением Габсбургов в 1526–1527 гг. выборы короля сначала ограничились одной династией, а затем, в 1687 г., и сам институт выборности был отменен, при этом XVI–XVII вв. Венгрия относилась к немногим странам Европы, где одновременно реализовывались принципы выборности и наследственности.

Во втором разделе предлагается обзор истории коронаций: от самых ранних в Эстергоме и Секешфехерваре и до более поздних в Пресбурге (совр. Братислава), Шопроне и Буде/Будапеште. Ученые обратили внимание, что церемонии приурочивались к субботам или воскресеньям, дням церковных праздников и поминовения значимых святых. Особой популярностью в эпоху барокко пользовались праздники богородичного цикла, поскольку Дева Мария считалась покровительницей Венгрии. Для XI–XII вв. не

сохранилось практически никаких достоверных, не говоря уже о созданных очевидцами, записей церемонии коронации и инаугурационного помазания. Более или менее подробные описания имеются для вступления на престол Альбрехта Габсбурга в 1438 г. После 1526 г. закрепившийся на венгерском престоле Австрийский дом всячески демонстрировал преемственность с государственной традицией, поэтому в их коронациях сохранилось много элементов, отсылающих к практикам более ранних веков. Характерно, что известные историкам случаи ношения короны имели место в исключительных ситуациях демонстрации суверенитета, превосходства перед другими правителями или восставшими подданными. Начиная с 1638 г. все случаи извлечения короны из сундука, где она обычно хранилась, строго документировались. Среди регулярных поводов значатся и коронации королей — церемонии с особым регламентом.

Средневековая Венгрия не знала права наследования земельной собственности по женской линии, это отразилось на порядке и практике наследования: когда в 1382 г. дочь Людовика (Лайоша) Анжуйского вошла на престол, она была коронована королем. История повторилась в 1741 г., когда венгерские сословия прокричали Марии Терезии: «Жизнь и кровь за нашего короля». Для супруг королей после 1563 г. постепенно сложился особый коронационный церемониал, символическим элементом которого со временем стало прикосновение венгерской короной к правому плечу королевы в знак того, что она — опора короля. Ее чело украшала особая, «королевина» корона.

Свидетелями актов коронации и помазания был ограниченный круг высших должностных лиц и иностранных послов, на коронационном банкете уже присутствовали представители сословий, двора и дипломатического корпуса, самым массовым и зрелищным элементом оставалась торжественная процессия в церковь, где проходила церемония. По мере изменения соотношения сил между королем и сословиями все большее значение приобретала коронационная присяга, восходящая к мифической клятве кровью вождей семи племен, пришедших в Карпато-Дунайский бассейн в конце IX в. Ее содержание менялось в зависимости от конкретной политической ситуации и в целом отражало не прекращавшийся диалог сословий с королевской властью о государственно-правовых принципах управления страной.

В третьем разделе систематически описаны материальные объекты (регалии или инсигнии), участвовавшие в коронации: корона, мантия, меч, скипетр, держава, кресты, штандарты, перчатки, башмаки, в которые перед коронацией облачался король и др. Церемония считалась легитимной, если архиепископ Эстергомский возлагал на чело короля святую венгерскую корону в одном из городов королевства. Начиная с 1427 г., в коронации мог участвовать надор (королевский наместник), с 1687 г. его участие стало обязательным. Возможно, в память о кочевом прошлом и в силу того, что требования коронации в одном конкретном городе так и не оформились, церемония не была связана с каким-то определенным тронном.

Святая венгерская корона — это регалия, окруженная мифами, вызывающая непреходящий интерес как у ученых, так и в широких кругах любителей истории. В книге дан краткий обзор достоверной на сегодняшний день информации о времени создания «латинской» и «греческой» корон и их соединения в единое целое. Установлен год, когда в результате механического воздействия при попытке открыть ларец с короной, крест, по всей вероятности, был погнут и уже не мог быть выправлен — 1638. С превращением короны в регалию, безусловно легитимирующую королевскую власть, она стала объектом притязаний, краж, торговли и обмена, неоднократно покидала территорию Венгрии, пролежала в земле четыре года, зарытая в укромном месте после поражения национально-освободительной войны 1849 г., после Второй мировой войны путешествовала через океан в США и в 1978 г. — обратно. Идеологическое оформление ее

исключительного места в государственно-правовой системе получило продолжение в лжеучениях о ее мистической силе.

Авторы пришли к выводу, что сформировавшиеся в стране за девять веков практики коронаций в основе имели более раннюю христианскую традицию, обладали рядом сходств с церемониями, нормами и обычаями соседних и типологически схожих монархий Чехии и Польши, но в то же время отличались от них в существенных деталях. Венгрия, по их мнению, стала мостом между западом и востоком континента, обрела с веками во многом уникальную политическую культуру, центральную роль в которой заняла венгерская корона.

Активное использование исследовательского опыта и научных достижений обоих авторов при создании синтетического труда стало залогом высокого качества научного текста: он терминологически и фактографически выверен, не перегружен лишними подробностями, но дополнен интересными, запоминающимися деталями. Логичная структура облегчает поиск по содержанию необходимой информации по частным вопросам, будь то коронационные столицы, королевские браки, процессии и пиры, история отдельных инсигний и др.

Книга станет незаменимым справочным и методическим пособием как при обращении историков к сюжетам, связанным с коронациями венгерских королей, так и в преподавании истории Венгрии с древнейших времен до 1916 г. В ней дана выверенная терминология на английском языке для важнейших понятий по теме короны и коронаций, имеются ссылки к основным письменным источникам и исследовательским работам.

Информация об авторе

Ольга Владимировна Хаванова,
доктор исторических наук,
профессор РАН, зам. директора
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7694-5292
Email: olkha9@hotmail.com

Information about the author

Olga V. Khavanova,
Dr. Sc., Professor of the RAS,
Deputy Director of the Institute
of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-7694-5292
Email: olkha9@hotmail.com

Славяноведение, 2021, № 4, с. 130–133

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 130–133

DOI: 10.31857/S0869544X0015976-6

Рецензия / Book Review

Ю. Константинова. Българите в османския Солун. София, 2020. 439 с.

Ю. Константинова. Болгары в османских Салониках.

© 2021 г. Н.С. Гусев

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

gusevns@gmail.com

Ссылка для цитирования: Гусев Н.С. Ю. Константинова. Българите в османския Солун. София, 2020. 439 с. // *Славяноведение*. № 4. С. 130–133. DOI: 10.31857/S0869544X0015976-6.

Iu. Konstantinova. Bulgarians in Ottoman Thessaloniki. Sofia, 2020. 439 p.

© 2021. N.S. Gusev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

gusevns@gmail.com

Reference for citation: Gusev N.S. Iu. Konstantinova. Bulgarians in Ottoman Thessaloniki. Sofia, 2020. 439 p. // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 4. P. 130–133. DOI: 10.31857/S0869544X0015976-6.

Салоники являются важным для болгарской исторической памяти городом. Из этих мест происходили славянские первоучители Кирилл и Мефодий. Здесь находился культурный и общественный центр жизни болгарского населения Македонии, особенно в период после освобождения Болгарии. При этом болгары и греки долгое время боролись за обладание городом. В итоге в 1912–1913 гг. вопрос решился военно-дипломатическим путем, но до этого сражения шли на фронтах культуры и национального строительства – названные диаспоры стремились укрепить свои позиции в Салониках. Несколько удивителен при этом факт, что борьбу за обладание городом вели третий и четвертый по

численности этносы (с. 60–68). Однако интересы евреев и турок, совокупно составлявших подавляющее большинство населения, молодые балканские государства не собирались принимать во внимание – при определении границ национального объединения мнение местного населения тогда не учитывали.

Расширению, сохранению и распространению памяти об историческом, культурном и экономическом присутствии болгар в Салониках был посвящен проект Института балканистики с центром по фразологии Болгарской академии наук «Салоники и болгары. История, память, современность». Руководителем проекта стала сотрудник названного учреждения

Ю. Константинова, она и подготовила обозреваемый в настоящей рецензии труд.

Целью монографии автор заявила «анализ имеющихся сведений о болгарской общине в городе в поздний османский период», который определяется как период с начала реформ Танзимата до создания Турецкой республики (с. 10). Однако фактически история болгарской общины в городе начинается с 1860-х годов, поскольку до того, составляя «видимую часть» жителей Салоник, она оставалась в стороне от процесса национального возрождения, в области просвещения и культуры не делала заметных шагов (с. 27). Впрочем, откровенно говоря, и в последовавшие несколько десятилетий наличие общины можно обнаружить только при наличии соответствующего желания. Автор привела имеющиеся отрывочные сведения о семьях переселенцев, торговцев, которые проявили болгарское самосознание, либо о болгарском происхождении которых доподлинно известно. И в этом калейдоскопе биографий и просопографического анализа становится очевидным, что до освобождения Болгарии болгары в Салониках нередко меняли позицию относительно собственной этничности, причем неоднократно. И какие-то единичные ростки на ниве болгарского просвещения возникали благодаря энтузиастам, а потому быстро чахли. Так, существовавшая в 1866–1868 гг. болгарская школа имела среди учеников как мальчиков, так и девочек, но канула в небытие со смертью ее основательницы Г. Динковой¹ (с. 30–32).

Тем не менее шел постепенный процесс роста болгарского населения города, в основном за счет миграции из Македонии. Переселенцы старались жить в окружении соплеменников, что отразилось и на городской карте — так возник Вардарский квартал (махала). При этом стоит отметить, что после создания Болгарского экзархата далеко не все болгары выбрали национальную церковь. Ее непрочные позиции перед властями привели к тому, что греки добились закрытия церквей, удаления священников и учителей. Экзархат советовал в таких случаях напоминать о привилегиях, данных султаном, однако все зависело от местных властей. Потому, как признала

Ю. Константинова, многие болгары из соображений спокойствия и безопасности выбирали Константинопольский патриархат (с. 55). И все же удельный вес болгар в городе оставался незначительным — даже по болгарским подсчетам накануне Балканских войн в городе проживали 3,4% их соплеменников-экзархистов, а с учетом представителей иных конфессий доля болгар в населении составляла максимум 7% (с. 68).

Неудивительны потому заботы Болгарии и Болгарского экзархата по созданию сильной общины в городе. Весьма откровенно писал экзарх Иосиф в болгарское министерство иностранных дел и вероисповеданий в 1884 г. о том, что в «Салониках нет таких болгар, которые могли бы организовать школу от имени общины, чем пользуются власти». Потому он считал, «нам нужно искусственно создать в Салониках общину и поддерживать болгар, что достигается через содержание т.н. школьного настоятельства» (с. 103).

С началом финансовых вливаний со стороны освобожденной Болгарии резко ускорился процесс пробуждения национального самосознания. Если до того просветительские инициативы были единичны и не находили широкой поддержки, то теперь внутри салоникской общины началась конкуренция между проектами. «Очевидно, за идеологическими различиями и принципиальными противоречиями часто скрывался вопрос о распределении средств. Конкуренция за средства общины существовала между церковными и школьными учреждениями, между самими школами, а также на межличностном уровне», — признала Ю. Константинова (с. 109). И при очевидной разнице между активностью диаспоры на ниве национального возрождения в условиях наличия и в условиях отсутствия внешнего финансирования напрашивается непроизнесенный автором и горький для болгарского патриота вопрос — а без этой подпитки достигло бы число населения, считающего себя болгарами, 3,4% или бы болгары полностью растворились среди греков? Некоторым подтверждением тому является тот факт, что, когда в 1890-е годы Экзархия резко сократила количество стипендий на обучение, значительно уменьшилось и число учеников (с. 218). Хотя, с другой стороны, финансовое положение большинства болгарского населения в Македонии оставляло желать лучшего. Это

¹ Однако не стоит обольщаться насчет прогрессивности Г. Динковой. Целью образования для девушек она видела реализацию призвания женщины как матери, домохозяйки и супруги (с. 32).

наглядно иллюстрируют результаты медицинского осмотра учеников школ. Так, в 1910–1911 гг. 50% принятых в женскую гимназию Салоник учениц были признаны слабыми по здоровью из-за систематического недоедания (с. 248). В то же время нельзя утверждать, что в гимназиях на учеников и учителей сыпалась манна небесная. Все повествование о болгарском школьном образовании в монографии – описание нищеты, бытовой неустроенности на фоне роста числа мигрантов, а соответственно – подопечных. При этом успехи были достигнуты немалые. Под подсчету Экзархии, в 1907 г. в Салониках 64% болгар являлись грамотными, а в самой Болгарии в 1910 г. – лишь 33,7% (с. 181).

Красной нитью через книгу проходит рассказ о противостоянии главному сопернику – греческой общине. Последняя в первую очередь препятствовала появлению собственных зданий у болгарской общины, понимая, что небольшие школы и церкви создают предел распространению чужого влияния. И болгарам приходилось идти на уловки. Без них, например, не появилась бы церковь Св. Димитрия². Приобретя для нее существующее здание мирского характера болгарская община уверяла, что перестраивает его в спальню для учеников из соседней школы. Однако спор дошел до салоникского вали, и того болгары способом, о котором история умалчивает, убедили согласиться с требованием поставить в здании несколько икон, а при необходимости иметь возможность отпевать там усопших. После этого вали дипломатично заявил грекам, что «здание может быть и похоже на церковь, но это не достаточная причина для запрета его строительства» (с. 131).

Вне правового поля действовали и греки. Например, угрожали расправой всем, кто планировал продать недвижимость болгарам, которые искали здание для мужской гимназии (с. 139, 142). Но и болгар нельзя считать беззубыми легалистами. Со временем Салоники стали центром революционного движения. Именно здесь в 1893 г. была учреждена Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО), практиковавшая вооруженные методы борьбы не только с турками, но и греками, и сербами. А Салоникская

гимназия превратилась в поставщика кадров для ВМОРО, что говорит о тех идеях, которые учителя прививали ученикам.

Противостояние этносов шло и на уровне символов. В 1907 г. на ежегодном карнавале обернутый в греческий национальный флаг сотрудник греческого консульства обьезжал улицы на велосипеде, переднее колесо которого было увито румынским, заднее – болгарским знаменем. Полиция его арестовала, но ничего не могла сделать с греками, скрывшими лица под масками и проехавшими на телеге с греческим флагом. В ногах же у них лежал театрально пронизанный дьявол, обвитый болгарский триколором (с. 365).

Болгарам все же удалось упрочить позиции в городе. Накануне Балканских войн болгарская церковная община в Салониках располагала четырьмя церквями, двумя кладбищами, восьмью школьными зданиями (с. 154). Однако от них не осталось следов уже ко Второй мировой войне. И сегодня лишь памятная доска, установленная в 2014 г. на месте, где находилась болгарская мужская гимназия, напоминает об усилиях местной болгарской общины (с. 155).

Монография Ю. Константиновой основана на болгарских, греческих и северомакедонских архивах, в ней полноценно используется научная литература на болгарском и греческом языках. В результате книга объективно освещает многочисленные аспекты темы. И, откровенно говоря, у ультрапатриотов-болгар ее прочтение не может не вызывать минорных настроений, в том числе и по отношению к соплеменникам. У стороннего же читателя неизбежно возникает соблазн экстраполировать описанное на более широкие массы болгарского населения. Ведь с учетом того, что большинство болгар в Салониках являлись выходцами из Македонии, ставится под вопрос и один из краеугольных камней болгарской исторической памяти – так ли прочно было национальное самосознание у жителей Македонии. И все же посмею возразить автору в вопросе репрезентативности ситуации в Салониках. Она не может являться точным индикатором – портовый город всегда космополитичен, в Салоники ехали в поисках лучшей доли, а потому конформизм там более естественен. Принадлежность же к притесняемому Экзархату лишь создавала препоны на пути к благополучию. К тому же, можно предположить, что переехавшие

² Находилась на нынешней улице Антигонидона, до наших дней не сохранилась.

в этот город проходили негативный отбор по критерию болгарской самоидентификации — наиболее мобильная и активная часть выбирала самостоятельное Болгарское княжество, где с успехом реализовывала себя.

И тем не менее, по прочтении книги нельзя отделаться от ощущения, что борьба за Салоники мирным путем была обречена уже изначально. И виной тому не только «греческие козни».

Информация об авторе

Никита Сергеевич Гусев,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0002-9573-7018
gusevns@gmail.com

Information about the author

Nikita S. Gusev,
Candidate of History, senior research fellow,
Department of the History of Slavic Peoples during the World Wars, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-9573-7018
e-mail: gusevns@gmail.com

Славяноведение, 2021, № 4, с. 134–136

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 134–136

DOI: 10.31857/S0869544X0015977-7

Рецензия / Book Review

Отечественная богемистика в новом тысячелетии:
Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного
профессора МГУ им. М.В. Ломоносова
Александры Григорьевны Широковой. М., 2020. С. 152.

© 2021 г. О.И. Черчук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

cherchuk-olga@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Черчук О.И. Отечественная богемистика в новом тысячелетии: Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой. М., 2020. С. 152 // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 134–136. DOI: 10.31857/S0869544X0015977-7.

Czech Linguistics in Russia in the new Millennium: Collection of articles dedicated
to the memory of the honoured professor of the Lomonosov Moscow State
University Alexandra Grigoryevna Shirokova. Moscow, 2020. P. 152.

© 2021. O.I. Cherchuk

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

cherchuk-olga@yandex.ru

Reference for citation: Cherchuk O.I. Czech Linguistics in Russia in the new Millennium: Collection of articles dedicated to the memory of the honoured professor of the Lomonosov Moscow State University Alexandra Grigoryevna Shirokova. Moscow, 2020. P. 152 // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 4. P. 134–136. DOI: 10.31857/S0869544X0015977-7.

В ноябре 2020 г. в издательстве МАКС Пресс вышел сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой (ответственные редакторы А.И. Изотов, Н.В. Воробьева). Сборник объединил 15 статей, отражающих различные направления богемистики. В книгу вошли статьи лингвистов, работающих как в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург,

Нижний Новгород), так и за рубежом (Тайвань, г. Тайбэй).

Книга открывается «лиричной» частью — воспоминаниями об Александре Григорьевне. О научной судьбе, широте интересов, человеческих качествах ведущего богемиста минувшего столетия написаны статьи В.Ф. Васильевой «Профессор А.Г. Широкова — ученый и педагог» и Г.А. Лилич «Несколько слов о ведущем отечественном богемисте послевоенных лет».

Впрочем, вклад Александры Григорьевны в отечественную богемистику так или иначе отразился во всех статьях данного сборника, написанных ее учениками, коллегами и последователями.

Опирается на труды А.Г. Широковой, например, Е.В. Петрухина в статье «Принцип системности при исследовании словообразования и морфологии славянских языков в новой научной парадигме». В основе статьи лежит тезис о важности системно-структурного метода при изучении языков.

В статье ведущего отечественного фразеолога В.М. Мокиенко «“Чешско-русский фразеологический словарь”: жизнь и судьба» описывается история создания словаря, за работой которого следила А.Г. Широкова. Не оставляет равнодушным трогательное отступление от проблематики статьи, посвященное Александре Григорьевне, где Валерий Михайлович признается, что ее советы до сих пор помогают ему как в словарной работе, так и в преподавании.

К одному из типов интертекстуальных единиц — фразеологическим идеологемам — обращается А.В. Савченко в статье «Фразеологические идеологемы как интертекстуальный маркер: стилистико-прагматический аспект и проблема перевода (на материале произведений Вен. Ерофеева и Й. Шкворецкого)».

О воплощении в жизнь замысла Александры Григорьевны описать чешские говоры на Северном Кавказе рассказывает С.С. Скорвид. С экспедициями и результатами исследования анализа северокавказских чешских говоров и говоров в Омской области нас знакомит статья «А теперь есть колонии чехов, между прочим — и на Кавказе».

Статья К.В. Лифанова «Орфографические и фонетические богемизмы в словацких переводах XVII в. Сочинения Я.А. Коменского “Открытые Златые Врата Латинского Языка”» содержит анализ орфографической и фонетической систем двух независимых переводов классического труда Я.А. Коменского на словацкий язык. Тесная связь с чешским языком и значительное количество богемизмов в переводах позволяют автору проводить параллели с языковыми элементами словацких диалектов, а также выявлять специфические особенности языка обоих переводов.

Особенности интердиалектов чешского языка в медиапространстве анализирует А.А. Индыченко в статье «Формы презентации интердиалектов чешского языка

в медиапространстве и научно-популярной литературе».

Медиапространство фигурирует и в работе автора этих строк — статья «О новых заимствованиях в чешском языке» посвящена адаптации некоторых современных заимствований.

О современном чешском языке пишет О.А. Осипова. Статья «Омонимия универбов (на примере универбов-числительных) и проблемы их преподавания в чешском языке» знакомит с особенностями значения чешских универбов в обиходно-разговорном чешском языке.

Сопоставительный анализ позволяет по-новому взглянуть на исследуемые вопросы. А.Г. Широкова, особое внимание уделявшая сопоставительному изучению чешского и русского языков, в своих трудах по сопоставительному языкознанию разработала определение функционально-семантического эквивалента. Статья В.Ф. Васильевой и Н.В. Воробьевой, последователей и продолжателей дела Александры Григорьевны, посвящена функционально-семантическим сходствам и различиям чешского глагола «mít» и его эквивалентов в русском языке — «К проблеме межъязыковой асимметрии родственных языков (чешский глагол mít и его эквиваленты в русском языке)».

Важную роль сопоставительный подход играет в преподавании синтаксиса чешского языка. А.Г. Широкова уделяла большое внимание синтаксису, и на ее работы ссылается С.А. Рылов в статье «Синтаксис и преподавание чешского языка как иностранного: сопоставительный подход».

Сопоставительный анализ, но уже на материале чешского и польского языков, предлагается также в статье М.С. Хмелевского «Об истории формирования значения интенсификатора у качественных прилагательных и наречий (чешско-польские параллели)».

Особого внимания требует коллективный учебник чешского языка, созданный под редакцией А.Г. Широковой, по которому до сих пор преподается чешский язык российским студентам-богемистам. Причины востребованности на фоне множества современных пособий и секрет успеха уже ставшего классикой учебника освещаются в статье В.В. Белоусовой «Učebnice na věčné časy или Миф об идеальном учебнике».

Учебник А.Г. Широковой и коллег послужил ориентиром для создания книги «Самоучитель чешского языка. Уровни А1–А2». Автор самоучителя, А.И. Изотов, в статье «Еще раз об идеальном и неидеальном учебнике» подробно рассказывает о структуре пособия, которое должно гармонично сочетать в себе современные тексты, системно-функциональный принцип, а также традиционный принцип сопоставления языков.

Информация об авторе

Ольга Игоревна Черчук,
аспирант кафедры славянской филологии
филологического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация.
ORCID: 0000-0001-9270-0773
e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru

Подытоживая, стоит отметить, что широта и многообразие научных интересов современных отечественных богемистов позволили редакторам поместить в сборник статьи хотя и различной проблематики, однако объединенные общим стержнем – личностью Александры Григорьевны Широковой.

Сборник может представлять интерес не только для богемистов, но и для славистов более широкого профиля.

Information about the author

Olga I. Cherchuk,
PhD Student, Department of Slavic Philology,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-9270-0773
e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru

Славяноведение, 2021, № 4, с. 137–141

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 137–141

DOI: 10.31857/S0869544X0015978-8

Рецензия / Book Review

Наш језик. У част професора Срета Танасића. Београд, 2019. №. 2. С. 811.

© 2021 г. Б. Марих, Др. Керкез

Универзитет у Београду, Филолошки факултет
(Београд, Србија)

biljanav@mail.ru
draganakerkez@hotmail.com

Ссылка для цитирования: *Марих Б., Керкез Др.* Наш језик. У част професора Срета Танасића. Београд, 2019. №. 2. С. 811 // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 137–141. DOI: 10.31857/S0869544X0015978-8.

Наш язык. В честь профессора Срето Танасича. Белград, 2019. №. 2. С. 811.

Our language. In honor of Sreto Tanasic. Belgrad, 2019, №. 2. P. 811.

© 2021 г. B. Maric, Dr. Kerkez

The University in Belgrade, Faculty of Philology
(Belgrade, Serbia)

biljanav@mail.ru
draganakerkez@hotmail.com

Reference for citation: *Maric B., Kerkez Dr.* Our language. In honor of Sreto Tanasic. Belgrad, 2019, №. 2. P. 811 // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 4. P. 137–141. DOI: 10.31857/S0869544X0015978-8.

Сербский лингвистический журнал «Наш језик» выходит с 1932 г. Инициатором и первым редактором журнала в течение многих предвоенных и послевоенных лет был выдающийся сербский лингвист Александр Белич, в том числе известный тем, что помогал русским беженцам из СССР обосноваться на своей новой родине, в Югославии. Издателем журнала является Институт сербского языка САНИ, а его редактором на данный момент – профессор Срето Танасич, сербский лингвист, синтаксист, занимавший в течение нескольких лет пост директора важнейшего сербского научного лингвистического института. Пятидесятый

номер журнала, приуроченный к семидесятилетию С. Танасича, его коллеги, работающие в разных университетах и институтах страны и мира, посвящают своему дорогому коллеге и профессору.

Срето Танасич родился в 1949 г. в теперешней Боснии и Герцеговине, учился в университете в Сараеве на отделении сербскохорватского языка и истории южнославянских литератур. Синтаксис сербского языка всегда находился в фокусе его интересов, темой кандидатской диссертации были «Пассивные конструкции в современном сербохорватском языке и их семантический

анализ», а докторской — «Настоящее время в современном сербохорватском языке» (защищена в 1991 г. в Сараево). Научная карьера Танасича была прервана гражданской войной в Боснии и Герцеговине, из-за которой ему пришлось переехать в Сербию в 1992 г.

С 1994 г. Танасич начинает работать в Институте сербского языка САНИ в Белграде, в котором он остается до ухода на пенсию в 2016 г. Кроме научной работы в Институте Танасич еще в течение многих лет читал лекции в качестве профессора Нишского университета и некоторых других университетов Сербии и Республики Сербской. В 2008 и 2013 гг. Танасич читал лекции по современному сербскому языку в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в качестве приглашенного профессора. С 2018 г. он является членом-корреспондентом АН Республики Сербской, с 2017 г. возглавляет Комиссию по стандартизации сербского языка. Важнейшими авторскими научными монографиями Танасича являются «*Презент у савременом српском језику*», «*Синтаксичке теме*», «*Из синтаксе српске реченице*», «*Синтакса пасива у савременом српском језику*», «*Из синтаксе и семантике српског језика*»; он автор отдельных разделов в коллективных монографиях «*Синтакса савременог српског језика*», «*Проста реченица*» и «*Синтакса сложене реченице у савременом српском језику*».

В номере журнала, посвященном юбиляру и редактору журнала, находится 78 статей, статья-введение М. Спасоевич, одного из двух редакторов настоящего номера, и библиография научных и других работ С. Танасича, составленная В. Джорджевич. Из-за большого числа статей, представленных в этом специальном номере журнала, а фактически сборнике работ, возникших в знак уважения и любви к юбиляру, все его содержание описать трудно. Мы попытаемся дать обзор нескольких статей, относящихся к разным разделам. Как кажется, данное издание дает яркое представление о достижениях сербского языкознания на современном этапе: в нем есть статьи практически по всем лингвистическим дисциплинам.

М. Николич, второй редактор данного номера журнала, в разделе, посвященном деятельности юбиляра («Срето Танасич в сербском языкознании»), состоящем из трех статей разных авторов, пишет о вкладе Танасича в стандартизацию сербского языка и сербской культуры речи. Автор статьи отмечает,

что в течение своей богатой карьеры и по сей день С. Танасич занимается вопросами сербской культуры речи, актуальными проблемами сербистики (отношением между нормой и диалектами, использованием кириллического письма, употреблением иноязычных слов, филологическими рекомендациями, языковой политикой в Сербии и Республике Сербской), а также выступает по данным вопросам в СМИ.

Раздел «Акцентология и фонология» представлен четырьмя статьями: статьей М. Дешича о нисходящем ударении на неинициальных слогах в слове в сербском литературном языке, статьей Д. Зеца о просодических аспектах рифмы в сербской поэзии, статьей А. Лончар Раичевич и М. Янич о взгляде Белича на ударение и культуру речи по материалам журнала «Наш језик» и статьей С. Кулянин о спорных рефлексациях, т.е. о нарушении нормы в связи с заменой ятя в икавском типе произношения.

В разделе «Морфология и словообразование» — восемь статей. П. Пипер пишет о грамматических, лексических и других типах языковых единиц, про которые на данный момент можно сказать, что они относятся к архаизмам (к примеру, среди них находятся некоторые падежные формы количественных имен числительных *два, три, четири*, употребление имперфекта, наличие результатов второй палатализации в предложном падеже у некоторых имен собственных). Р. Драгичевич рассматривает статус препозитивных компонентов иноязычного происхождения, которые в одних случаях называют префиксоидами, а в других — корнями (радиксоидами). И. Лазич-Коник проводит анализ употреблений сербских междометий в разных других, им не свойственных, синтаксических ролях: предикативной, субстантивной, адъективной и т.д. Д. Цвийович рассматривает соотношения между семантикой и словообразовательным составом собирательных имен существительных с суффиксами *-ад, -ија, -ина, -лук, -ство* (*Арапчад, Бугарија, католичанство, Српчад*), среди которых есть и суффиксы с экспрессивной коннотацией.

В разделе «Синтаксис и семантика» содержится 19 статей (это наиболее обширный раздел в сборнике). Б. Остоич пишет о не принимаемых литературной нормой конструкциях за + инфинитив (*Имате ли што за поити?*) и за + аккузатив (*Путујем за Београд*), указывая, что они с давних времен встречались в письменных документах,

в народных говорах, в народном творчестве, а также попадают и у современных писателей, так что не являются новшеством для синтаксической системы сербского языка (норма их чаще всего объясняет как грубую ошибку, возникшую под влиянием германских или романских языков). М. Ковачевич в своей статье делает разбор сложносочиненных предложений с двойным союзом *a* и *и*, проводя лингвистический эксперимент, приходит к выводу, что речь идет о контактном сочетании союза *a* и частицы *и*. Л. Попович исследует контрафактивное значение конструкции с усеченным перфектом или имперфектом глагола *бити* и инфинитивом в сербском языке (*био/било радити; бијаше учити*) и приходит к выводу о возможности существования такой конструкции и в других славянских языках, со временем ушедшей на периферию их грамматических систем. Д. Кликовац дает детальный анализ семантики предложения *поврх* на теоретических основах когнитивной лингвистики, исходя из того, что абстрактные значения образуются в результате метафорической проекции пространственных. И. Антонич анализирует сербский предлог *при* с точки зрения его морфологии, синтаксиса, семантики. Н. Арсениевич дает анализ семантических и валентностных свойств глагола *радити* в сербском языке, соотнося разные валентностные свойства с его полисемией. М. Аланович на примере предиката *сукобити се* указывает на богатство значений, которое могут выразить вспомогательные глаголы, входящие в состав перифраз. Б. Марич в своем сопоставительном русско-сербском исследовании описывает сходства и различия в семантике безличной рефлексивной модели предложений в русском и сербском языках (*мне спит/спав ми се*). Др. Керкез исследует переносное употребление императива в русском и сербском языках в качестве повествовательного маркера неожиданности.

В разделе «Лексикология, лексикография и терминология» содержится девять статей. Д. Шипка исследует типы авторитетов авторов на материале словарей сербского языка, выделяя три типа (рациональный, харизматический и традиционный). В.Л. Иващенко пишет о проблемах, с которыми сталкивается славянская терминология конца XX — начала XXI в. Дж. Оташевич в своей статье дает комплексный анализ слов, появившихся в сербском языке в течение последних двух десятилетий и относящихся к сфере туризма, а в работе, авторами которой

являются М. Јуришич и Е. Јанкович, анализируются существующие в сербских народных говорах синонимы слова «гриб».

Раздел «Стилистика» содержит семь статей, в том числе работу Г. Тяпко о стилистических особенностях романа Иво Андрича «Мост на Дрине». Подойдя к анализу художественной аранжировки знаменитого произведения И. Андрича с точки зрения межкультурной технологии художественного перевода и сравнительно-сопоставительной стилистики, автор весьма убедительно показала, как в анализируемом романе композиция, стилистические фигуры и используемые писателем языковые средства создают одно неповторимое целое. Проведенный В. Джурковичем анализ имен существительных-новообразований в произведениях Исидоры Секулич в очередной раз подтвердил необыкновенный и редкий среди сербских писателей дар Секулич создавать новые слова на основе уже существующих в сербском языке словообразовательных моделей (пользуясь при этом менее типичными, менее производительными суффиксами или корнями) и придавать таким образом своим произведениям особую поэтику. Помимо двух названных, в рамках данного раздела можно прочесть весьма интересные работы Н. Вуковича (о вечном вопросе «перевод — это творчество или ремесло?»), Бр. Тошовича (о функциях скобок в романах И. Андрича), Д. Тешановича и Д. Лазич (о суффиксах *-ица* и *-ка* в произведениях Петра Кочича), М. Стойисавлевич (о «внутренности» поэтонима *Тигар* Бранко Чопича) и Т. Русимович (о (не)референциальности антецедента релятивных клаузул в стихотворении «Он» Сунчицы Денич).

Самый скромный по объему, но не по своей значимости, — это раздел «Прагматика». Автором первой из двух работ является Б. Милосавлевич, которая на материале сербского языка, с семантико-прагматической точки зрения, анализирует два типа речевых стратегий, с помощью которых говорящий утешает своего собеседника. Р. Трнавац, взяв в качестве теоретическо-методологической базы теорию риторической структуры Манна и Томпсона (Mann—Thompson), анализирует комментарии к новостям, опубликованные на сайте сербской ежедневной газеты «Политика» и сайте «Russia Today».

За разделом «Прагматика» следует раздел «Диалектология», охватывающий 13 работ, которые, с одной стороны, подтверждают факт удивительного разнообразия сербских

говоров, и, с другой стороны, радуют разнообразием применяемых авторами подходов. Классик сербской диалектологии С. Реметич на материале одного из восточнобоснийских сербских говоров описывает количественно-выделительное значение родительного падежа. На необходимость более тщательного разграничения полисемии и омонимии в диалектологических словарях указывает в своей работе М. Белетич. Е. Якушкина в своей статье сопоставляет примерно 500 лексем одного из западных говоров сербского языка с литературной лексикой, выделяя в собранном лексическом материале локализмы, архаизмы, слова, характерные для западных говоров сербского языка, и анализируя возникающие между лексемами синонимические отношения. Особую ценность представляют публикации, в которых представлены результаты исследований с применением современных методов анализа и описания диалектологического материала, в частности статья Т. Милосавлевич на тему вербализации концепта *здоровье* в тимокско-лужницких говорах.

В трех работах, посвященных проблемам ономастики, рассматриваются проблемы мотивировки изменения названия отдельных учреждений и сооружений (З. Тополинска), топонимы, мотивированные категорией пространственной локализации (М. Петрович-Савич), реконструкции ойконима Вогошча (Е. Янич).

Раздел «Социолингвистика» открывает статья М. Номати, в которой автор анализирует второе издание «Истории различных славянских народов» (1823) Йована Раича с целью дать ответы на три вопроса: 1) какова была языковая стратегия редактора второго издания? 2) какие языковые изменения были внесены? и 3) чем, с точки зрения социолингвистики, были мотивированы эти изменения? Объектом исследования М. Релич является сохранившийся архив одной из старейших приштинских семей – семьи Хаджи Миличей. Проведенный автором анализ показал, что данный архив, насчитывающий более 30 документов, изданных в период с 1912 по 1950 г., содержит не только интересные исторические, социологические, этнографические и другие факты, но является ценнейшим источником сведений по языковой истории и изменениям в ономастике,

грамматике, переводческой практике, языковой политике, коммуникативной культуре и т.д. Особое внимание привлекают сведения о процессе драматического вытеснения кириллицы на территории Сербии, начатом еще в 20-е годы XX в., который, к сожалению, все еще продолжается. О том, насколько студенты хорошо знают историю развития сербской орфографии, пишет В. Брборич, а Н. Киш – о том, как учениками средних школ воспринимаются такие понятия, как *родной* и *стандартный* язык.

Авторы статей, опубликованных в представляемом сборнике, не обошли своим вниманием и проблемы лингвокультурологии (три работы). В центре внимания С. Милорадович и В. Йовановича – словообразовательная и лексико-семантическая структура сложных имен существительных в сербском языке, первым компонентом которых является существительное *вода*. Н. Вулович на материале сербских фразеологизмов и паремий рассматривает концептуализацию материального богатства в языковой картине мира сербов. Д. Станич анализирует автостереотип о жителях златиборского административного округа.

В разделе «Грамматология» имеются две статьи. Автор первой, Н. Иванова, анализирует влияние двух грамматических пособий по русскому изводу церковнославянского языка на развитие сербского языка, а именно «Рководства къ Славенстѣй Граматицѣ» (1794) А. Мразовича и «Рководства къ Славенской Грамматицы» (1830) Г. Захариадиса. Милош Оука дает короткий очерк появления первых грамматик сербского языка в XIX в., чтобы потом сосредоточить свое внимание на вышедшей в 1856 г. грамматике В. Вуйича («Србска Граматика за гимназијалну младежъ Княжества Србіе»).

Сборник завершает работа А. Голубович (раздел «Библиография»), которая пишет о шести сербских лингвистах, точнее, об их библиографиях, опубликованных на страницах журнала «Наш језик». Данный сборник, безусловно, представляет собой настоящий калейдоскоп, при поворачивании которого, как в зеркале, отражаются и одновременно освещаются интересные языковедческие темы. Но, в первую очередь, он является данью уважения и признательности Срето Танасичу.

Информација об ауторих

Information about the authors

Марић Биљана,

доктор филолошких наука, професор
кафедри славистике филолошког
факултета Университета у Београду,
г. Београд, Србија;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1829-4484>
biljanav@mail.ru

Керкез Драгана,

кандидат филолошких наука,
старији предавач кафедре
славистике филолошког
факултета Университета у Београду,
г. Београд, Србија;
OPCID: <https://orcid.org/0000-0003-3954-6935>
draganakerkez@hotmail.com

Biljana Maric,

Dr. of Philology, professor, Department
of the slavic languages and literatures,
the University of Belgrade, Belgrade, Serbia;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1829-4484>
e-mail: biljanav@mail.ru

Dragana Kerkez,

Candidate of Philology, senior lecturer,
Department of the slavic
languages and literatures,
the University of Belgrade, Serbia;
OPCID: <https://orcid.org/0000-0003-3954-6935>
draganakerkez@hotmail.com

Международная научная конференция «Балканы в международных отношениях от Поздней античности до эпохи глобализации» (X Дриновские чтения)

© 2021 г. М.Г. Станчев, С.Ю. Страшнюк, Я.И. Шкабура

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
(Харьков, Украина)

drinovcenter@gmail.com

Ссылка для цитирования: Станчев М.Г., Страшнюк С.Ю., Шкабура Я.И. Международная научная конференция «Балканы в международных отношениях от Поздней античности до эпохи глобализации» (X Дриновские чтения) // Славяноведение. 2021. № 4. С. 142–146. DOI: 10.31857/S0869544X0015979-9.

International Scientific Conference «The Balkans in International Relations from Late Antiquity to the Era of Globalization» (X-ths Drinov Readings)

© 2021 г. M.G. Stanchev, S. Yu. Strashniuk, Ya. I. Shkabura

V.N. Karazin Kharkiv National University
(Kharkov, Ukraine)

drinovcenter@gmail.com

Reference for citation: Stanchev M.G., Strashniuk S. Yu., Shkabura Ya. I. International Scientific Conference «The Balkans in International Relations from Late Antiquity to the Era of Globalization» (Xth Drinov Readings) // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 4. P. 142–146. DOI: 10.31857/S0869544X0015979-9.

30–31 марта 2021 г. на платформе Zoom состоялись юбилейные X Дриновские чтения на тему «Балканы в международных отношениях от Поздней античности до эпохи глобализации», организаторами которых выступили Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (далее – Харьковский ун-т), Институт истории Украины Национальной академии наук Украины (НАНУ), Институт исторических исследований (далее – ИИИ БАН) и Институт балканистики с Центром фракологии Болгарской академии наук (далее – ИБЦТ БАН), а также Комиссия историков Украины и Болгарии и Научное общество истории дипломатии и международных отношений.

В чтениях приняли участие более 80 ученых, из которых – два академика НАНУ, один член-корреспондент НАНУ, 24 доктора и 42 кандидата исторических, экономических,

политических, юридических, филологических и педагогических наук, что свидетельствует о междисциплинарном характере конференции. Ученые представляли ведущие академические учреждения и университеты Украины, Болгарии, России, Венгрии и Австрии, в частности Институт славяноведения РАН, Институт истории Украины, Институт всеобщей истории, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М.Т. Рылско-го, Институт востоковедения имени А.Ю. Крымского НАНУ.

Вузовская наука была представлена ведущими классическими университетами Украины и Болгарии: Харьковским, Киевским, Одесским, Львовским, Запорожским, Черновицким, Черкасским, Каменец-Подольским, а также Софийским университетом имени Св. Климента Охридского, Пловдивским университетом имени Паисия Хилендарского и Варненским свободным университетом имени Черноризца Храбра.

Х Дриновские чтения открылись приветственными словами ректора Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина академика НАНУ *В. Бакирова*, председателя Болгарской академии наук академика *Ю. Ревальского* и директора Института истории Украины НАНУ, академика-секретаря НАНУ *В. Смолия*.

На первом пленарном заседании выступили с докладами «Борьба великих держав за контроль над черноморскими проливами и балканские страны накануне и в период Первой мировой войны» *О. Машевский* (Киевский национальный ун-т им. Т.Г. Шевченко) и «Хорваты и македонский вопрос от Штротсмайера до наших дней» *С. Елдаров* (ИБЦТ БАН), вызвав большой интерес и вопросы участников конференции.

Работа первой секции — «Расколотые Балканы: Восточная Римская империя и «Византийское содружество» в международной политике Средневековья» — продолжалась в течение двух дней. Были заслушаны 14 докладов, среди которых: «Благочинническая деятельность Эвергета в Северном и Западном Причерноморье как фактор международных связей греческих полисов» *О. Ручинской* (Харьковский ун-т); «Готская церковная организация в свете 1 и 2 канонов Второго вселенского собора» *М. Марковой* (ИБЦТ БАН), «Анты на левом берегу Нижнего Дуная в VII в.» *О. Бубенка* (Ин-т востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины). *А. Домановский* (Харьковский ун-т) проанализировал франкско-хорутанские отношения в контексте военного противостояния с Аварским каганатом в конце 80-х — 90-е годы VIII в.; *И. Шпик* (Львовский национальный ун-т им. И. Франко) обратил внимание на балканские факторы в формировании славянской идентичности Руси, а *О. Щодра* (Львовский национальный ун-т им. И. Франко) предложила оригинальную трактовку вопроса «Откуда и куда шел Путь “из варяг в греки”?», опровергнув традиционные исторические реконструкции маршрута.

С интересными исследованиями выступила группа молодых ученых из Института балканистики и Института исторических исследований Болгарской академии наук, в частности, *Е. Делвинска* («Агиографские свидетельства о вражеских нападениях на византийскую территорию (IX—XI вв.)» и *Н. Желев* («Теория и практика войны в трактате “De VelitationeBellica” и византийская стратегия на Восточном фронте в X в.»). *Г. Димов* выяснил основные пути торговли и обмена в Византии в период правления династии Комнинов (1081—1185 гг.); *В. Иванов* осветил деятельность рыцарей-иоаннитов на Балканах в XI—XIII в., а *Д. Петрова* объяснила место Болгарии и Сербии в процессе децентрализации Византийского сообщества в XIII—XIV вв.

Научными разработками поделились украинские медиевисты: *К. Бардола* (Запорожский национальный ун-т) назвал доклад «Византийская политика царя Симеона, или “принуждение к миру” по-болгарски»; *Б. Буднарюк* (Черновицкий национальный ун-т им. Ю. Федьковича) раскрыл «Влашский фактор в истории государства Асеней», а его коллега *А. Федорук* (Черновицкий национальный ун-т им. Ю. Федьковича) рассказал о деятельности полководца Ивана Русина в контексте международных отношений на Балканах в первой половине XIV в. Хронологически доклады участников секции охватили период от эпохи Античности до зрелого Средневековья.

Вторая секция — «Балканы, империи и Восточный вопрос международных отношениях 1453—1878 гг.» — тоже работала в течение двух дней, во время ее работы были заслушаны 12 выступлений ученых. Доклад *Ш. Фюльдвари* (БАН, Дебреценский ун-т) «Сербско-украинские культурные отношения в зеркале книгопечатания и торговли богослужебными книгами (в память академика Ярослава Исаевича)» основан на богатом исходном материале,

полученном в архивохранилищах нескольких балканских стран. В. Мильчев (Запорожский национальный ун-т) рассказал об «Участии запорожцев в австрийско-турецкой войне 1788–1790 гг.»; Е. Бачинская (Одесский национальный ун-т им. И.И. Мечникова) познакомила с малоизвестными фактами участия задунайских казаков в военно-политических событиях на Балканах первой трети XIX в., а О. Захарчук (Национальный авиационный ун-т, г. Киев) раскрыл тему «Балканы в российско-французских отношениях (1804–1807 гг.): интерпретации советских историков».

Оживленные дискуссии вызвали доклады О. Иваненко (Ин-т истории Украины НАНУ) «Деятельность Нежинского Александровского греческого училища на фоне процессов греческого национального возрождения конца XVIII – начала XIX века», О. Снеговской и А. Малахити (Одесский ун-т) «Официальная и неофициальная дипломатия И. Каподистрия на фоне зарождения этеристского движения». Тему связей Балканского полуострова с территориями современной Украины в имперскую эпоху продолжили доклады М. Араджиони (Ин-т востоковедения НАНУ) «Переселение греков и болгар с территории Болгарии и Северо-Западной Турции в Крым в 1830 г.» и С. Пачева (Мелитопольский государственный педагогический ун-т им. Б. Хмельницкого) «Переселение болгар в Северное Приазовье в начале 60-х годов XIX в. как следствие обострения Восточного вопроса». Они касались истории формирования болгарских анклавов в Тавриде и Северной Таврии. М. Араджиони подняла мало изученную проблему – наличие среди болгарского и греческого населения прослойки эллинизированных болгар, которые воспринимали себя как болгаро-греки, а в конце XIX в. ассимилировались греческим элементом, восприняв его идентичность. В процессе дискуссии были рассмотрены сходство ситуации культурных процессов, которые имели место с болгаро-греческими поселениями вокруг Одессы.

В рамках персонологической темы следует отметить доклады Г. Докашенко (Донецкий государственный педагогический ун-т) «Петр Берон: болгарин в Европе или европеец в Болгарии?», К. Бегларяна (Харьковский ун-т) «Дипломатическая миссия князя А.С. Меншикова в Стамбуле» и М. Крютченко (Харьковский ун-т) «Первый опыт болгарской “народной дипломатии”: миссия Д. Цанкова и М. Балабанова в странах Западной Европы в 1876–1877 гг.». Влияние международной политики на научные приоритеты прослежено в докладе М. Домановской (Харьковский ун-т) «Развитие византистики в Харьковском университете в контексте Восточного вопроса (вторая половина XIX – начало XX в.)».

Третья секция – «“Пороховой погреб Европы”: формирование балканской подсистемы международных отношений и Первая мировая война на Балканах» – работала дольше, так как были заслушаны все 20 заявленных докладов. Среди них несколько выступлений болгарских ученых: «Виницкая афера и баланс сил в европейском юго-востоке» А. Златкова (Софийский ун-т), «Болгарские концепции решения албанского вопроса (1908–1918 гг.)» Г. Георгиева (ИИИ БАН), «Славянской собор в Софии в 1910 году и македонский вопрос» К. Илиева (ИБЦТ БАН). Отображение Восточного вопроса во французской публицистике Крыстю Раковского проанализировал Я. Шкабура (Харьковский национальный ун-т). Продолжением темы стал доклад М. Тортики «Итальянский дивертимент, или немецкий след в политической карьере К. (Х. Г.) Раковского» (Харьковская государственная академия культуры).

Значительная часть дискуссий касалась вопросов международных факторов, которые обусловили обострение международной ситуации в Центральной и Восточной Европе накануне Первой мировой войны, и взаимного восприятия народов региона. Результатами научных изысканий в этих направлениях поделились С. Фалько (Национальная академия Национальной гвардии Украины) в докладе «Деятельность европейских военно-инструкторских миссий в странах Юго-Восточной Европы в 1900–1918 гг.»; А. Кравчук (Винницкий государственный педагогический ун-т им. М. Коцюбинского) – «Т. Масарик – критик балканской политики Австро-Венгрии конца XIX – начала XX вв.», Т. Пятничук (Этнографический музей при Черновицком национальном ун-те) – «Балканские войны 1912–1913 гг. в оценках американских дипломатов и журналистов», Е. Сухушина (Черкасский национальный ун-т) – «Вторая балканская война 1913: цена амбиций и стратегических расчетов», Н. Глибищук (Черновицкий национальный ун-т) – «Пролог к катастрофе XX века»: роль Балканских войн 1912–1913 гг. в эскалации насилия в годы Первой мировой войны».

Н. Гусев (ИСл РАН) выступил с докладом «Открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу в 1914 г.: одна из последних попыток Болгарии улучшить свой образ

в глазах российского общества». Активно обсуждались различные аспекты истории Первой мировой войны на Балканах, которые были представлены в докладах *А. Грачева* (Каменец-Подольский национальный ун-т им. И. Огиенко) «Луи Маллет под прицелом “The Times”: британская дипломатия в Константинополе в начале Первой мировой войны», *Г. Шкундина* (Ассоциация историков Первой мировой войны) «Проблема подписания сепаратного мира Болгарии с державами Антанты: итальянский фактор (октябрь 1915 – март 1916)», *И. Манасиевой* (ИИИ БАН) «Украинский вопрос на страницах болгарских газет в годы Первой мировой войны»; *Д. Мариновой* (Союз ученых Болгарии – филиал Русе) «Чех Карел Шкорпил как известный болгарский ученый: неопубликованный рапорт о некрополе вблизи Требениште в научной миссии Генерального штаба действующей армии (6–30 июля 1918)», *Д. Парушевой* (Пловдивский ун-т им. Паисия Хилендарского), которая поделилась болгарским видением истории Великой войны. Некоторые доклады касались сохранения памяти и коммеморации, в частности *С. Потрашкова* (Харьковская государственная академия культуры) «Отражение событий Первой мировой войны в наградных системах балканских стран» и *Т. Коваленко* (Харьковский ун-т) «Мемориализация наследия Первой мировой войны 1914–1918 гг. в монументальном искусстве балканских стран».

Во время работы четвертой секции – «Государства Юго-Восточной Европы в период Версальской системы и Второй мировой войны» – были прочитаны пять из семи запланированных докладов. *Д. Гордиенко* (Ин-т украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАНУ) очертил деятельность первого посла Украины в Болгарии Александра Шульгина, а *В. Власенко* (Сумской государственный ун-т) рассказал о межвоенной украинской политической эмиграции в Болгарии (на примере празднования Дня независимости Украины). *В. Стоянова* (ИИИ БАН) проанализировала «Востоchnофракийский вопрос в международных договорах 1919–1925 гг.». Другой болгарский исследователь *Б. Петров* (ИБЦТ БАН) рассказал о британских планах по подготовке восстания в Албании в 1940–1941 гг., а *И. Поддубный* (Черновицкий национальный ун-т) раскрыл позицию короля и правительства Румынии в ведении внешней политики в начале Второй мировой войны. В конце заседания секции состоялась дискуссия по поднятым проблемам.

На пятой секции – «Холодная война на Балканах: главные этапы и конфликты» – состоялось обсуждение семи предусмотренных программой докладов. Большинство из них касались югославского фактора, например, «Югославия в геополитическом противостоянии СССР и США во время разворачивания холодной войны (1945–1956 гг.)» *С. Виднянского* (Ин-т истории Украины НАНУ). «Тито и проект объединенной Средней Европы (1950-е гг.)» – тема выступления *П. Рудякова* (Ин-т всемирной истории НАНУ). «Албанский вопрос в отношениях между Белградом и Тираной в период холодной войны» стал предметом рассмотрения *М. Стамовой* (ИБЦТ БАН), а *Н. Бояджиева* (ИБЦТ БАН) поделилась видением югославской внеблоковой политики в период холодной войны (1945–1980 гг.).

С тремя докладами также выступили зарубежные коллеги: *Е. Калинова* (Софийский ун-т) – «Болгария и Турция по разные стороны “железного занавеса” в конце 1940-х – 1950-е гг.», *В. Петрусенко* (Пловдивский ун-т) – «Имплементация политики разрядки в Юго-Восточной Европе» и *А. Стыкалин* (ИСЛ РАН) – «“Советским участникам конгресса историков рекомендовать активную линию поведения”. Советско-румынские “войны” исторической памяти и подготовка делегации СССР к международному конгрессу историков (Бухарест, 1980)». Дискуссии касались характера межблокового противостояния, места в Ялтинской системе отдельных государств (прежде всего Югославии, Румынии, Болгарии, Турции), исторических стереотипов и мифов холодной войны.

Шестая секция – «Крах Ялтинско-Потсдамской системы и вызовы глобализации: дезинтеграционные и интеграционные процессы в Юго-Восточной Европе после 1989 г.» – открылась докладом *С. Симеонова* и *И. Тоневой* из Варненского свободного университета имени Черноризца Храбра «Геостратегические факторы трансформации служб безопасности балканских стран после окончания холодной войны». Современной геополитике в регионе Юго-Восточной Европы посвящали выступления *А. Романюк* (Харьковский национальный экономический ун-т) («Новые Балканские войны» и российская агрессия на постсоветском пространстве: общее и особенное») и *А. Мартынов* (Ин-т истории Украины НАНУ) («Западные Балканы в политике Европейского Союза в начале XXI века»).

Ряд докладов касался проблем европейской интеграции. Так, *И. Баева* (Софийский ун-т) обозначила успехи и проблемы европейской интеграции балканских стран, принадлежавших к социалистическому лагерю в годы холодной войны, а *И. Огнянова* (ИБЦТ БАН) рассказала о «длинном пути» Хорватии в Европейский союз. *Д. Ченчик* (Харьковский ун-т) показал отношение Великобритании к интеграции Болгарии и Румынии в евроатлантические структуры в 1991–2007 гг., тогда как *Ю. Белоусов* (Харьковский ун-т) остановился на роли институтов ЕС в преодолении последствий пандемии COVID-19 в Болгарии. *И. Хоменская* (ГП «Генеральная дирекция по обслуживанию иностранных представительств») раскрыла инструменты культурной дипломатии посольства Республики Болгария на Украине.

На втором пленарном заседании были заслушаны три доклада: *О. Микитенко* (Ин-т искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рылского НАНУ) на тему «“Homo balcanicus”/“homoherogicus” как стереотип литературной рецепции», *Д. Миколенко* (Харьковский ун-т) «Стефан Стамболов – символ европейского выбора в политике памяти современной Болгарии?» и *Б. Нягулова* (ИИИ БАН) «Меньшинства в международных отношениях с фокусом на Болгарию и ее соседей».

Подводя итоги работы конференции, все модераторы отметили высокий уровень представленных докладов, сопровождавшихся острыми дискуссиями, и по-настоящему международный характер конференции, материалы которой будут опубликованы в очередном томе «Дриновского сборника» – ежегодника Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Болгарской академии наук.

Информация об авторах:

Information about the author

М.Г. Станчев,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой новой и новейшей
истории Харьковского национального
университета им. В. Н. Каразина,
Иностранный член
Болгарской академии наук.
г. Харьков, Украина.
ORCID: 0000-0002-2034-5087
drinovcenter@gmail.com

M.G. Stanchev,
Doctor of Historical Sciences, Prof.,
the Head of the Department of Modern
and Contemporary History of V.N. Karazin
Kharkiv National University, Foreign Member
of the Bulgarian Academy of Sciences.
Kharkov, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-2034-5087
drinovcenter@gmail.com

С.Ю. Страшнюк,

кандидат исторических наук, доцент,
директор Центра болгаристики
и балканских исследований им. Марина
Дринова Харьковского национального
университета им. В. Н. Каразина.
г. Харьков, Украина.
ORCID: 0000-0003-1725-5053
drinovcenter@gmail.com

S.Yu. Strashniuk,
Candidate of Historical Sciences, Ass. Prof.,
the Director of M. Drinov Bulgarian and
Balkan Research Centre of V.N. Karazin
Kharkiv National University.
Kharkov, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-1725-5053
drinovcenter@gmail.com

Я.И. Шкабура,

кандидат исторических наук, заместитель
директора Центра болгаристики
и балканских исследований
им. Марина Дринова Харьковского
национального университета
им. В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина.
ORCID: 0000-0003-1541-9317
drinovcenter@gmail.com

Ya. I. Shkabura,
Candidate of Historical Sciences,
the Vice-director of M. Drinov Bulgarian
and Balkan Research Centre of V.N. Karazin
Kharkiv National University.
Kharkov, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-1541-9317
drinovcenter@gmail.com

ЮБИЛЕИ

Славяноведение, 2021, № 4, с. 147–149

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 4, pp. 147–149

К юбилею Анатолия Аркадьевича Турилова

© 2021 г. Д.Г. Полонский

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

dpolon@gmail.com

Ссылка для цитирования. Полонский Д.Г. К юбилею Анатолия Аркадьевича Турилова // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 147–149.

For the anniversary of Anatoly Arkadyevich Turilov

© 2021. D.G. Polonski

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

dpolon@gmail.com

For citation: *Polonski D.G.* For the anniversary of Anatoly Arkadyevich Turilov // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie*. 2021. No 4. P. 147–149. DOI: 10.31857/S0869544X0015980-1.

23 мая 2021 г. исполнилось 70 лет Анатолию Аркадьевичу Турилову, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН, кандидату исторических наук, иностранному члену Сербской академии наук и искусств, члену Академии Амброзиана по классу славистики, иностранному члену итальянской Национальной академии деи Линчеи по классу морали, истории и филологии.

Анатолий Аркадьевич — глубокий и непревзойденный знаток древнерусских, сербских и болгарских письменных источников и памятников материальной культуры. Его исследования обогатили гуманитарную науку множеством открытий в области источниковедения, археографии и палеографии; истории славянских литератур, в том числе переводной книжности; исторических и культурных связей между восточными и южными славянами. Труды А.А. Турилова, касающиеся истории древнерусской и славянской книжности, агиографии, гимнографии, иконографии, литургики, богословия, эпиграфики, истории православной Церкви, в совокупности образуют фундаментальную источниковедческую базу современных исследований. Закономерно, что имя А.А. Турилова, являющегося одним из самых цитируемых палеославистов, широко известно исследователям истории славяно-русской письменности в России и за рубежом, а его избрание в три европейские академии отражает лишь часть научных заслуг ученого.

Основные научные интересы А.А. Турилова в области источниковедения межславянских культурных связей эпохи Средневековья сформировались еще в конце 1970-х годов во время учебы в аспирантуре Института (тогда — славяноведения и балканистики) под руководством замечательного слависта Александра Ивановича Рогова (1935–1996) и работы в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне — Российской государственной библиотеки). В Отделе рукописей ГБЛ наставником А.А. Турилова был выдающийся палеограф Николай Борисович Тихомиров (1927–2000), у которого Анатолий Аркадьевич в известной мере унаследовал репутацию бесспорно крупнейшего отечественного знатока средневековой рукописной книжности конца XIV — первой половины XVIII в. За этой заслуженной репутацией юбиляра стоят годы кропотливой работы

над исследованиями и описаниями древнерусских, сербских и болгарских средневековых письменных источников, уникальная эрудиция и любовь к своему делу.

Одну из своих книг А.А. Турилов посвятил людям, определившим его научную судьбу, и среди них Сигурду Оттовичу Шмидту (1922–2013), который настоял на занятиях Анатолия Аркадьевича южнославянскими историческими сюжетами. В числе первых публикаций А.А. Турилова были исследования оригинальных памятников южнославянской книжности в составе русских рукописных сборников XV–XVII вв., той же теме посвящена и его диссертационная работа «Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV – первой четверти XVI вв.», защищенная в Институте славяноведения в 1980 г. Основная исследовательская биография А.А. Турилова также связана с Институтом, где он трудится более четырех десятилетий – сначала в Археографической комиссии, затем в отделе истории Средних веков.

Круг научных интересов, отразившийся в более поздних трудах А.А. Турилова, поистине огромен. Он охватывает как глаголическую, так и кириллическую письменность от эпохи раннего Средневековья до конца XVII в., включая многообразные аспекты культурной истории и духовной жизни восточных и южных славян в Средние века и раннее Новое время, литературное творчество учеников Кирилла и Мефодия и их современников, межславянские книжно-литературные связи, книжную и материальную культуру Сербии, Болгарии, Белоруссии и Украины, раннюю историю русского книгопечатания. Работы А.А. Турилова содержат объяснения многих неизвестных прежде исторических судеб памятников южно- и восточнославянской письменности. Весьма значителен вклад Анатолия Аркадьевича в археографическую науку. Ученому принадлежат десятки, если не сотни атрибуций конкретным книжникам средневековых кодексов и фрагментов манускриптов, написанных в иноческих обителях и церквях Древней Руси и на Балканах, в том числе в Сербии и Боснии, монастырях Афона. Еще в конце 1970-х годов он стал одним из деятельных составителей «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», изданного в 1984 г. Позже, возглавив в качестве ответственного редактора рабочую группу по составлению «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии», А.А. Турилов воплотил аннотированный перечень манускриптов в подробное аналитическое описание значительной части мирового фонда славянских рукописей. Еще один капитальный труд А.А. Турилова – составленный им совместно с Л.В. Мошковой «Каталог славянских рукописей афонских обителей» – является незаменимым справочным пособием для всех, кто изучает славянскую книжность, связанную с многовековой историей святогорских монастырей. По сей день Анатолий Аркадьевич не оставляет археографическую работу, направленную на учет и квалифицированное описание рукописных памятников, находящихся в различных древлехранилищах. В этой области А.А. Турилов является подлинным энциклопедистом.

В целом Анатолию Аркадьевичу принадлежат более 200 научных работ, в числе которых монографии «*Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья*» (М., 2010); «От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софьянина» (История и культура славян IX–XVII вв.)» (М., 2011); «Межславянские связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики» (М., 2012); «Исследования по славянскому и сербскому средневековью / Студије из словенског и српског Средњог века» (Београд, 2014); «Источници српског средњег века» (Ниш, 2020). Многие десятки обстоятельных статей написаны А.А. Туриловым для «Православной энциклопедии», составляя незаменимую источниковедческую основу современных научно-богословских исследований в области духовной культуры славян.

Глубокое знание общих черт, специфики и закономерностей изменений во времени кирилло-мефодиевского наследия в сочетании с выдающейся памятью Анатолия Аркадьевича, хранящей графический облик множества почерков писцов средневековых манускриптов, не раз позволяли ему совершать удивительные научные открытия. Десятки раз Анатолий Аркадьевич выступал в качестве отзывчивого, внимательного и взыскательного рецензента чужих работ, в том числе каталогов славянских рукописей, составленных другими исследователями в России и за рубежом. Как рецензент он всегда демонстрирует не только высочайший уровень понимания научной проблематики, но и обнаруживает в работах коллег новые, доселе неизвестные взаимосвязи между источниками по истории славянского письменного наследия, рассеянными по архивным и библиотечным собраниям разных стран.

А.А. Турилов – член редакционных коллегий и научно-редакционных советов многих славистических журналов и продолжающихся изданий, в том числе «*Slověne = Словѣне*» (Москва), «Древняя Русь: вопросы медиевистики» (Москва), «Вестник церковной истории» (Москва), «Археографски прилози» (Белград), «*Jужнословенски филолог*» (Белград), «Православне студије» (Ниш),

«Стари српски архив (Белград)», «Старобългарска литература» (София), «Церковно-исторический вестник», «*Russica Romana*» (Рим – Пиза). Он награжден церковными орденами преподобного Сергия Радонежского и св. Даниила Московского (оба 2-й степени) за участие в подготовке историко-богословских изданий; св. Макария, митр. Московского 3-й степени за многолетнее участие в работе Макариевского фонда.

Краткая характеристика научных заслуг и достоинств Анатолия Аркадьевича была бы неполной без упоминания о том, что он не только выдающийся ученый, но и очень добрый человек. Наряду с огромной эрудицией и замечательным трудолюбием А.А. Турилова всегда отличает доброжелательная готовность оказать помощь коллегам при возникновении затруднений в научном поиске. Это хорошо известно всем, кому довелось с ним общаться.

Сердечно поздравляем дорогого Анатолия Аркадьевича, желаем ему здоровья, благополучия и новых творческих достижений на благо нашей науки.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Анатолию Аркадьевичу здоровья и творческих успехов.

Информация об авторе

Дмитрий Георгиевич Полонский,
канд. ист. наук, научный сотрудник
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-1267-1368
dpolon@gmail.com

Information about the author

Dmitri G. Polonski,
Candidate of Sciences in History,
Researcher, Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1267-1368
dpolon@gmail.com

Памяти Ханса Роте (1928–2021)

© 2021 г. Л.И. Сазонова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
(Москва, Российская Федерация)

lsazonova@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Сазонова Л.И.* Памяти Ханса Роте (1928–2021) // *Славяноведение*. 2021. № 4. С. 150–152.

An Obituary for Hans Rothe (1928–2021)

© 2021. L.I. Sazonova

Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lsazonova@mail.ru

Reference for citation: *Sazonova L.I.* An Obituary for Hans Rothe (1928–2021) // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2021. № 4. P. 150–152.

31 марта 2021 г. ушел из жизни крупнейший немецкий славист, член ряда зарубежных академий и почетный доктор нескольких университетов в разных странах, профессор Ханс Роте. До своего 93-летия он не дожил пяти недель. Х. Роте родился 5 мая 1928 г. в Берлине. Научную школу прошел под руководством известных ученых-славистов Альфреда Раммельмейера, Дмитрия Чижевского и Людвига Мюллера. По окончании средней школы в Гамбурге он изучал в 1947–1954 гг. славянскую и индоевропейскую филологию и историю церкви в Киле, Марбурге и Лондоне, затем снова в Марбурге. В 1954 г. получил докторскую степень в Киле, защитив диссертацию на степень доктора по старославянскому языку, и начал преподавать в университете Марбурга. В 1954–1963 гг. был ассистентом профессоров А. Раммельмейера и Г. Бройера в Марбурге, где в 1963 г. прошел процедуру габилитации по теме, связанной с изучением творчества Н.М. Карамзина. С 1966 г. до своей отставки в 1993 г. профессор Х. Роте возглавлял кафедру славянской филологии в Рейнском *Боннском университете* Фридриха Вильгельма. Своей активной деятельностью в качестве университетского преподавателя, исследователя, руководителя диссертаций по разным направлениям славистики ученый обеспечил Боннскому славистическому семинару международную известность и широкое признание как крупного научного центра, приглашавшего к сотрудничеству известных ученых, в том числе из России. В 1979 г. Х. Роте избран действительным членом Академии наук земли Северный Рейн-Вестфалия. Он стремился к расширению научного сотрудничества с СССР, Россией и другими славянскими странами. Х. Роте являлся членом Международного комитета славистов и выступал на съездах славистов с докладами, принимал участие в деятельности Международной ассоциации ЮНЕСКО по изучению и распространению славянских культур. Ученый возглавлял Национальный комитет этой ассоциации в ФРГ. С 2000 г. руководил Патристической комиссией, действующей в составе Академии наук земли Северный Рейн-Вестфалия.

Славистика стала делом всей жизни Х. Роте. Научное наследие ученого обширно. Заинтересованный читатель может получить о нем представление, обратившись к практической полной библиографии трудов «*Schriftenverzeichnis Hans Rothe*» (Вена, 2019; 77 с.). Ученый писал на лингвистические, историко-литературные и историко-культурные темы, охватывая материал в широком временном диапазоне — от древности до XX в. Х. Роте — славист с широким кругом научных интересов: византино-славика, палеославистика, духовная литература, гимнография и литургическая книжность славян, гуманизм и барокко, теория русского стиха (Пушкин), русский роман и рассказ (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов), хорватская, чешская и польская литературы. Изучение ученым каждого текста в литературе основывалось на первоисточниках и базовых филологических подходах, включающих в себя текстологию, историю слов и понятий. Для методологии Х. Роте характерен трехэтапный интегративный процесс: идентификация источников, многоаспектный анализ собственных структур текста и, наконец, место изучаемого явления в литературном процессе. Знания Х. Роте в области истории, богословия, философии позволяли ему предельно расширять культурный контекст исследований, что приводило к всестороннему обзору культурно-исторического фона, к общим выводам о линиях литературных влияний, основных чертах целых эпох. Когда он писал о Карамзине, то ставил вопрос о зарождении русского романа в целом; о Гончарове — то в связи с проблемой реализма в период после Тургенева до Достоевского; если о «Великом инквизиторе» Достоевского — то обращался к просветительскому роману и т.д. Интерпретации, кажущиеся единичными, приводили к историческим и типологическим наблюдениям и выводам. В небольшой по объему, но емкой по содержанию монографии «Что такое «древнерусская литература»?» (Висбаден, 2000) автор отвечал на поставленный вопрос, привлекая широкий материал от гимнографии и «Слова о полку Игореве». Древнерусская литература понимается как уникальный культурный феномен, не имеющий аналогов в истории мировой словесности, как древневосточнославянская книжность — общее наследие русских, белорусов и украинцев. Проблема рассматривалась в сравнительном плане с разными письменными традициями — южнославянской, греческой, латинской и средневерхнемецкой.

Впечатляющие масштабы имеет деятельность Х. Роте как организатора науки, создателя и редактора нескольких научных серий по исследованию и изданию памятников славянских литератур. Он стимулировал важные научные проекты и руководил ими. Ученый стал фигурой международного уровня, вокруг которой объединились творческие интересы исследователей-гуманитариев из разных стран. Х. Роте являлся вместе с Хансом-Берндом Хардером основателем фундаментальной издательской серии по истории славянских литератур «*Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven*» (1968–1991), преобразованной в 1991 г. в серию по славянской филологии и истории культуры славян («*Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte*»). Труды в этих изданиях выходили с предисловиями Х. Роте и под его редакцией. Перечислить все невозможно, назовем некоторые: «Древнейшая восточнославянская искусственная поэзия. 1575–1647» (1977); «Синопис. Киев, 1681. Факсимиле» (1983); «Стихи и песни восточных славян. 1650–1720: Анонимные тексты» (1984); «Сакральные основы славянской письменности» (2002); «Описани средновекових рукописей Оломоуцкой государственной научной библиотеки» (1994); «Литературные журналы в России: 1800–1812» (1999) — полный каталог тем и авторов; «*Historia Bohemica*. Эней Сильвий Пикколомини» в трех томах (2005).

В трудные 1990-е годы Х. Роте оказывал содействие развитию российской науки, предоставляя исследователям возможность публиковать их работы в серии «*Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven*». Глубоко признательна ученому за то, что благодаря его деятельному участию удалось осуществить два больших международных проекта. В результате мы впервые получили практически полное собрание стихотворных сочинений выдающегося восточнославянского просветителя, первого русского профессионального и придворного поэта Симеона Полоцкого. В 1996–2000 гг. была опубликована книга его стихов «Вертоград многоцветный» (в трех томах). Работа продолжилась в том же составе — профессор Роте, английский ученый-славист А. Хипписли и Л.И. Сазонова. Незабываемые дни, проведенные в здании Боннского Славянского семинара в сентябре 2005 г., когда мы втроем обсуждали проект издания другого стихотворного компендиума поэта — собрания придворно-церемониальных стихов «Рифмологион» (в двух томах). Оно вышло в свет в 2013–2017 гг. в том же издательстве *Böhlau*, что и «Вертоград многоцветный».

Х. Роте — соучредитель и редактор престижной серии «*Biblia Slavica*» (с 1988 г.), посвященной изданию или переизданию ранних славянских переводов Священного Писания: чешских и словацких, польских, восточнославянских, серболужицких, южнославянских, литовских. С появлением серии «*Biblia Slavica*» создана основа для многих исследований в области славянской филологии. Облегчая доступ к давним памятникам культуры славянских народов, эти публикации служат

надежной основой для исследований в сфере истории, языка, духовной культуры и взаимовлияний, поскольку переводчики, как правило, сравнивали между собой варианты библейских книг на разных языках. В каждом из томов публикуемый текст, включая факсимиле, сопровождается научными исследованиями языка памятника, обстоятельств его возникновения и обширными примечаниями.

Одним из первых в серии «Biblia Slavica» увидело свет издание важнейшего произведения русской литературы XVIII в. — стихотворной «Псалтири» В. К. Тредиаковского (1989), которая дождалась публикации 236 лет. В ходе проекта «Biblia Slavica» напечатана созданная на старобелорусском языке «Библия Руска» Франциска Скорины (1517–1519), «Библия» Шимона Будного на польском языке (1572). Факсимильно издана старая чешская «Дрезденская Библия» по фотографиям 1914 г. с оригинала 1370 г., сгоревшего впоследствии. В свет вышло репринтное издание первого печатного перевода Библии на польском языке «Библия Леополиты» (1561). Опубликованы «Кралицкая Библия» (1579–1594, изд. 1995) — первый полный перевод Священного Писания на чешский язык и первый перевод Библии на хорватский язык, выполненный филологом Бартолом Кашичем (1625). Х. Роте вместе с Я. Дорулей издали факсимиле рукописи Камалдульской Библии (вторая половина XVIII в.), первого перевода Библии на словацкий язык.

Священное является основой и отправной точкой всего светского культурного творчества — одна из ключевых идей научного творчества Х. Роте. Как-то в личной беседе ученый признался в своей любви к гимнографии как наивысшему достижению поэтического искусства слова. Исследованию древнейшей славяно-русской литургической поэзии, ее истокам и основам посвящена созданная им серия «Studia Hymnographica» (2018–2020), включающая также теологический комментарий. При поддержке ученого были изданы труды: «Литургические гимны по византийскому обряду у славян в древности» (2007); «Инципитарий литургических гимнов в восточнославянских рукописях XI–XIII вв.» (2008). На основе славянских рукописей XI–XIV вв. опубликованы книги православного богослужения «Триодион и Пентикостарион» (2010).

В Боннском офисе Патристической комиссии, руководимой Х. Роте, проводилась работа (на некоторых этапах в тесном сотрудничестве с московскими коллегами) по изучению литургической книжности и изданию служебных восточнославянских певческих Миней; самые древние из них относятся к XI в. Эти письменные памятники содержат литургические гимны, характеризующиеся высоким поэтическим содержанием и стилистическим богатством. Событием стала публикация «Минеи Дубровского» (1999) по рукописи РНБ, привезенной в Россию в начале XIX в. из Парижа коллекционером П. П. Дубровским. Это единственная из пяти известных восточнославянских служебных Миней XI–XII вв., которая имеет не новгородское, а южнорусское происхождение, что установлено на основе написания, характерного для памятников данного диалектного ареала. Издания Новгородских Миней (на февраль, апрель и декабрь), выполненные Патристической комиссией на основе рукописных памятников ГИМ И РГАДА, включают кодикологическое и палеографическое описание, в ряде случаев также факсимильное воспроизведение источников. Написанные церковнославянским языком, древнейшие восточнославянские Минеи отражают литературный язык своего времени и чрезвычайно богатую интеллектуальную культуру носителей этого языка. Поэтому невозможно переоценить значение усилий Х. Роте, предпринятых в развитии данного направления науки.

Огромный массив сделанного ученым представляет нам славянский мир в его единстве и многообразии и в большом историческом времени.

Информация об авторе

Лидия Ивановна Сазонова,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН.
Москва, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7457-3926>
lsazonova@mail.ru

Information about author:

Lidiia I. Sazonova,
Doctor of Filology,
Main Researcher,
Institute of World Literature,
the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7457-3926>
lsazonova@mail.ru